Вирджиния Вулф

Три гинеи

16+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ответ Вирджинии Вулф на поставленный в письме вопрос о том, «как нам предотвратить войну?». Выдающийся анализ причин и последствий исключения женщин из британской культурной, политической и экономической жизни. Изначально произведение задумывалось как роман-эссе, в котором будут чередоваться главы вымышленного и публицистического повествования, демонстрируя взгляды Вулф на войну и женщин. Когда писательница поняла, что эта идея не работает, она разделила текст на две части: роман «Годы» и эссе «Три гинеи». Впервые на русском языке.

- Вирджиния Вулф
  - Предисловие переводчика
  - Первая гинея
  - Вторая гинея
  - Третья гинея
  - Примечания и ссылки
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199

- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243

- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287

- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331

- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375

- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419

- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463

- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507

- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551

- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574

Вирджиния Вулф
Три гинеи

Предисловие переводчика

Вирджиния Вулф (Аделина Вирджиния Стивен) родилась в Лондоне 25 января 1882 года. Ее отец, Лесли Стивен, будучи вдовцом, женился в 1878 году на Джулии Джексон, также ранее бывшей замужем и уже имевшей трех детей: Генри, Стеллу и Джеральда. В своем втором браке Лесли Стивен и его супруга завели еще четырех детей: Ванессу, Тоби, Вирджинию и Адриана.

Семья Стивенов всегда имела тесное отношение к литературе. Лесли Стивен — известный историк, писатель, литературный критик своего времени — в 1876 году издал одну из своих важнейших работ («История английской мысли в XVIII веке»), не утратившую своего значения и по сей день. Он также был первым издателем «Национального биографического словаря», для которого сам написал ряд биографий выдающихся деятелей Англии.

Вирджиния свободно пользовалась огромной библиотекой отца, послужившей отличной заменой школьному и университетскому образованию, о котором большинство женщин того времени могли лишь мечтать. Ее мать умерла в 1895 году, и тогда же у Вирджинии случился первый нервный срыв. К 1897 году она снова смогла читать и делала это с особой жадностью. *«Бог мой, дитя, как же ты голодна»*, — заметил ее отец, который с щедростью и здравомыслием, противоречащим тому времени, позволил ей свободно выбирать чтение. В остальном же их отношения были трудными; глухота и меланхолия отца, его чрезмерная эмоциональность, а также последовательные утраты близких людей лишь усиливали нервозность Вирджинии.

В 1904 году Лесли Стивен умер, и Вирджиния пережила еще один нервный срыв, во время которого слышала пение птиц на греческом языке. После выздоровления она со своими братьями и сестрой переехала в дом на Гордон-сквер в районе Блумсбери — традиционном центре интеллектуальной жизни Лондона.

В 1905 году Вирджиния начала публиковаться в литературном приложении «Times». Несмотря на сильное ухудшение здоровья в эти годы, она путешествовала и вела интересную светскую жизнь в Лондоне. Вирджиния немного преподавала взрослым, работала в сфере женского избирательного права и увлекалась постимпрессионизмом. В 1912 году после очередного приступа она вышла замуж за Леонарда Вулфа.

Первый роман «По морю прочь» был принят к публикации в 1913 году, когда Вирджинии было уже за тридцать. Она часто

страдала депрессией и анорексией и в том же году впервые пыталась покончить с собой. Однако после очередного помрачнения сознания ее здоровье, казалось, наладилось, и в 1917 году в их с мужем доме Хогарт-хаус был установлен печатный станок. Позднее «Хогарт Пресс» станет известнейшим издательством, поначалу предназначавшимся в качестве терапии для Вирджинии. В 1918 году был закончен второй роман «День и ночь», опубликованный год спустя. Тогда же Вулфы купили коттедж XVI века в деревне Родмелл на аукционе за 700 фунтов, где Вирджиния закончила свою третью книгу под названием «Комната Джейкоба». В последующие годы, несмотря на периодические приступы болезни, она опубликовала свои наиболее известные романы «Миссис Дэллоуэй» (1925) и «На маяк» (1927). Книга «Орландо», фантастическая «биография» мужчины-женщины и дань уважения тесной дружбе Вирджинии с Витой Сэквилл-Уэст, английской писательницей, аристократкой и журналисткой, была написана достаточно быстро и со значительным успехом вышла в свет в 1928 году. Вскоре последовали «Волны» (1931) и «Флаш» (1933). Затем Вирджиния начала работать над тем, что в итоге превратилось в «Годы», последний опубликованный при ее жизни роман, и отдельные эссе.

Этот краткий отчет о ее работе, конечно, неполон; Вирджиния также написала и опубликовала много более коротких работ, среди которых были отдельные рассказы, а также сборники литературных статей («Обыкновенный читатель» в двух томах).

Особняком стоят два расширенных эссе «Своя комната» и «Три гинеи», в которых Вирджиния Вулф проводит глубокий анализ причин и последствий исключения женщин из британской культурной, политической и экономической жизни. Начиная с рассмотрения непростых отношений между женщиной и художественной литературой в «Своей комнате» (1929), Вулф переходит к гораздо более глубокому анализу политических и культурных последствий традиционного угнетения женщин в «Трех гинеях» (1938).

«Своя комната», пожалуй, наиболее известное эссе Вулф. Несмотря на весьма полемический стиль написания, сосредоточение на вопросах истории и формы литературы сделало работу вполне доступной любителям художественных произведений писательницы. Современный рост феминистских исследований жизни и творчества Вулф также повысил интерес к «Своей комнате», которую многие критики считают первым самостоятельным эссе в истории феминистской литературы. «Три гинеи», напротив, относительно неизвестная работа. Хотя

Вирджиния задумывала ее как продолжение «Своей комнаты», насыщенность текста, огромное количество ссылок, а также крайность политических взглядов автора отодвинули это произведение на задний ее план творчества.

На самом деле, «Три гинеи» есть результат десятилетних исследований Вулф, построенный на аргументах, разработанных в «Своей комнате». На протяжении 1930-х годов Вирджиния читала мемуары, биографии, официальные отчеты и газеты с целью углубления своего понимания социальной и культурной роли женщин. Политические события того десятилетия сделали ее взгляды более радикальными. Приход к власти Гитлера в 1933 году, Испанская война (1936–1939), поляризация британского общества в условиях экономического спада и массовой безработицы заставили Вулф задуматься о политических последствиях патриархальной системы, которую она обнаружила как в государственных, так и в частных учреждениях. Таким образом, в «Трех гинеях» автор исследовала социальные силы, которые привели к росту фашизма. Видя его неразрывную связь с институтами патриархальной системы, Вирджиния Вулф в итоге предлагает своеобразную форму радикальных политических действий, согласно которой женщины должны объединиться в общество «аутсайдеров», дабы бросить вызов фашизму и движению к войне.

Роман «Годы» (1937) оказался мучительно трудным для завершения и был переписан по крайней мере дважды. Параллельно Вулф работала над биографией своего друга Роджера Фрая, известного художника-постимпрессиониста, скончавшегося в 1934 году, и уже набрасывала в уме идеи для последнего романа «Между актов» (1941). Биография Фрая вышла летом 1940 года, той же осенью многие здания района Блумсбери (включая дом Вулф) были уничтожены бомбардировкой. После этого ее психическое состояние сильно ухудшилось, и 28 марта Вирджиния Вулф утопилась в реке Уз недалеко от своего дома.

Первая гинея

Три года — весьма долгий срок, чтобы письмо оставалось без ответа, а ваше пролежало и того дольше. Я надеялась, что дело разрешится само собой или же другие люди выступят вместо меня. Но письмо и вопрос *«как нам, по-вашему, предотвратить войну?»* так и остались без ответа.

По правде говоря, напрашивается сразу несколько ответов, и нет ни одного, который бы не нуждался в разъяснениях, а они требуют времени. В данном случае есть также несколько причин, почему будет особенно трудно избежать недопонимания между нами. Целую страницу могли бы занять одни только извинения и оправдания, признание собственной непригодности и некомпетентности, отсутствия знаний и опыта, не лишенные оснований. Но, даже озвучив их, мы увидим, что в нашем деле по-прежнему останется несколько трудностей, причем настолько фундаментальных, что вам будет так же сложно понять их, как и нам — объяснить. Однако никому не понравится, если такое замечательное письмо, как ваше, останется без ответа — письмо, вероятно, уникальное во всей истории переписки между людьми, ведь когда еще образованный мужчина интересовался мнением женщины о том, как предотвратить войну? Посему давайте предпримем хотя бы попытку ответить, даже если она обречена на провал.

Для начала набросаем эскиз человека, которого представляет себе любой автор письма, — того, кому оно адресовано. Ведь, если по ту сторону страницы нет чьего-либо теплого дыхания, послания по сути своей бесполезны. У вас, вопрошающий, виски уже начали седеть, да и волосы на макушки стали реже. Не без усилий к среднему возрасту вы стали адвокатом, но в целом ваша жизнь складывалась благополучно. В выражении лица нет никакой вялости, гнева или неудовлетворенности. И без особой лести можно сказать, что успехи вашего процветания (жена, дети и дом) вполне заслужены. Пресыщенность и некоторая скука средних лет жизни вам незнакомы, поскольку, ибо письмо ваше пришло из офиса в центре Лондона, вы являетесь обладателем нескольких акров[1] земли в Норфолке[2] и, вместо того чтобы взбивать подушку, закалывать поросят и подрезать свои грушевые деревья, заслышав вдалеке залпы орудий, пишете теперь письма, посещаете встречи, заседая там и сям, и задаете подобные вопросы. Что касается остального, вы начали свое образование в одной из лучших государственных школ, а завершили в университете.

Именно здесь между нами возникает первый барьер в общении. И сразу коротко обозначим его причину. В этом разнородном веке, когда классы людей, несмотря на их смешение, по-прежнему остаются неизменными, мы оба происходим из того, который удобней всего называть образованным. Встречаясь друг с другом, мы говорим в схожей манере, одинаково пользуемся ножами и вилками и ожидаем, что кухарки приготовят обед и вымоют посуду. Во время трапезы мы без особых усилий ведем беседы о политике и людях, о войне и мире, варварстве и цивилизации — в сущности затрагиваем все вопросы, подразумеваемые в вашем письме. И кроме этого, мы оба сами зарабатываем себе на жизнь. Но… Многоточие здесь обозначает такую пропасть между нами, что целых три года я рассуждала, а есть ли вообще смысл пытаться беседовать с тем, кто на другой ее стороне. Давайте спросим кого-нибудь еще, например Мэри Кингсли[3]. *«Не знаю, рассказывала ли я вам когда-нибудь, что в качестве образования мне позволялись и оплачивались только уроки немецкого. Зато две тысячи фунтов были потрачены на моего брата и, я надеюсь, не напрасно»*{1}. Мэри Кингсли говорит не только о себе, но и о большинстве дочерей образованных мужчин, указывая тем самым на одно очень важное обстоятельство, касающееся образования; на обстоятельство, которое сильнейшим образом влияет на все, что из него следует, — она говорит об Образовательном Фонде Артура. И если вы читали «Историю Пенденниса»[4], то наверняка помните, что в домашних бухгалтерских записях фигурировали таинственные буквы О. Ф. А. Начиная с XIII века, все образованные английские семьи, от Пастонсов до Пенденнисов, перечисляют средства на весьма ненасытный счет этой организации. А семьи, в которых обучались сразу несколько сыновей, прикладывали немалые усилия, чтобы наполнять этот сосуд. Ваше образование заключалось не только в чтении книг: спортивные соревнования развивали тело, а друзья научили гораздо большему, чем книги и спорт вместе взятые. Беседы с приятелями расширили кругозор и обогатили ум. Путешествуя на каникулах, вы развили вкус к искусству, узнали о внешней политике; в то время, прежде чем вы смогли зарабатывать себе на жизнь, вас содержал отец, давая возможность получать ту самую профессию, благодаря которой вы впоследствии стали добавлять буквы К. А.[5] к своему имени. Все это исходит из Образовательного Фонда Артура. И в него, указывает Мэри Кингсли, ваши сестры также делали свой вклад. Он наполнялся не только деньгами, которые могли обеспечить их собственное образование, за вычетом тех небольших сумм, что тратились на

учителей немецкого, сюда приносились в жертву и многие другие неотъемлемые привилегии образования: путешествия, общение, личное пространство и отдельное жилье, которых они были лишены. Сей жадный сосуд, Образовательный Фонд Артура, будучи совершенно незыблемым, отбрасывал тень на всю жизнь ваших сестер. Поэтому, глядя на одни и те же вещи, мы видим их совершенно по-разному. Так что же это за скопление учреждений королевского вида, с их часовнями и залами, зелеными площадками для игр? Для вас это — старые школы, Итон[6] или Харроу[7], ваши альма-матер[8], Оксфорд[9] или Кембридж[10] — источники воспоминаний и неисчислимых традиций. Но для нас, тех, кто видит все сквозь призму Образовательного Фонда Артура, это — школьная парта; омнибус[11], везущий на занятия; невысокая женщина с красным носом, и сама-то не слишком образованная, однако вынужденная содержать недееспособную мать; 50 фунтов пособия в год, на которое, кроме всего прочего, нужно покупать одежду, делать подарки и совершать путешествие длиною в жизнь к собственной зрелости. Именно так повлиял на нас Образовательный Фонд Артура. Словно по волшебству, живописный пейзаж прямоугольных зданий Оксфорда или Кембриджа и их просторных внутренних двориков превращается для дочерей образованных мужчин{2} в дырявые юбки, промерзшие ноги и опоздания на поезда, проводники которых вечно захлопывали двери перед носом.

Тот факт, что О. Ф. А. меняет всю картину целиком: и залы, и игровые площадки, и священные доктрины, — безусловно, важен, но его обсуждение следует на время оставить. Сейчас нас беспокоит лишь то, что, когда дело доходит до рассмотрения столь важного вопроса — *«как помочь вам предотвратить войну?»*, — разница в нашем образовании имеет значение. И, дабы понять причины войны, необходимо, очевидно, хоть немного разбираться в политике, международных отношениях и экономике. Философия и теология также могут быть полезны. Но, будучи необразованным и не обладая развитым мышлением, вы не смогли бы грамотно рассуждать на подобные темы. Согласитесь, что восприятие войны как столкновения обезличенных сил выше понимания необразованного человека. Но думать о войне как о следствии проявления человеческой натуры — другое дело. Разве стали бы вы просить нас о помощи, если бы не верили, что природа человека, разум и чувства обычных мужчин и женщин, могут привести к войне. Вы, должно быть, спорили с тем, что люди здесь и сейчас способны заявлять о своих желаниях; они уже более не пешки и пляшущие марионетки, которыми чьи-то невидимые пальцы манипулируют

с помощью нитей. Они способны думать и действовать самостоятельно. А возможно, и влиять на поступки и мысли друг друга. Но, вероятно, именно такие рассуждения и заставили вас столь деликатно обратиться к нам с подобной просьбой. К счастью, существует один раздел образования, попадающий под описание *«не позволен для изучения»*; и, если отвлечься от ассоциаций этого слова исключительно с наукой, можно сказать, что понимание человеческой натуры и ее мотивов определяется психологией. Замужество как основная профессия, единственно доступная женщинам нашего класса с незапамятных времен вплоть до 1919 года[12], как искусство выбора человека, жизнь с которым сложится удачно, могло и привить нам несколько полезных навыков в этой области. Однако мы вновь наталкиваемся на препятствие. Несмотря на то, что многие инстинкты более или менее характерны для всех людей, привычка драться всегда была чисто мужской. Законы и традиции развили это различие между нами, врожденное оно или случайное. Едва ли истории известен случай, когда мужчина погиб от винтовки в женских руках; множество животных и птиц были истреблены именно вами, а не нами; и достаточно сложно судить о том, чего мы не разделяем{3}.

Как нам в таком случае понять вашу проблему и ответить на вопрос о предотвращении войны, если мы просто не в состоянии этого сделать? Ответ, основанный на собственном опыте и психологии — *«зачем вообще воевать?»* — не представляет никакой ценности. Очевидно, что для вас война необходима, и, помимо славы, она приносит также некое удовольствие, которое мы никогда не чувствовали и которым не наслаждались. Полное понимание можно достичь лишь переливанием крови и памяти от вас к нам — чудом, на которое наука по-прежнему не способна. Но у нас, ныне живущих, есть вполне достойная замена подобным чудесам. Мы обладаем изумительным, постоянно возобновляемым и практически нетронутым источником помощи в понимании человеческой мотивации: у нас есть биографии и автобиографии, а также газеты — история в чистом виде. Таким образом, нет больше ни одного соображения, которое хоть немного ограничивало бы фактический опыт, отсутствие коего у нас по-прежнему столь заметно. Мы можем восполнить свои пробелы при помощи жизненного опыта других людей. Разумеется, это всего лишь иллюстрации, но как раз они сейчас и должны помочь. Именно к биографии мы и обратимся в первую очередь, быстро и кратко, только для того, чтобы попытаться понять, какое значение имеет для вас война, и процитируем несколько предложений. Для начала — из жизни одного солдата:

«Я живу самой счастливой жизнью, которую только способен представить; сколько себя помню, я работал на военном поприще и вот теперь добился самого важного, что может быть у солдата в расцвете сил… Слава Богу, мы уйдем через час. У меня такой великолепный полк! Какие мужчины! Какие лошади! Надеюсь, что через десять дней в Германии мы с Фрэнсисом будем ехать бок о бок»{4}.

А биограф комментирует:

«С самого начала он был в высшей степени счастлив, поскольку нашел свое истинное призвание».

Добавим к этому слова одного летчика:

«Мы говорили о Лиге Наций[13]*, о перспективах мира и разоружении. В данном вопросе он уже не проявлял милитаризма*[14]*, обычно присущего военным. Трудность заключалась в том, что он никак не мог найти ответа на вопрос, пострадает ли психика человека и его характер, если однажды будет достигнут мир, а флот и армия прекратят свое существование и мужские качества, воспитанные войной, станут не нужны»*{5}.

В данном тексте указаны сразу три причины стремления людей вашего пола сражаться: война — это профессия; источник счастья и возбуждения; а также возможность для мужчин проявлять свой характер, без которого они выродятся. Но то, что подобное восприятие войны ни в коем случае не свойственно всем мужчинам, доказывают слова из биографии одного поэта, погибшего в Первую мировую войну — Уилфреда Оуэна[15]:

«Уже и я постиг свет, который никогда не просочится в догматы национальных церквей, а именно, что важнейшей заповедью Христа было терпеть позор и унижение любой ценой! Никогда не браться за оружие. Быть запуганным, оскорбленным, убитым, но ни в коем случае не убивать самому… Таким образом, видно, насколько истинное христианство не вписывается в концепцию настоящего патриотизма».

А в некоторых примечаниях и заметках к стихотворениям, которые он так и не успел закончить, написано:

«Противоестественность оружия… Жестокость войны… Ее бесчеловечность… Ее ужасное безобразие… Глупость»{6}.

Из этих цитат следует, что не все мужчины придерживаются одинаковых взглядов по поводу войны. Однако из свежих газет ясно, что, несмотря на внушительное число инакомыслящих, большинство людей вашего пола сегодня выступают в поддержку войны. На конференции образованных мужчин в Скарборо[16] и собрании рабочих в Борнмуте[17] пришли к выводу, что тратить на вооружение 300 миллионов фунтов в год просто необходимо. Они считают, что Уилфред Оуэн был неправ: и лучше убивать, чем быть убитым. И, поскольку биографии демонстрируют не одно различие во взглядах, понятно, что должна быть некая основная причина, которая преобладает над остальными, вызывая тем самым непреодолимое единодушие. Может, ради краткости назовем ее *«патриотизмом»*? И тогда необходимо спросить, в чем же заключается этот самый *«патриотизм»*, заставляющий вас воевать? Позволим Лорду верховному судье[18] Англии сформулировать для нас ответ:

«Англичане гордятся своей страной. Любовь тех, кто обучался в школах и университетах и работал здесь всю свою жизнь, немного сильнее обычной любви к государству. Рассматривая другие страны и судя о достоинствах их политики, мы приводим Англию в качестве примера… Свобода сделала ее нашим домом. Ведь именно здесь главенствуют демократические порядки… по правде говоря, в мире существует множество врагов свободы, порой там, откуда их и не ждешь. Но мы твердо стоим на своем. И, как уже было сказано прежде, дом англичанина — его Замок. Родина Свободы находится именно в Англии. И это действительно крепость, которая будет защищаться людьми до последнего. Да, мы весьма и весьма благословенный народ, мы — англичане»{7}.

Это справедливое общее утверждение показывает, что значит патриотизм для образованного мужчины и какие обязанности он на него накладывает. Но означает ли патриотизм то же самое и для сестры образованного мужчины? Есть ли у нее те же основания гордиться Англией, любить ее и защищать? Так же ли сильно ее *«благословила»* страна? Обратившись к истории и биографиям, мы, скорее всего, увидим иное, по сравнению с мужчиной, положение женщины на родине свободы. А психология, вероятно, намекнет на то, что история не бесследно повлияла на ее разум и тело. Поэтому женская интерпретация *«патриотизма»* может сильно отличаться от мужской. И это

различие чрезвычайно затрудняет для нее понимание мужского патриотизма и тех обязательств, которые он накладывает. Поэтому, если наш ответ на вопрос — *«как, по-вашему, предотвратить войну?»* — зависит от понимания причин, эмоций и преданности, которые заставляют мужчин брать в руки оружие, это письмо лучше всего разорвать и бросить в мусорную корзину. Мы, очевидно, не можем понять друг друга из-за разницы во взглядах и даже думаем совершенно по-разному, в зависимости от своего пола. Есть точки зрения Гренфелла, Ньюбворфа, Уилфреда Оуэна, верховного судьи и точка зрения дочери образованного мужчины. Все они различны между собой. Но неужели нет абсолютного мнения? Не сможем ли мы в каких-нибудь нетленных письмах прочесть золотые слова: *«Вот это правильно. А это нет?»* — некое моральное суждение, которому все мы должны будем следовать, невзирая на различия. Давайте в таком случае переадресуем вопрос о том, правильно это — воевать — или нет, людям, сделавшим нравственность и мораль делом своей жизни — духовенству. Казалось бы, задай мы им простой вопрос: *«Правильно это — воевать — или нет?»,* — то получим не менее простой, очевидный ответ. Но нет — Англиканская церковь, которая должна бы уметь абстрагироваться от международных противоречий, также придерживается двоякого мнения — сами епископы спорят. Епископ Лондона[19] утверждает, что *«настоящую опасность миру на Земле в наши дни представляют пацифисты. Уж скверной войны бесчестье сквернее»*{8}. С другой стороны, епископ Бирмингема[20] называет себя *«исключительным пацифистом… Я не вижу себя согласным с позицией рассмотрения войны как воли Божьей»*{9}. Таким образом, сама церковь противоречива: при некоторых обстоятельствах нужно сражаться, а в их отсутствие — нет. Это, несомненно, тревожит и путает нас, но факт остается фактом и необходимо признать, что нет абсолютной уверенности ни на небесах, ни на земле. Действительно, чем больше биографий мы читаем, чем больше слушаем речей, чем больше узнаем мнений, тем сильнее путаемся и меньше, кажется, понимаем побуждения, мотивы и мораль, заставляющие вас воевать, дабы делать предположения о том, как помочь вам предотвратить войну.

Но, кроме жизни и мыслей разных людей, историй и биографий, есть и более конкретные примеры — фотографии. Они, конечно, не доводы для умозаключений, а всего-навсего факты, предназначенные для глаз, но именно в этой их простоте, быть может, и есть помощь. Давайте узнаем, одинаковые ли чувства мы испытываем, глядя на одни и те же фотографии.

Здесь, на столе, перед нами несколько снимков. Правительство Испании настойчиво высылает их примерно дважды в неделю[21]. Не самые неприятные фотографии, на них в основном — мертвецы. В сегодняшней газете, например, подборка изображений не то мужского тела, не то женского; оно настолько искалечено, что и вовсе может принадлежать поросенку. Но это, конечно, мертвые дети и, несомненно, руины дома. Бомба разрушила стену; вот здесь, где, по-видимому, была гостиная, еще висит птичья клетка, но остальная часть дома настолько ни на что не похожа, словно все взлетело на воздух.

Те снимки не доводы, а лишь голые факты, предназначенные для наших глаз, которые, в свою очередь, соединены с мозгом, а тот — со всей нервной системой. И эта система посылает импульсы через всю память прошлого и чувства настоящего. Когда мы смотрим на эти фотографии, внутри нас протекают некоторые реакции. Однако, несмотря на разницу в образовании и традициях, наши чувства схожи, и они сильны. Вы, сэр, называете их *«ужасом и отвращением»*. Мы зовем их также. Одни и те же слова произносят наши губы. *«Война*, — говорите вы, — *является отвратительным варварством; ее нужно остановить любой ценой»*. А мы, словно эхо, повторяем за вами: *«Война является отвратительным варварством, ее нужно остановить»*. И вот, наконец, смотрим мы на один и тот же снимок и оба одинаково видим мертвые тела и руины дома.

Давайте на мгновение оставим попытки ответить на вопрос о том, как мы можем помочь вам предотвратить войну, через обсуждение политических, патриотических или психологических причин, побуждающих вас воевать. Эмоции слишком сильны, чтобы спокойно рассуждать. Сосредоточимся на практических действиях, которые вы представили нам на рассмотрение. Их три. Первое — подписать коллективное письмо в газету; второе — вступить в определенное общество; третье — пожертвовать денег его фондам. На первый взгляд, нет ничего проще. Небрежно поставить свою подпись на бумаге легко; посетить встречу, где миролюбивые взгляды более или менее высокопарно излагаются людям, которые их уже разделяют, тоже довольно просто; а выписать чек в поддержку отчасти приемлемых взглядов хоть и не так просто, — все же легкий способ успокоить то, что принято называть совестью. Однако по-прежнему есть несколько причин колебаться — причин, в которые мы непременно должны будем серьезно вникнуть позже. Достаточно сказать сейчас о том, что хотя три озвученных вами способа вполне убедительны, кажется: если мы и выполним эти просьбы, то чувство, вызванное снимком, так и не утихнет. Эта подлинная эмоция требует чего-то более

внушительного, нежели подпись на бумаге, потраченный на какую-то речь час и чек, подписанный на какую угодно сумму, которую мы можем себе позволить — скажем одну гинею[22]. Кажется, нужен более активный и действенный способ выражения собственных убеждений в том, что война является варварством и проявлением бесчеловечности, что она, как считал Уилфред Оуэн, не оправдана, отвратительна и чудовищна. Но, краснобайство в сторону, какой же еще действенный способ у нас есть? Давайте обсудим и сравним. Вы, конечно, можете еще раз встать с оружием в руках на защиту мира в Испании, как это было во Франции[23]. Однако этот испробованный метод, вы, вероятно, уже отвергли[24]. В любом случае этот путь для нас закрыт: армия и флот недоступны для женщин. Нам запрещено воевать, равно как и становиться членами Лондонской фондовой биржи[25]. Таким образом, мы не можем надавить ни силой, ни средствами. Косвенное, но все же эффективное оружие, которое есть у наших братьев, образованных мужчин, на их дипломатической службе, в церкви, также недоступно для нас. У нас нет прав читать проповеди или вести переговоры. И, хотя мы действительно можем писать статьи и отсылать письма в газеты, цензура прессы — решение того, что печатать, а что нет, — всецело принадлежит вам, мужчинам. Конечно, за последние двадцать лет нас допустили к государственной службе и адвокатуре, но позиция женщин в них до сих пор неустойчива, а авторитет незначителен. Поэтому все виды оружия, с которыми образованный мужчина может настаивать на своем мнении, столь неподвластны нам, что, воспользуйся ими, мы не нанесем и царапины. Если бы мужчинам вашей профессии пришлось объединиться и сказать: *«Без зарплаты мы прекратим работать»*, — законы Англии пришлось бы корректировать. А сделай такое женщины вашей профессии, это бы ничего не изменило. Мало того, что мы гораздо слабее мужчин своего класса, мы даже слабее женщин рабочего класса. Если бы все они заявили: *«Пойдете на войну, и мы откажемся производить оружие и товары»*, — сложность ведения боев серьезно бы возросла. Но, если все дочери образованных мужчин отложат завтра свои инструменты, ничего существенного в жизни общества и вопросе войны не произойдет. Наш класс является самым слабым среди прочих. У нас нет никакого оружия, дабы отстаивать свое мнение{10}.

Ответ на это настолько очевиден, что мы можем с легкостью его предугадать. У дочерей образованных мужчин и правда нет прямого рычага воздействия, но они наделены величайшей из всех сил — способностью влиять на образованных мужчин. И, ежели на самом деле такое влияние является сильнейшим нашим

оружием и тем единственным, что может помочь вам предотвратить войну, позвольте, прежде чем подписывать манифесты или присоединяться к вашему обществу, рассмотреть его размеры.

Какое влияние оказывали мы в прошлом на профессию, наиболее приближенную к войне — на политику? И опять же есть бесчисленное количество бесценных биографий, однако они поставили бы алхимикам задачу экстрагировать из жизни множества политиков ту специфическую власть, которую имели над ними женщины. Наш анализ может быть лишь незначительным и поверхностным, но, если мы ограничим свои запросы реальными рамками и пробежимся по мемуарам хотя бы полутора столетий, едва ли уже сможем отрицать, что в истории были женщины, влиявшие на политиков. Знаменитые Герцогиня Девонширская[26], Леди Палмерстон[27], Леди Мельбурн[28], Мадам де Ливен[29], Леди Холланд[30], Леди Ашбартон[31] — все они, безусловно, обладали огромным политическим влиянием. Их знаменитые дома и приемы, которые в них проводились, значительно отображены в политических мемуарах того времени, и мы едва ли можем не согласиться с тем, что британские политики и даже английские войны без этих самых домов и приемов были бы другими. И есть нечто общее во всех мемуарах. Имена великих политических лидеров: Питта[32], Фокса[33], Берка[34], Шеридана[35], Пиля[36], Каннинга[37], Палмерстона[38], Дизраэли[39], Гладстона[40] — встречаются на каждой странице. Но вы не найдете там и одного упоминания о том, как дочери образованных мужчин встречают гостей, стоя на верхних ступенях лестницы, или же пребывают в своих комнатах, поскольку им недостает шарма, ума, социального положения или подходящего наряда. Какой бы ни была причина, вы можете прочесывать страницу за страницей, том за томом, и, хотя отыщете их братьев и мужей: Шеридана в Девоншир-Хаус[41], Маколея[42] в Холланд-Хаус[43], Мэтью Арнольда[44] в Ланздаун-Хаус[45] и Карлайла[46] в банном доме — имена Джейн Остин[47], Шарлотты Бронте[48] и Джордж Элиот[49] вам не попадутся. И даже миссис Карлайл[50] на собственном приеме было не по себе.

Но, как вы можете заметить, дочери образованных мужчин обладали, вероятно, иным видом влияния, не зависевшим от здоровья и социального положения, вина и еды, одежды и всех прочих удобств, делавших известные дома и их великих хозяек столь притягательными. Здесь мы, несомненно, вступаем на более твердую почву, потому как существовало одно политическое стремление, которое дочери образованных мужчин вынашивали в глубине души на протяжении прошедших полутора столетий —

желание голосовать. Но стоит лишь задуматься, сколько времени потребовалось, чтобы добиться такого права, и сколько труда на это ушло, как мы приходим к выводу, что влияние нужно совмещать с богатством для достижения его эффективности в политических целях и что это влияние, которое есть у дочерей образованных мужчин, очень слабое по силе, медленное в действии и болезненное при использовании{11}. Великое политическое достижение дочери образованного мужчины, безусловно, стоило ей более одного столетия самых утомительных лакейских трудов, заставляло ее через силу добиваться своей цели, участвовать в демонстрациях, работать в офисах, высказываться на углах улиц, и, наконец, из-за того что она применила силу, отправило ее в тюрьму, где, скорее всего, до сих пор и держит. И разве не парадоксально, что помощь, которую она оказала своим братьям, когда те применили силу, дала ей, наконец, право называть себя, если и не полноценной дочерью, то хотя бы падчерицей Англии{12}.

Похоже, на деле воздействие будет эффективным, только если оно подкреплено социальным положением, богатством и известным домом. Влиятельны дочери аристократов, а не образованных мужчин. И влияние такого типа описано выдающимся человеком вашей собственной профессии, покойным сэром Эрнестом Уайльдом[51].

«Он заявил, что огромное влияние, которое женщины оказывают на мужчин, всегда было и должно оставаться косвенным. Мужчине нравится думать, будто он действует самостоятельно, когда в действительности он делает лишь то, чего хочет женщина; а та, в свою очередь, всегда позволяет мужчине думать, будто он всем заправляет сам, когда это не так. Любая женщина, интересующаяся политикой, имеет гораздо большую силу без права голосовать, чем с ним, ведь она может повлиять на голоса многих людей. Он чувствовал, что это неправильно — принижать женщин до уровня мужчин. Он уважал их и не хотел менять своего мнения, мечтая о том, чтобы благородный век рыцарей вообще не кончался, ибо каждый мужчина, у кого есть заботящаяся о нем женщина, любит быть героем в ее глазах»{13}.

И так далее…

Но, если такова истинная сущность нашего влияния и все мы понимаем его принципы, получается, что оно — или недосягаемо, потому как большинство из нас — простые, старые и бедные люди; или заслуживает презрения, потому как многие предпочтут

называть себя проститутками и отстаивать нашу позицию где-нибудь под фонарями Пикадилли[52], чем использовать такое влияние. Если такова истинная сущность — косвенное воздействие — этого выдающегося оружия, мы должны обойтись без него, добавить свой ничтожный импульс к вашим гораздо более внушительным силам и вернуться к предложенному ранее написанию писем, вступлению в общество и выписки его фондам скудного чека. Подобный вывод кажется неизбежным и унылым окончанием погружения в изучение природы нашего влияния. Но ведь так и не было убедительно объяснено, почему право голосовать{14}, которое само по себе почти ничего не значит, таинственным образом связано с другим, гораздо более ценным, правом дочерей образованных мужчин, под влиянием которого почти каждое слово в словаре было изменено, включая само слово *«влияние»*. Вам и в голову не придет назвать эти слова преувеличением, если мы поясним, что они касаются права зарабатывать себе на жизнь.

Это право, сэр, даровано нам менее двадцати лет назад, в 1919 году, Актом[53], открывшим путь к профессиональному образованию. Двери частного дома распахнулись. В каждой сумочке был, или мог быть теперь, один сверкающий новый шестипенсовик[54], в блеске которого каждая мысль, взгляд и действие выглядели иначе. Двадцать лет по меркам времени — небольшой срок; сам шестипенсовик особой ценности не представляет, да и мы пока еще не имеем возможности пробежаться по биографиям, дабы узнать о жизни и взглядах владельцев этих новеньких монет. Но, быть может, в воображении мы способны увидеть, как дочь образованного мужчины выходит из тени частного дома и стоит на мосту, соединяющем старый мир с новым и, теребя в руках священную монетку, спрашивает себя: *«А что же с ней сделать? На что она открыла мне глаза?»*. Нетрудно догадаться, что все вокруг предстало перед ней в новом свете: и мужчины, и женщины, машины и церкви. Даже луна, пусть и испещренная множеством кратеров, кажется ей белым, незапятнанным шестипенсовиком, алтарем, на котором она поклялась ни от кого и никогда больше не зависеть, словно рабыня, с тех пор как ей принадлежит право делать что хочется; священный шестипенсовик, который она заработала своим собственным трудом. Оценивая этот воображаемый образ критически, вы ведь не согласитесь с мыслью, будто профессия всего-навсего еще одна форма рабства, а, исходя из опыта, скорее признаете, что зависеть от профессии куда менее отвратительно, нежели — от отца. Вспомните свою радость от первой заработанной в адвокатуре гинеи и тот глубокий свободный

вздох, который вы сделали, осознав, что зависимость от Образовательного Фонда Артура позади. Самое ценное в вашей жизни: дом, жена, дети, а также все, чего вы добиваетесь возможностью влиять на других людей — словно из магической искорки, способной и создавать, и разрушать, берет начало из той гинеи. Но каким было бы ваше влияние, живи вы до сих пор на 40 фунтов из семейного кошелька и к тому же в подчинении пускай даже самого благосклонного из отцов? Нечего и гадать — ничтожным. Поэтому, независимо от причин, будь то гордость, любовь к свободе или ненависть к лицемерию, вы должны понимать волнение, с которым в 1919 году ваши сестры начали зарабатывать, если и не гинею, то хотя бы шестипенсовик, и не станете презирать их гордость и то, что с тех пор они более не используют влияние, описанное сэром Эрнестом Уайльдом.

Само слово *«влияние»* тогда изменилось. Ныне дочь образованного мужчины имеет в своем распоряжении влияние, отличное от всего, чем она обладала раньше. Это не влияние Сирены[55]; и не влияние дочери образованного мужчины, не имевшей права голоса; и даже не то влияние, которое она получила, когда уже смогла голосовать, но была лишена возможности зарабатывать себе на жизнь. Оно отличается, поскольку в его основе не лежат более ни шарм, ни деньги. У дочери образованного мужчины нет теперь нужды использовать свое обаяние для получения благ от отца или брата. С тех пор как семья не в состоянии наказывать ее финансово, она может открыто выражать свое мнение. Вместо поддакивания, которое зачастую было бессознательно продиктовано потребностью в деньгах, теперь она может искренне заявлять о том, что ей действительно нравится, а что нет. Короче говоря, не обязательно все время соглашаться — можно и критиковать. И теперь, наконец, она обрела бескорыстное влияние.

В общих чертах, именно такова сущность нашего нового оружия, влияния, которое может сейчас оказывать дочь образованного мужчины, когда она в состоянии зарабатывать себе на жизнь. Но встает другой вопрос, требующий обсуждения: а как ей использовать это влияние, дабы помочь вам предотвратить войну? И тут же становится ясно, что, если нет разницы между мужчиной и женщиной, которые зарабатывают себе на жизнь, в этом письме можно ставить точку. Ведь, если наши точки зрения совпадают, всего-то и нужно — добавить свой шестипенсовик к вашей гинее, следовать вашим методам и вторить вашим словам. Но, к счастью или несчастью, это не так. Разница между мужчиной и женщиной по-прежнему невероятно велика. И, чтобы доказать это, вовсе не нужно обращаться к сомнительным и

опасным теориям биологов и психологов; мы можем апеллировать к фактам. Возьмем, к примеру, образование. Вы получали его в государственных школах и университетах на протяжении пяти-шести столетий, а мы — всего шестидесяти лет. Или, скажем, имущество{15}. У вас есть собственное, а не благодаря замужеству, право почти на весь капитал, все земли, ценности и привилегии Англии. А у нас вне брака таких прав практически нет. И ни один психолог или биолог не возьмется утверждать, что подобные различия одинаково влияют на формирование наших с вами умов и тел. Поэтому кажется неоспоримым и то, что *«мы»*, столь отличающийся по образованию, наследию и традициям класс, безусловно должны разниться и в некоторых фундаментальных особенностях с *«вами»*, чье тело, мозг и душа развивались в совершенно других условиях. Глядя на этот мир, мы видим его по-разному. Поэтому любая помощь с нашей стороны будет отличаться от той, которую вы сами себе способны оказать, и, возможно, ее основная ценность как раз и заключается в различии между нами. Следовательно, прежде чем согласиться подписать манифест или присоединиться к вашему обществу, необходимо определить, в чем конкретно заключается разница между нами, ибо, найдя ее, мы, быть может, заодно поймем, и в чем должна состоять наша помощь. Поэтому давайте начнем с простого: с яркой фотографии вашего мира — мира, каким его видим мы из окон частного дома; в тени Святого Павла[56], по-прежнему застящей нам глаза; с моста, соединяющего частный дом с общественной жизнью.

Ваш мир — мир профессий и общественной жизни — с этой точки зрения, несомненно, выглядит странным. Поначалу он производит чрезвычайно сильное впечатление. На довольно небольшом пространстве теснятся собор Святого Павла, Банк Англии[57], Мэншн-Хаус[58], массивные и мрачные стены Дома Правосудия[59], а на другой стороне — Вестминстерское Аббатство[60] и здание Парламента. Там, говорим мы себе, идя в этот момент по мосту[61], наши отцы и братья проводят свою жизнь. На протяжении многих сотен лет они поднимаются по тем ступеням, хлопают дверьми, приходя на службу или чтение проповеди, зарабатывают деньги и управляют правосудием. Именно из того мира в частный дом где-нибудь в Вест-Энде[62] поступают суждения и законы, одежда и ковры, говядина и баранина. Теперь и мы, поскольку разрешено, осторожно толкая скрипящие двери одного из этих храмов, на цыпочках входим внутрь, внимательно все осматривая. И ощущение колоссальных размеров, грандиозности строения тут же раскалывается на мириады кусочков изумления, смешанного с любопытством. В

первую очередь, мы изумленно раскрываем рты при виде вашей одежды{16}. Как роскошно, как причудливо и богато украшены наряды мужчин, находящихся на государственной службе! То вы одеты в фиолетовое, а на груди — украшенное драгоценными камнями распятие; то плечи покрыты кружевами; то вы в мехах горностая и увешаны множеством цепочек с драгоценностями. А то носите парики, и ряды аккуратных завитков спускаются к шее. Надеваете шляпы: то овальные или треугольные, то конусообразные из черного меха, то сделанные из латуни, то украшенные голубыми и красными перьями. Иногда мантии полностью скрывают ноги, а иногда обнажают гетры. Накидки с вышивками львов и единорогов свисают с плеч; металлические кулоны и значки в виде звезд или окружностей блестят и сверкают на груди. Разноцветные ленты — голубые, пурпурные, малиновые — тянутся от одного плеча к другому. По сравнению с простой домашней одеждой сверкание публичного наряда ослепляет.

Но гораздо более странными являются два других факта, которые постепенно раскрываются нашему изумленному взору. Мало того, что целые группы мужчин похожим образом одеты зимой и летом (странная причуда вашего пола — менять наряды в зависимости от времени года, а не собственного вкуса и удобства), но каждая пуговица, розетка или лента, кажется, имеют для вас символическое значение. Некоторым позволено носить только простые пуговицы, другим — розетки; некоторые носят одну ленту, другие — три, четыре, пять или даже шесть. Каждая петля и лента пришиты строго на определенном расстоянии друг от друга: для одних людей — на расстоянии дюйма, для других — дюйм с четвертью. Кроме того, правилами устанавливается количество золотых полосок на плечах, тесьма на брюках, кокарды[63] на шляпах — но ни одна пара глаз не сможет различить все эти опознавательные знаки, не говоря уже о том, чтобы правильно их истолковать.

Куда более странными, чем символическая пышность одеяний, являются церемонии, где вы в них ходите. Здесь — встаете на колени, там — преклоняетесь; здесь шествуете позади мужчины с серебряным жезлом[64]; а там — усаживаетесь в резной деревянный стул; здесь должны выказать уважение куску разукрашенного дерева; там — унижаться перед столом, укрытым роскошной тканью. И, что бы ни значили эти обряды, вы всегда исполняете их вместе, синхронно и в нарядах, подобающих конкретному мужчине и событию.

Все эти декорации и костюмы вне церемоний сперва кажутся нам чрезвычайно странными. Одежда, которую обычно носим мы,

по сравнению с вашей, очень проста. Кроме основной функции — прикрывать тело — она выполняет две других: радует красотой глаз и, соответственно, привлекает внимание мужчин. Поскольку замужество до 1919 года — меньше двадцати лет назад — было единственной доступной нам профессией, исключительную важность одежды для женщины невозможно преувеличить. Она значила для нас не меньше, чем клиенты — для вашей работы, и, вероятно, была единственным способом соответствовать лорду-канцлеру[65]. Но ваша одежда с ее великолепной отделкой, очевидно, выполняет другую функцию. Она не только прикрывает наготу, льстит тщеславию и радует глаз, но также информирует о социальном, профессиональном и интеллектуальном положении того, кто ее носит. Извините за сравнение, но ваша одежда словно ярлыки в бакалейной лавке. Только вместо надписей *«маргарин», «чистое масло», «лучшее масло во всем магазине»*, ваша одежда сообщает: *«Этот мужчина умен, он — магистр гуманитарных наук; а тот — очень умный человек — доктор литературы; а этот — самый умный — награжден орденом „За заслуги“*[66]*»*. Эта функция вашей одежды — оповещать, кто есть кто, — кажется нам исключительной в своем роде. По мнению апостола Павла, подобная демонстративность, по крайней мере для женщин, была неподходящей и постыдной, а всего несколько лет назад нам и вовсе было запрещено ее использовать. И до сих пор в нас жива традиция (или убеждение), что демонстрировать какое-либо превосходство, интеллектуальное или моральное, с помощью кусков металла, лент, цветных капюшонов и платьев — варварство, заслуживающее нашего осмеяния этих диких обрядов. Согласитесь, что женщина, кичащаяся материнством с помощью пучка конских волос на левом плече, едва ли показалась бы вам почтенной дамой.

Но как влияют эти различия между нами на интересующую нас проблему? В чем связь между портняжным блеском образованных мужчин и снимками мертвых тел в разрушенном доме? Далеко ходить не надо, связь между войной и одеждой очевидна; ваши изящные наряды носят и солдаты. Поскольку красный цвет и золото, латунь и перья не используют в настоящем камуфляже, понятно, что их дороговизна и чрезмерный блеск изобретены, дабы, с одной стороны, впечатлить всех величием Армии, а с другой — привлечь тщеславных молодых людей к службе. Здесь, тогда, различие между нами и сыграет роль; мы — те, кому запрещено носить подобную одежду — должны заявить, что одетый в нее человек не вызывает приятного и сильного впечатления. Наоборот, у него нелепый, неприятный, варварский вид. Но, будучи дочерями образованных

мужчин, мы можем иначе использовать наше влияние и благоразумно воздействовать на людей своего класса — на образованных мужчин. Ведь в судах и университетах мы обнаружим ту же любовь к одежде. Там также носят бархат, шелк и меха. Можно сказать, что образованные мужчины, подчеркивая свое превосходство, как физическое, так и интеллектуальное, особыми нарядами и добавлением титула до или после своего имени в письмах, вызывают тем самым соперничество и зависть — чувства, которые, стоит открыть любую биографию, а не спрашивать у психологии, вносят свой вклад в поддержку войны. И, если мы называем нелепыми тех, кто подчеркивает свое отличие, и говорим, что они учат других презрению, мы должны сделать нечто, что косвенно воспрепятствует появлению чувств, ведущих к войне. К счастью, сегодня мы можем не только выразить свое мнение, но и сами отказаться от любых различий и униформ. Это был бы небольшой, но весьма конкретный вклад в решение стоящей перед нами проблемы — как предотвратить войну; вклад, который нам, благодаря иным традициям и образованию, сделать легче, чем вам{17}.

Однако наш взгляд с высоты птичьего полета на эти вещи в целом не обнадеживает. Та цветная фотография, на которую мы с вами смотрим сейчас, и правда раскрывает некоторые детали; но она также служит напоминанием о том, что существует множество потайных комнат, в которые мы попросту не можем войти. Какое реальное влияние можем оказать на закон или бизнес, религию или политику мы — те, для кого многие двери по-прежнему закрыты, а в лучшем случае приоткрыты, мы — те, у кого за душой нет ни денег, ни связей? Кажется, на этом наше влияние и кончится, будто, выразив свое поверхностное суждение, мы сделали все, на что способны. Но ведь поверхность может иметь сильную связь с глубиной, и если мы в состоянии помочь вам предотвратить войну, то обязаны пытаться проникнуть глубже, в суть проблемы. Давайте думать в другом направлении, более привычном для дочерей образованных мужчин — о самом образовании.

Здесь, к счастью, на помощь приходит священный 1919 год. Именно он позволил дочерям образованных мужчин зарабатывать себе на жизнь, благодаря чему у них появилась возможность хоть как-то влиять на образование. Появились деньги для достижения целей. И почетные[67] казначеи взывают к ним о помощи. Чтобы доказать это, уместно сейчас наряду с вашим письмом привести другое — от одной женщины, которая просит денег на восстановление женского колледжа. А когда казначеи взывают о помощи, с ними, естественно, можно поторговаться. Мы имеем

полное право сказать ей: *«Вы получите от нас гинею на реконструкцию колледжа, если взамен поможете этому джентльмену, чье письмо также лежит сейчас перед нами, предотвратить войну»*. Мы можем добавить: *«Вы обязаны научить наших детей презирать войну, почувствовать всю ее бесчеловечность и жестокость. Заставьте их никогда не поддерживать войну»*. Но какое образование в итоге мы получим по этой сделке? Какое образование научит детей презирать войну?

Этот вопрос настолько сложный сам по себе, что тем, кто, подобно Мэри Кингсли, никогда не имел университетского образования, он и вовсе покажется неразрешимым. И все же образование и его роль в попытке ответить на ваш вопрос настолько значимы, что любое пренебрежение возможностью понять, как надо воздействовать на молодежь через образование, дабы предотвратить войну, было бы малодушным. Поэтому давайте для начала спустимся с моста через Темзу и поднимемся на другой — рядом с одним из великих университетов; у каждого из них, видимо, есть и река и мост, на котором можно постоять. И каким же странным опять кажется нам этот мир куполов и шпилей, лекционных залов и лабораторий! Насколько сильно наш взгляд на него отличается от вашего! Тем, кто смотрит на этот мир глазами Мэри Кингсли, которой *«позволялись и оплачивались только уроки немецкого»*, он может показаться настолько недоступным, необъятным и запутанным своими церемониями и традициями, что любая критика и замечания будут несерьезны. Мы вновь изумлены великолепием вашей одежды, зачарованы тем, как в воздух поднимаются жезлы и шествуют процессии, а взгляд наш столь ослеплен, что не способен заметить нюансы и тем более трактовать их — тонкие различия шляп и капотов, фиолетового и малинового цветов, бархата и ткани, головных уборов и мантий. Воистину святое зрелище! Слова песни Артура Пенденниса[68] срываются с наших губ:

> Священное крыльцо,
> Я на него не вхожу,
> Но медленно брожу
> Все вдоль ограды.
> Жду я у священных врат,
> Мечтая встретить взгляд
> Моей отрады…

и дальше:

Я не войду с тобой.
Молись же, ангел мой,
Излей всю душу.
Невинный твой покой
Недолжною мечтой
Я не нарушу.
Но на тебя позволь
Смотреть, скрывая боль,
Моя святыня;
Так у запретных врат
На недоступный сад
Бросает скорбный взгляд
Изгнанник рая.

Но поскольку и вы, сэр, и почетный казначей фонда по реконструкции колледжа ожидаете ответов на свои письма, мы должны прекратить распевание старых песен посреди древних мостов и хоть как-то заняться вопросом образования.

Что же это за *«университетское образование»*, о котором лишь слышали сестры Мэри Кингсли и ради которого они стольким пожертвовали? Что за таинственный процесс, длящийся примерно 3 года, который стоит целое состояние и превращает неотесанных людей в готовый продукт — образованного мужчину или женщину? Поначалу нет и тени сомнения в его высшей ценности. Биографические сведения — те, которые любой, кто умеет читать, найдет на полках публичных библиотек — единодушны в том, что образование — главное сокровище человечества. Биографии приводят два аргумента. Во-первых, большинство мужчин, управлявших Англией за последние 500 лет, правящих ныне в Парламенте и состоящих на государственной службе, получили университетское образование. Во-вторых, тот факт, куда более весомый, если учесть, какой тяжкий труд и лишения он подразумевает, чему также есть весомые доказательства в биографиях, что огромные денежные суммы были потрачены на образование за последние 500 лет. Доход Оксфорда за два года (1933–1934) составил 435 656 фунтов, доход Кембриджа за 1930 год — 212 000 фунтов стерлингов. Кроме того, каждый университет имеет и дополнительные доходы, которые, судя по одним только подаркам и завещаниям, время от времени упоминаемым в газетах, в некоторых случаях соизмеримы с основными{18}. И если учесть еще прибыль хотя бы самых крупных публичных школ: Итон, Харроу, Уинчестер[69], Рагби[70], — то мы получим настолько огромную сумму, что не останется и

тени сомнения в невероятной ценности, назначенной людьми образованию. А изучение малоизвестных биографий людей бедных и необразованных докажет тот факт, что они приложили бы любые усилия и пошли на какие угодно жертвы, лишь бы получить образование в одном из лучших университетов{19}.

Однако самое большое, по-видимому, доказательство ценности образования, которое предоставляют нам биографии, заключается в том, что сестры образованных мужчин не только жертвовали своим комфортом и удовольствиями ради обучения братьев, но и сами действительно жаждали знаний. Изучая тему постановлений церкви, действовавших еще несколько лет назад, — *«… мне сообщили, что стремление женщин получить образование идет вразрез с волей Господа…»*{20}, — мы должны признать, что это стремление, похоже, было очень сильным. И если показать, что все профессии, которыми овладевали их братья, подошли бы и им самим, то вера в ценность образования окрепла еще больше. А если говорить, что единственная, доступная женщине профессия жены не только не требует специального обучения, но и само образование ей не нужно, ничего удивительного в том, что дочь образованного мужчины откажется от любых попыток и мыслей получить профессию, да еще пожертвует собой ради братьев. Бесчисленное количество женщин, бедных и неизвестных, станут экономить на расходах по дому, и лишь небольшое их число, знатных и богатых, откроют или профинансируют колледжи для мужчин. Так они и делали. Но страсть к образованию настолько свойственна человеческой натуре, что, читая биографии, вы обнаружите, несмотря на все традиции, насмешки и бедность, ту же страсть и у женщин. Чтобы доказать это, изучим только одну жизнь — жизнь Мэри Эстел[71] {21}. Известно о ней немного, но вполне достаточно, чтобы увидеть, как почти 250 лет назад в ней уже была эта невероятно упрямая и, возможно, атеистическая жажда знаний; именно Мэри Эстел предложила открыть колледж для женщин. Примечательно и то, что принцесса Анна[72] была готова дать ей 10 тысяч фунтов — весьма внушительную сумму для любой женщины тех времен, да и нынешних дней тоже. Но затем мы наталкиваемся на крайне интересный, с точки зрения истории и психологии, факт — в дело вмешалась церковь. Епископ Бернет[73] считал, что обучение сестер образованных мужчин поощрит ложный путь: другими словами — путь римского католичества христианской веры. В итоге деньги истратились на прочие нужды, а колледж так и не был построен.

Эти факты, одни из многих, демонстрируют лицемерие и двойные стандарты: образование хоть и ценность, но приносит

пользу не всегда и не всем; оно полезно некоторым людям с определенными целями. Для укрепления веры в англиканскую церковь образование — благо; для поощрения римской церкви — наоборот; оно полезно для мужчин некоторых профессий, но вредит женщинам и их деятельности.

Таким нам видится ответ, даваемый биографиями: религия не молчит, но сомневается. И все-таки чрезвычайно важно не попадаться на уловки биографий и не отступать, а повлиять на молодежь через образование для предотвращения войны. Мы обязаны попытаться понять, чему учат сестер образованных мужчин в наше время, чтобы сделать все возможное, дабы использовать свое влияние в стенах университета, где оно может иметь наибольший успех. Теперь, к счастью, мы уже не зависим от биографий, которые неизбежно, ибо они затрагивают частную жизнь, пестрят бесчисленным количеством столкновений различных взглядов и мнений. Сейчас нам понадобится то, что имеет отношение к жизни общественной — история. Любой человек может обратиться к летописи тех государственных органов, которые записывают не болтовню обычных людей, а используют и передают продуманные суждения образованных мужчин парламента и сената.

История сразу же сообщает, что примерно с 1870 года, как в Кембридже, так и в Оксфорде, существуют колледжи для сестер образованных мужчин. Но также она говорит, что любая попытка обратить молодежь против войны, в колледжах и останется. Для них это по меньшей мере пустая трата времени и сил — говорить о влиянии на молодежь; бесполезно ставить условия, прежде чем позволить почетному казначею иметь гинею в кармане — легче успеть на ближайший поезд до Лондона, чем открыть *«священные врата». «И где*, — спросите вы, — *подтверждение этому?»* Где пусть прискорбные, но достоверные факты? Что ж, выложим их перед вами, предупредив только, что взяты они из архивов, которые любой может самостоятельно изучить в библиотеке университета, в котором вы не учились — Кембриджа. В связи с этим ваше суждение не будет искажено предвзятостью, воспоминаниями студенческих лет или благодарностью за полученные знания — оно будет беспристрастным.

Вернемся к тому, на чем остановились: королева Анна скончалась, умерли епископ Бишоп и Мэри Эстел, но стремление женщин открыть свой колледж осталось. Кроме того, оно крепло и к середине XIX века стало настолько сильным, что под расселение студенток в Кембридже был арендован целый дом, пусть и не слишком хороший: без сада и посреди шумной улицы. Затем появился еще один — на этот раз получше, хотя на самом

деле там не хватало спортивной площадки, а в сильный дождь над столовой протекала крыша. Но и этого оказалось недостаточно: жажда образования была такой сильной, что требовалось еще больше комнат, сад для прогулок и игровая площадка. Поэтому был нужен еще один дом, для постройки которого, как сообщает история, требовались деньги. И вы, вероятно, подвергнете сомнению тот факт, что средства эти были взяты в долг и скорее подумаете, что их дали безвозмездно. *«Другие колледжи,* — скажете вы, — *были обеспечены; все они косвенно, а иногда и прямо, получали доход от своих сестер»*. В качестве доказательства есть ода Грея[74], процитируем строки песни, которой он приветствует благотворителей: графиню Пембрук[75], основательницу Пембрук-колледжа[76], графиню Клэр[77], основательницу Клэр-колледжа, Маргариту Анжуйскую[78], основательницу Квинса[79], графиню Ричмонд и Дерби[80], основательницу Сент-Джонса[81] и Крайстс-колледжа[82].

> Что есть роскошь? Что есть сила?
> Тяжкий труд на плечах!
> «Что же в награду?» — мы сразу спросили.
> Память о самых приятных вещах.
> Веянье свежести сладкой весны,
> Сладкие сборы — пчелок труды,
> Музыка сладкая, словно дыханье,
> Слаще нее — тихий голос признанья{22}.

«Здесь, — скажете вы сухой прозой, — *представился удобный случай вернуть долг»*. Для чего нужны были те деньги? Ничтожные 10 тысяч фунтов — сумма, которую епископ перехватил почти 200 лет назад. Думаете, прожорливая церковь изрыгнула их обратно? Уж она-то редко расстается с нажитым. Или скажете, что процветающие колледжи с радостью решили почтить память своих великих благодетельниц? Неужели это настолько значимая сумма для колледжей вроде Сент-Джонс, Клэр или Крайстс? Земля ведь тоже принадлежала Сент-Джонсу. Но она, якобы выяснилось потом, была арендована; а 10 тысяч фунтов так никто и не дал — указанную сумму с трудом собрали из собственных кошельков. Среди благотворителей была одна дама, которую следует увековечить, потому как она пожертвовала целую 1000 фунтов; анонимные же люди получат только благодарности; их вклады варьировались от 20 до 100 фунтов. Другая дама, благодаря наследству матери, смогла предложить свои услуги преподавателя безвозмездно. Жертву приносили и

сами студентки, заправляя постели и моя посуду, воздерживаясь от удобств и излишеств в еде. 10 тысяч фунтов — не такая уж и скромная сумма, если ее нужно выскрести из худых кошельков и карманов молодежи. Чтобы собрать эти деньги, потребовались время, силы, ум и, конечно, жертвы. Разумеется, несколько образованных мужчин были очень добры, соглашаясь читать лекции своим сестрам; но другие совсем наоборот — отказывались наотрез. Некоторые были милосердны и поддерживали сестер, остальные — лишали их всяческой помощи и уверенности в себе{23}. Тем не менее — не мытьем, так катаньем — наступил тот день, как сообщает история, когда первая женщина сдала экзамен. И тогда учителя, директрисы, или какие еще там были у них звания — весьма сомнительные, судя по всему, если женщина не получает за них ни гроша, — спросили канцлеров и директоров[83] (звания, в которых невозможно усомниться, по крайней мере в данном случае) о том, можно ли девушкам, сдавшим экзамены, гордиться этим и, подобно джентльменам, использовать аббревиатуры после своих имен. И это было бы логично, ведь, как вполне уместно нынешний глава колледжа Тринити, сэр Дж. Дж. Томпсон[84], О. З.[85], Ч. К. О.[86] подшучивает над *«простительным тщеславием»* тех, кто пишет аббревиатуры после своего имени, *«большинство людей, не имеющих какого-либо звания, придают гораздо большее значение буквам Б. И.*[87] *после имени человека, нежели те, кто имеет звание на самом деле. А поскольку директрисы школ предпочитают нанимать людей с аббревиатурой, то студентки Ньюнема*[88] *и Гертона*[89]*, не имеющие прав использовать буквы Б. И. после своего имени, находятся в крайне невыгодном положении при собеседовании на должность»*. И, Бога ради, неужели что-нибудь заставило бы их не приписывать Б. И. после имени, коль скоро помогало им пройти собеседование? На этот вопрос у истории нет ответа; его следует искать в психологии, в биографиях, но именно история снабжает нас фактами. *«Предложение, однако*, — продолжает директор Тринити — просьба разрешить использовать Б. И. тем, кто сдал экзамены, — *вызвало серьезнейшее неприятие… В день голосования был огромный наплыв приезжих, и его отвергло подавляющее большинство людей с перевесом 1707 к 661. Я уверен, что соотношение голосов никогда бы не сравнялось. Поведение некоторых студентов после объявления результатов в Доме Сената было исключительно неподобающим и постыдным. Многие из них покинули здание и по пути к Ньюнем-колледжу повредили бронзовые ворота, возведенные в качестве мемориала мисс Клаф*[90]*, его первой директрисе»*{24}.

Этого достаточно? Нужно ли еще выискивать исторические и биографические факты, доказывающие, что любые попытки предотвратить войну, влияя на молодежь через университетское образование, следует оставить. Разве не подтверждают эти факты, что образование, даже самое лучшее, учит людей не презирать силу, а лишь использовать ее? Разве не доказывают они, что образование и рядом не стоит с благородством и великодушием, а напротив, заставляет людей так сильно волноваться о сохранении за собой власти — той *«роскоши и силы»*, о которых вещал поэт — что, когда их просят поделиться ими, они используют не силу, а куда более хитрые методы?! Разве сила и власть не ассоциируются, в первую очередь, с войной? Как тогда университетское образование способно повлиять на людей и помочь предотвратить войну? Однако все течет, все изменяется — проходят годы. Пусть медленно и порой незаметно, но время очень многое меняет. И, наконец, история сообщает нам, что после всех истраченных часов и сил, ценность которых не поддается исчислению, повторное ходатайство терпеливых женщин о праве использовать аббревиатуру Б. И. после своего имени ради получения работы было удовлетворено. Но это право, уточняет история, было лишь номинальным. Поверите или нет, сэр, но в 1937 году — и это чистый факт, а не вымысел — в Кембридже женские колледжи по-прежнему не считаются частью университета{25}. А число дочерей образованных мужчин, которым позволено-таки получать образование, строго ограничено, хотя и те и другие одинаково отчисляют денежные средства в фонд университета{26}. Что касается бедности, «Times» снабжает нас цифрами, понятными без всякой математики. Сравнивать суммы, выделяемые на стипендии мужских и женских колледжей, бессмысленно; совершенно очевидно, что женские колледжи, по сравнению с мужскими, невероятно и постыдно бедны{27}.

Последний факт подтверждает и письмо женщины, почетного казначея, с просьбой о средствах на перестройку ее колледжа. Она просила их какое-то время назад и, кажется, просит до сих пор. В свете всего вышесказанного не осталось и тени сомнения, действительно ли она так бедна и ее колледж нуждается в ремонте?! Но мы по-прежнему далеки от понимания, какой ответ нам следует дать на ее просьбу о помощи. История, биографии и ежедневные газеты не помогают нам ни ответить согласием, ни установить определенные требования. Они скорее поднимают множество вопросов. Во-первых, что может заставить думать нас, будто университетское образование способно настроить людей против войны? И, если помочь дочери образованного мужчины

поступить в Кембридж, разве мы не заставим ее тем самым думать прежде всего о войне, а не об образовании? Разве не принудим сражаться, подобно собственным братьям, за награды и привилегии, вместо того чтобы просто получать знания? А, во-вторых, поскольку дочери образованных мужчин не являются членами совета Кембриджа и не имеют влияния на образование, каким образом они тогда смогут изменить его, если их попросить? И, наконец, встают другие вопросы — вопросы практического характера, которые будут легко понятны занятым мужчинам, почетным казначеям, вроде вас, сэр. Уж вы-то согласитесь, что просить тех, кто так сильно занят организацией фондов по перестройке колледжей, исследовать сущность образования и его помощь в предотвращении войны — означает взвалить еще один сноп сена на уже перегруженную спину. Кроме того, посторонний и не имеющий права голоса человек на подобную просьбу, скорее всего, получит слишком резкий, чтобы его цитировать, ответ. Но мы поклялись сделать все возможное, дабы помочь вам предотвратить войну, используя наше влияние — влияние собственно заработанных денег. Образование — путь очевидный. И, раз эта женщина бедна и просит денег, а кредитор вправе требовать — давайте набросаем черновик письма с условиями, на которых она получит от нас средства для перестройки колледжа. Вот пример.

Ваше письмо, мадам, какое-то время пролежало без ответа. Возникли определенные трудности и вопросы. Позвольте задать их вам грубо и одновременно честно, как может и должен это сделать посторонний человек, у которого просят денег? А вы ведь хотите 100 тысяч фунтов на перестройку колледжа. Но как можно быть такой безрассудной? Неужели вы полностью изолированы от мира и живете среди пения соловьев в ивовой роще? Или чрезвычайно заняты решением важнейших вопросов аббревиатур, своих нарядов и того, кто первый зайдет в гостиную провоста[91], мопс директора или шпиц директрисы, что на чтение новостей времени не осталось? Или вы так измотаны, представляя себе 100 тысяч фунтов, безвозмездно пожертвованных какими-то людьми, что можете думать лишь о комитетах, ярмарках и мороженом, клубнике и сливках?

Тогда вам стоит узнать, что на армию и флот мы ежегодно тратим 300 миллионов фунтов, потому как, согласно письму, лежащему рядом с вашим, существует серьезная угроза войны. И как после этого вы можете всерьез просить у нас денег на перестройку колледжа? Слова о том, что он был построен по дешевке и реконструкция необходима, вероятно, справедливы.

Но, когда вы беретесь утверждать, будто общество процветает и по-прежнему способно оплачивать подобные расходы, хочу обратить ваше внимание на одну крайне интересную мысль из мемуаров директора Тринити. Вот она: *«К счастью, однако, в начале нового столетия Университет стал получать множество внушительных наследственных и дарственных сумм, которые, вдобавок к щедрым субсидиям правительства, поставили его в настолько хорошее финансовое положение, что любая необходимость увеличения взносов от колледжей отпала. Доход Университета в период с 1900 до 1930 года вырос с 60 до 212 тысяч фунтов. И не безумие — предполагать, что подобное увеличение доходов обусловлено немалым интересом и важностью открытий, сделанных в Университете. Кембридж может служить отличным примером разработок практического применения собственных исследований».*

Только вдумайтесь в последнее предложение: *«Кембридж может служить отличным примером разработок практического применения собственных исследований»*. А что существенного сделал ваш колледж для крупных производителей, чтобы те захотели его финансировать? Принял ли он какое-то участие в изобретении военного оружия? Насколько преуспели ваши студентки в бизнесе? Как тогда вы можете ожидать поступления на свой счет *«внушительных наследственных и дарственных сумм»*? Являетесь ли вы членом Кембриджского университета? Нет, не являетесь! Имеете ли вы право красиво рассуждать и просить денег при распределении его бюджета? Нет, не имеете! Поэтому, мадам, вы должны и дальше обивать чужие пороги с протянутой рукой, устраивать вечеринки, тратя силы и время на сборы пожертвований. Это совершенно очевидно, как и то, что любой посторонний человек, который заметит ваши старания, должен задать себе вопрос, получив просьбу о пожертвовании средств на перестройку колледжа, отсылать их или нет?! Если да, то о чем просить взамен — отстроить колледж как раньше? Или потребовать некой реорганизации? Или вообще посоветовать купить тряпки, бензин и коробок спичек «Bryant & May»[92] и спалить колледж дотла?

Именно из-за этих, невероятно сложных и, быть может, бессмысленных вопросов, мадам, ваше письмо столько времени лежало без ответа. Но можем ли мы так и оставить все, принимая во внимание просьбу джентльмена — помочь ему предотвратить войну и защитить свободу и культуру? И не забудьте о фотографиях мертвых тел и разрушенных зданий. Учитывая поставленные вопросы и упомянутые снимки, вам стоит хорошенько подумать, прежде чем начать перестройку колледжа,

о предназначении образования и о том, каких людей и какое общество оно должно формировать. И я отправлю по меньшей мере одну гинею на перестройку колледжа, если вы убедите меня, что используете ее для формирования таких людей и такого общества, которые помогут предотвратить войну.

Поэтому давайте быстро обсудим, какое образование для этого годится. Теперь, когда история и биографии (единственные доступные постороннему человеку источники), похоже, доказали, что старая система образования не прививает ни особого уважения к свободе, ни ярой ненависти к войне, ставится понятно — ваш колледж необходимо полностью изменить. Он, конечно, еще молод и беден, но давайте воспользуемся этими качествами и положим их за основу. Очевидно, что это будет не обычный, а экспериментальный колледж. Построим его по-своему — не из гранита и цветных витражей, а дешевых, легко воспламеняющихся материалов, без старья и учинения традиций. И даже без часовен{28}. Не будет в нем ни музеев, ни библиотек с бесконечным полками книг и первоизданиями в стеклянных витринах. Пусть картины и книги будут новыми и постоянно обновляются. Пусть каждое следующее поколение ремонтирует колледж своими руками — это дешевле. Работа живых ценится меньше, чем творения умерших; зачастую люди готовы делать ее лишь ради самовыражения. А чему же будут учить в новом, бедном колледже? Не искусству власти над людьми, не управлению, не убийствам и захвату территорий и капитала. Все это требует неземных расходов: зарплат и жалований, нарядов и церемоний. Бедный колледж должен обучать только тем искусствам, которыми за небольшие деньги могут овладеть бедные люди — медицине, математике, музыке, художеству и литературе. Он должен учить человеческим взаимоотношениям: пониманию жизни, мыслей, правилам общения и стиля, кулинарии — всему, что людям близко. Целью нового колледжа должны стать не разделение навыков и специализация, а всестороннее развитие человека. Он должен исследовать способы взаимодействия разума с телом и ставить себе целью улучшение качества жизни. Необходимо нанять преподавателей, хорошо разбирающихся как в житейских вопросах, так и вопросах мышления и философии. И не должно возникать сложностей в их привлечении. Не будет денежных препятствий и церемоний, бахвальства и соперничества, из-за которых сейчас так непросто жить в старых и богатых университетах — студенческих городках, полных борьбы, где утаивают одно и запрещают другое; где никто не в праве вольготно ходить и выражать свои мысли, опасаясь низких оценок и недовольства сановников. Но, если колледж

беден, ему нечего предложить, а соревнования не имеют смысла. Жизнь станет простой и свободной. В него с удовольствием придут те люди, которым нравится само образование. Здесь будут учить и учиться музыканты, художники, писатели. Что может быть лучше для автора, чем обсуждение писательского искусства с людьми, которые пекутся не об экзаменах и оценках или том, какую славу они получат, а о самом искусстве?!

Это касается и других профессий. Люди пойдут учиться в бедный колледж и развивать способности, потому что общество в нем будет свободным от унизительного деления на богатых и бедных, умных и глупых, а заслуга каждого человека станет общей. Давайте заложим фундамент такого колледжа, пусть бедного, но занимающегося непосредственно образованием — свободного от бахвальства, ученых степеней, проповедей и поучений, от развращающего тщеславия и парадов, порождающих соперничество и зависть…

На этом письмо обрывается. Далеко не все мысли нашли в нем свое отражение. Напротив, оно скорее служит началом рассуждений, поскольку на лице по ту сторону страницы — лице читателя, которое всегда себе представляет автор, — застыла печаль и тоска после прочтения отрывка из процитированной ранее книги. *«А поскольку директрисы школ предпочитают нанимать людей с аббревиатурой, то студентки Ньюнема и Гертона, не имеющие прав использовать буквы Б. И. после своего имени, находятся в крайне невыгодном положении при собеседовании на должность».* Внимание почетного казначея фонда по перестройке колледжа целиком приковано к этой фразе. *«Зачем тогда думать о реорганизации колледжа*, — должно быть, спросила она себя, — *если студенток в нем должны учить лишь тому, как получить должность? Мечты мечтами,* — добавила она, устало поворачиваясь к столу, который сервировала для очередного праздника, скорее всего ярмарки, — *но нужно вернуться в реальную жизнь».*

А *«реальность»*, на которую она обращает внимание, заключается в том, что студенток надо учить самим зарабатывать себе на жизнь. И поскольку это означает, что она обязана перестроить свой колледж по образу и подобию других учебных заведений, то, очевидно, колледж для дочерей образованных мужчин также должен заниматься исследованиями и искать им практическое применение, стимулирующее поток наследственных и дарственных сумм от богатых джентльменов. Этот колледж должен поощрять соперничество, использовать социальное деление и разноцветные мантии, накопить внушительное

состояние и не делиться им с другими, а лет эдак через пятьсот задать тот же вопрос, который задали вы, сэр: *«Как нам, по-вашему, предотвратить войну?»*

Напрашивается неутешительный вывод: зачем вообще жертвовать гинею? Хотя бы на этот вопрос у нас ответ уже есть. Раз ни одна гинея не должна пойти на перестройку колледжа по старому образцу и не может пойти на организацию современного колледжа, ее необходимо истратить на *«тряпки, бензин и коробок спичек»*. И сопроводить запиской: *«Примите эту гинею и с помощью нее сожгите свой колледж дотла. Да выжжет огонь древнейшее лицемерие. Пускай пламя пылающих зданий распугивает соловьев и обагрит ивы, а дочери образованных мужчин танцуют вокруг него и подсыпают охапку за охапкой сухую листву. А их матери пускай выглядывают из окон на верхних этажах и кричат: „Жги его! Жги! Долой такое образование!“»*.

И этот пассаж, сэр, не краснобайство, ведь в его основе лежит мнение почтенного человека — прежнего директора Итон-колледжа и нынешнего настоятеля[93] Даремского собора[94]{29}. Однако во всем этом чего-то недостает; обнаруживается противоречие в фактах. Мы сказали, что единственное влияние, которое в наши дни дочери образованных мужчин могут оказать на предотвращение войны, они получают через возможность зарабатывать себе на жизнь. И не будь способов их этому научить, влияние исчезнет. Они не смогут получить должность и снова окажутся на попечении отцов и братьев, зависимость от которых склонит их к сознательной или бессознательной поддержке войны. История, вероятно, опровергнет эти слова. Но тем не менее мы должны послать почетному казначею фонда по перестройке колледжа одну гинею и позволить распорядиться ей по своему усмотрению. В сложившихся обстоятельствах бессмысленно указывать, на что эту гинею потратить.

Такой вот неубедительный и унылый — ответ на ваш вопрос, надо ли просить администрацию колледжей для дочерей образованных мужчин использовать их влияние на образование для предотвращения войны. Кажется, мы не можем их ни о чем просить; они обязаны следовать проторенным путем к известному финалу, а наше собственное влияние, людей посторонних, должно оставаться наиболее косвенным. Если нам предложат преподавать, следует крайне внимательно отнестись к цели такого преподавания и отказаться обучать любым искусствам, поддерживающим войну. Затем аккуратно показать свое презрение к часовням, ученым степеням и ценности экзаменов. Можно намекнуть, что призовая поэма достойна внимания не

только из-за награды, а книга заслуживает прочтения и без того, что ее автор с отличием сдал экзамены Кембриджа. Если попросят прочесть лекцию, можно отказаться пособничать существованию этой тщеславной и порочной системы чтения лекций и назидания{30}. И, конечно, если нам станут предлагать кабинеты и награды, также необходимо отказать — да и как иначе поступить, учитывая представленные факты? Неудивительно, что при нынешнем положении дел наиболее эффективным способом, которым мы можем помочь вам предотвратить войну с помощью образования, заключается в том, чтобы пожертвовать колледжам для дочерей образованных мужчин столько денег, сколько вообще возможно. Повторим еще раз: если девушки не получат образования, то не смогут зарабатывать себе на жизнь и снова ограничатся домашним обучением, а в этом случае они и сознательно и бессознательно окажут поддержку войне. Возможно, эти слова не до конца убедительны. Вы сомневаетесь в них и просите доказательств? Давайте еще раз обратимся к биографиям, чьи показания по данному вопросу совершенно неопровержимы, но при этом настолько многочисленны, что необходимо попытаться соединить имеющиеся сведения в один рассказ. И в качестве примера приведем историю жизни дочери одного образованного мужчины, которая в XIX веке полностью зависела от своего брата и отца.

В тот день было жарко, но выйти наружу она не могла. *«Сколько же долгих и скучных летних дней я просидела взаперти из-за того, что в семейной повозке не хватало места, а у прислуги совсем не было времени со мной гулять»*. Солнце село, и она наконец вышла из дома, одетая настолько хорошо, насколько позволяло ее содержание в размере от 40 до 100 фунтов в год{31}. Но *«на любые званые вечера ее непременно должны были сопровождать отец, мать или какая-нибудь замужняя женщина»*. Кого же встречала она там, невзрачно одетая и в сопровождении? Образованных мужчин: *«министров, послов, знатных военных и прочих — украшенных и разодетых»*. О чем они говорили? Что лучше всего освежало деловых мужчин, желавших отвлечься от работы, так это *«сплетни танцевального мира»*. Проходило несколько дней, и наступали выходные. По субботам *«Ч. П.*[95] *и другие деятельные мужчины препроводили свой досуг в обществе»*; они собирались на чай и вместе обедали. А по воскресеньям *«большинство из нас, как правило, посещали утреннюю службу в церкви»*. Проходил год, и снова наступало лето — в это время года женщины развлекали гостей, *«в основном родственников»*, за городом. Зимой *«они обычно изучали историю, литературу и музыку, пытались чертить и рисовать. И, даже если из-под пера не*

выходило ничего особенного, сам процесс многому их учил». Они преподавали за гроши, порой навещали больных — так и шли годы. А что же было главной целью, чем кончалось это многолетнее образование? Замужеством, конечно. *«Вопрос заключался не в том, нужно ли замуж, а в том — за кого выйти?»* — говорит одна из девушек. Именно к браку и готовили ее разум. Только ради замужества она бренчала на пианино, но ей не разрешалось вступать в оркестры; зарисовывала невинные домашние сцены, но ей нельзя было изображать обнаженную натуру; читала одни книги, а другие были под запретом; очаровывала и забалтывала. Именно для замужества готовили и ее тело, и без сопровождения она не могла разгуливать по лугам и улицам; ей было отказано в уединении — все это навязывалось только ради того, чтобы она сохранила себя нетронутой для мужа. Короче говоря, мысли о браке диктовали женщине, что думать, делать и говорить. А как же иначе? Ведь замужество было единственной доступной для нее профессией{32}.

Эти образы настолько любопытны с точки зрения того, в каком свете они выставляют как образованных мужчин, так и их дочерей, что необходимо задержаться на них подольше. Одно только влияние фазана на замужество заслуживает целой главы{33}. Сегодня нас уже не столько интересует роль образования в этих состязаниях, сколько то, почему оно заставляет людей, сознательно или бессознательно, становиться на сторону войны? Потому что женщину, очевидно, заставляли использовать свое какое бы то ни было влияние для укрепления той системы, что обеспечивала ее прислугой, повозками, хорошей одеждой и вечеринками. Именно с их помощью она и добивалась замужества. Она осознанно должна была использовать свое очарование или красоту, дабы льстить и умасливать деловых людей, военных, юристов, послов и министров, нуждавшихся в отдыхе после напряженных будней. Она должна была принимать их точки зрения и соглашаться со всеми решениями — ибо это был единственный для нее способ польстить им и иметь возможность хотя бы надеяться на замужество{34}. Короче говоря, все ее сознательные усилия, должно быть, шли на пользу тому, что леди Лавлейс[96] назвала *«нашей выдающейся Империей … стоимость которой*, — добавляла она, — *оплачивают в основном женщины»*. И кто может усомниться в ее словах и том, насколько высокой была эта цена?

Но ее бессознательное потворство войне было, наверно, еще сильнее. Как иначе объяснить тот удивительный порыв в августе 1914 года, когда дочери образованных мужчин, многие из которых по-прежнему в сопровождении прислуги, ворвались в

госпитали? Они водили грузовики, трудились в полях и на оружейных заводах и использовали огромные запасы своего обаяния и сострадания, убеждая молодых мужчин, что сражаться было геройством, а полученные ранения заслужили всей их заботы. Ответ находится в том же образовании. Настолько сильным было ее бессознательное отвращение к образованию частного дома, его жестокости, бедности, фальши, аморальности и пустоте, что она была готова взяться за любую работу, какой бы грязной та ни была, и принять участие в самых опасных делах, лишь бы сбежать. Таким образом, сознательно она мечтала о *«нашей выдающейся Империи»*, а бессознательно — о войне.

Поэтому, сэр, если вы хотите, чтобы мы помогли вам предотвратить войну, вывод, кажется, очевиден: надо помочь перестроить колледж, который, каким бы несовершенным он ни был, является единственной заменой домашнего образования. И надеяться, что со временем система обучения будет доработана. Нужно заплатить эту гинею, прежде чем отдать ту, которую просите вы на свое собственное общество. Но и она пойдет на решение нашей проблемы — на предотвращение войны. Гинеи очень редки и ценны, но давайте отправим одну из них почетному казначею фонда по перестройке без каких-либо условий, потому как тем самым мы сделаем важный вклад в предотвращение войны.

Вторая гинея

Теперь, когда мы пожертвовали одну гинею на реорганизацию колледжа, нужно всерьез задуматься о том, а есть ли еще хоть что-нибудь, что мы можем сделать, дабы помочь вам предотвратить войну. И сразу же ясно, что если верны наши слова о влиянии посредством профессий и образования и мы уже смогли убедить в этом тех, кто может зарабатывать себе на жизнь, дав им, таким образом, наше новое и единственное оружие против войны — собственное мнение, обусловленное финансовой независимостью, то мы должны сделать и нечто большее, чем просто взывать к тем, кто учит молодых зарабатывать себе на жизнь, или подолгу слоняться вокруг запретных мест и священных врат университетов, где они преподают. Именно эта задача и представляет сейчас наибольшую важность.

Теперь давайте покажем ваше письмо с просьбой о помощи в предотвращении войны тем независимым, взрослым людям, которые сами зарабатывают себе на жизнь. И не понадобится ни речей, ни тем более доводов и споров. *«Он — тот человек,* — скажет один из них, — *кого мы все уважаем; он говорит нам, что война возможна и весьма вероятна; и просит тех, кто может зарабатывать, помочь ему любыми способами ее предотвратить».* Этого, несомненно, будет достаточно и без демонстрации фотографий, которые все это время копились у нас на столе, — изображений еще большего количества мертвых тел и руин, чтобы добиться ответа, который окажет вам, сэр, именно ту помощь, в которой вы нуждаетесь. Однако… есть неуверенность, некоторое сомнение, но, конечно, не в том, что война ужасна, чудовищна, не оправдана и бесчеловечна, как говорил Уилфред Оуэн, и не в том, что мы всеми силами хотим помочь вам ее предотвратить. Тем не менее сомнения существуют, и наиболее простой путь к их пониманию лежит через другое, соседствующее с вашим, не менее реальное письмо{35}.

Это послание от еще одного почетного казначея — и опять с просьбой денежных средств. *«Сделаете ли вы пожертвование,* — спрашивает она, — [обществу, которое помогает дочерям образованных мужчин получить работу по их специальности], — *чтобы помочь нам тем самым самостоятельно зарабатывать себе на жизнь?» «Не деньгам,* — продолжает она, — *так любым подаркам мы будем только рады: книгам, фруктам и поношенной одежде — всему, что можно продать на ярмарке».* Теперь, когда письмо внесло столько сомнений и неуверенности касательно помощи, которую мы можем вам оказать, кажется невозможным

вообще отсылать кому бы то ни было свою гинею, пока мы не разберемся в сложившейся ситуации.

Первый вопрос очевиден: по какой причине она просит денег? Почему она так бедна, эта представительница образованных женщин, что ей приходится собирать поношенную одежду и устраивать ярмарки? Это нужно прояснить, потому как, если она действительно бедна в той степени, какую демонстрирует нам ее письмо, то оружие независимого мнения, на которое мы возлагали свои надежды в вопросе предотвращения войны, мягко говоря, не такое уж и мощное. С другой стороны, бедность имеет свои преимущества; и, если она действительно настолько бедная, мы можем заключить с ней точно такую же сделку, какую заключили и с ее сестрой из Кембриджа, и использовать это свое право, как потенциальных вкладчиков, на установление условий. Давайте спросим ее о финансовом положении и о некоторых других вещах, прежде чем отправлять гинею, или хотя бы оговорим условия получения наших денег. Вот пример возможного письма:

Мадам, примите тысячу извинений за столь долгое ожидание ответа на ваше письмо. Дело в том, что возникло несколько вопросов, которые мы обязаны задать вам, прежде чем внести свое пожертвование. Во-первых, вы просите денег на арендную плату. Но как же получилось, что вы, мадам, так чудовищно бедны? Образование доступно дочерям образованных мужчин вот уже 20 лет. Как случилось, что вы — та, кого мы назначили представителем этих женщин, — стоите, подобно сестре из Кембриджа, с протянутой рукой, прося денег, а за неимением их — фруктов, книг и поношенной одежды для организации ярмарок? Как это вообще возможно? — повторяем мы. Разумеется, что-то должно быть не в порядке с современной общественной системой, законом или здравым смыслом. Или, может, вы попросту рассказываете небылицы с напускной горечью на лице, совсем как тот нищий на углу, у которого дома под матрасом запрятан полный гиней кошелек? В любом случае, постоянное выспрашивание денег и сетование на бедность делают вас предметом серьезных упреков, причем не только со стороны ленивых обывателей, которым не нравится думать о практических действиях и помощи почти так же, как подписывать чеки, но и со стороны образованных мужчин. Вы сами отдаете себя на растерзание мужчинам с давно укоренившейся репутацией философов и романистов — мужчинам, вроде Джуда[97] и Уэллса[98]. Мало того что они отрицают вашу бедность, так еще и упрекают в апатии и безразличии. Позвольте заострить внимание

на том, какие доводы они приводят. Послушайте для начала, что говорит о вас мистер Джуд. *«Я сомневаюсь, что за прошедшие пятьдесят лет существовали молодые женщины еще более безразличные к политическим и социальным вопросам, нежели сейчас».* Именно так он начинает свою мысль, а затем по праву говорит, что это вовсе не его ума — указывать вам, что делать; и, однако, очень деликатно добавляет, что все-таки приведет пример того, что следовало бы сделать. Вы могли бы взять пример со своих сестер из Америки и основать *«общество в защиту мира»*. В нем подсчитали, *«уж не знаю с какой точностью, что количество денег, истраченных в этом году на вооружение, примерно равно числу минут (или даже секунд?), истекших со времен смерти Христа, учившего людей пацифизму…»*. Так почему бы и вам сейчас не последовать их примеру и не создать подобное общество в Англии? Для этого, конечно, нужны деньги, но — и это я хочу особенно подчеркнуть — нет и тени сомнения в том, что у вас есть эти средства. Мистер Джуд приводит доказательство. *«Еще до войны деньги рекой текли в казну СПСЖ*[99]*, дабы они получили право голоса, которое, как ожидалось, позволит им оставить все войны в прошлом. Право голосовать они получили,* — продолжает мистер Джуд, — *но вопрос войны еще очень далек от забвения».* Это подтверждает письмо джентльмена, который просит нашей помощи в предотвращении войны, и, конечно, фотографии мертвых тел и разрушенных зданий, но позволим все же мистеру Джуду продолжить свою мысль. *«Разве не благоразумно*, — говорит он, — *требовать, чтобы современные женщины были готовы отдать столько же сил и денег, перетерпеть столько же страданий и оскорблений в борьбе за мир, сколько отдали их матери в борьбе за равенство?»* И опять же я не могу не отозваться эхом, спрашивая, действительно ли это неблагоразумно — просить женщин из поколения в поколение упорствовать, терпеть насмешки и оскорбления: сначала от своих братьев, а затем ради них? Не это ли логично и разумно сделать для их физического, морального и душевного состояния в целом? Но не будем перебивать мистера Джуда. *«Если — да, то, чем быстрее они откажутся от участия в общественных делах и вернутся к своим личным, тем лучше. Если они не могут работать в Палате общин, пусть, по крайней мере, делают хоть что-нибудь по дому. Если они не способны уберечь мужчин от саморазрушения, которое закономерно обусловлено их неисправимой мужской натурой, пусть хотя бы учатся кормить их, прежде чем те погибнут»*{36}. Не будем, пожалуй, останавливаться и уточнять, каким образом женщины, имеющие право голосовать, могут исправить то, что сам мистер Джуд

считает неисправимым, дело скорее в том, как у вас при этом хватает наглости просить меня пожертвовать вам гинею? По словам мистера Джуда, вы не только чрезвычайно богаты, но еще и ленивы и пристрастились к поеданию арахиса и мороженого так сильно, что не удосужились научиться готовить ему обед, прежде чем он погибнет, не говоря уже о предотвращении его гибели. Но далее следуют куда более серьезные обвинения. Вы настолько безучастны, что не станете сражаться и защищать даже ту свободу, которую отстояли для вас матери. Такое обвинение предъявляет вам наиболее известный из ныне живущих британских романистов — Г. Дж. Уэллс. Он утверждает: *«Не было ни одного известного женского движения против уничтожения их свободы фашистами или нацистами»*{37}. Богатые, праздные, жадные и апатичные — откуда в вас столько наглости, чтобы просить меня поддержать общество, которое помогает дочерям образованных мужчин зарабатывать деньги своей профессией? Эти джентльмены доказывают, что, несмотря на право голосовать и богатства, которые оно должно было принести, вы не смогли положить конец войне; несмотря на право голоса и силу, которой оно должно наделять, вы не противодействовали уничтожению вашей свободы фашистами или нацистами. Какой еще в таком случае можно сделать вывод, кроме как окрестить все, что было названо *«женским движением»*, несостоятельным; и гинею, которую я при этом отсылаю вам, нужно истратить не на арендную плату, а на уничтожение всех ваших зданий. И, когда они сгорят, мадам, отправляйтесь обратно на кухню и учитесь, если сумеете, готовить для мужчины обед, разделять с ним который вовсе необязательно…{38}

На этом, сэр, письмо обрывается; ведь на лице по ту сторону письма — лице, которое всегда себе представляет автор, — застыло выражение усталости или, быть может, скуки? Взгляд почетного казначея прикован, скорее, к небольшому клочку бумаги, содержащему два незначительных унылых факта, которые стоит упомянуть и здесь, ведь они имеют некоторое отношение к обсуждаемому нами вопросу о том, как дочери образованных мужчин, зарабатывающие на жизнь своей профессией, могут помочь вам предотвратить войну. Первый факт состоит в том, что доход СПСЖ, на основании которого мистер Джуд сделал вывод об их состоянии, составил (в 1912 году, в самый разгар их деятельности) 42 тысячи фунтов{39}. Второй факт заключается в следующем: *«Заработок в 250 фунтов за год является существенным достижением даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»*{40}. Это заявление датируется

1934 годом.

Эти факты представляют определенный интерес, и, поскольку оба они относятся к интересующему нас вопросу, давайте рассмотрим их. Согласно первому, огромные политические изменения нашего времени обусловлены мизерным доходом в 42 тысячи фунтов за год. Термин *«мизерный»*, конечно, относителен; но доход и правда копеечный, особенно по сравнению с тем, что имеют в своем распоряжении Консервативная и Либеральная партии, к которым принадлежат братья дочерей образованных мужчин. И он значительно меньше дохода Лейбористской партии, к которой принадлежат братья женщин рабочего класса{41}. И мизерный он относительно сумм, которые получают, например, организации вроде Общества Против Работорговли за отмену этого самого рабства. И мизерный он по сравнению с деньгами, которые ежегодно тратят образованные мужчины на развлечения и спорт, а не политические дела. Но наше удивление то ли бедности дочерей образованных мужчин, то ли их экономности вызывает в данном случае только неприятные чувства, ведь оно заставляет нас подозревать, что почетный казначей говорит чистую правду о своей бедности. И это, в свою очередь, вынуждает нас снова задать вопрос о том, как дочери образованных мужчин должны помочь вам, если после стольких лет упорного труда они смогли накопить лишь 42 тысячи фунтов для собственных целей? Какое количество мирного времени смогут оплатить эти деньги сейчас, когда мы ежегодно тратим 300 миллионов фунтов на вооружение?

Однако второй факт удивляет и огорчает куда сильнее — факт того, что спустя почти двадцать лет с тех пор, как женщинам разрешили осваивать прибыльные профессии, *«зарабатывать 250фунтов в год — все еще существенное достижение даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»*. Этот факт, если он, конечно, таковым является, чрезвычайно удивляет и так сильно может сказаться на решении нашего вопроса, что следует остановиться на минуту и проверить его. Кроме того, очень важно сделать это не с точки зрения красочных биографий, а достоверных данных. Давайте обратимся теперь за помощью к обезличенному и беспристрастному источнику — Альманаху Уитакера[100], например, чья потребность преследовать собственные интересы или готовить обед не превышает нужды Клеопатры в шитье[101].

Не стоит и упоминать, что Уитакер — не только в высшей степени беспристрастный автор, но и методичный. В своем Альманахе он собрал множество фактов обо всех, или почти всех, профессиях, которые были доступны для дочерей образованных

мужчин. В разделе под названием «Правительство и Государственные Учреждения»[102] он дает нам точные сведения о том, кого Правительство считает профессионалами и сколько денег оно им в итоге платит. Поскольку Уитакер придерживается алфавитного порядка, давайте последуем за ним и рассмотрим первые шесть букв. Под буквой «А» значатся «Адмиралтейство, Министерство военно-воздушных сил[103] и Министерство Сельского Хозяйства[104]». Под буквой «В» — «Британская Вещательная Корпорация[105]»; под «С» — «Министерство по делам колоний[106], Комитет по делам благотворительных организаций[107]»; под «D» — «Содружество Доминионов, Комитет по развитию[108]»; под «Е» — «Церковная организация»[109], Министерство Образования[110]); таким образом мы добираемся до шестой буквы алфавита «F», под которой мы обнаруживаем «Министерство Рыбного Хозяйства[111], Министерство Иностранных дел[112], Общество Взаимопомощи[113] и Изобразительные Искусства[114]». Вот они — некоторые из общедоступных, как нам часто напоминают, сфер деятельности. А зарплаты работников этих организаций выплачиваются из правительственных средств, в равной степени пополняемых и женщинами, и мужчинами. А подоходный налог, за счет которого и происходят выплаты (помимо прочего) составляет сейчас примерно 5 шиллингов с фунта. Таким образом, всех нас, очевидно, интересует, как и на кого тратятся эти деньги. Давайте просмотрим реестр жалований Министерства Образования, поскольку именно к этой сфере деятельности мы, сэр, хоть и в разной степени, имеем честь принадлежать. Министр образования, говорит Уитакер, зарабатывает 2000 фунтов; его Личный секретарь — от 847 до 1058 фунтов; Помощник Личного секретаря — от 277 до 634 фунтов. Кроме того, есть Постоянный секретарь[115] Министерства образования. Он зарабатывает 3000 фунтов; его Личный секретарь — от 277 до 634 фунтов. Парламентский секретарь[116] получает 1200 фунтов; его Личный секретарь — от 277 до 634 фунтов. Заместитель министра получает 2200 фунтов. Постоянный заместитель министра департамента Уэльса — 1650 фунтов. И есть еще основные и дополнительные ассистенты министров, есть начальники правящих кругов, главные бухгалтеры, главные начальники финансовой службы, просто начальники финансовой службы, юрисконсульты, их ассистенты — все эти леди и джентльмены, по сведениям точного и непредвзятого Уитакера, получают доходы из четырехзначных цифр или даже больше. Сейчас доход, составляющий примерно 1000 фунтов, можно считать неплохой суммой, если она выплачивается ежегодно и без задержек; но,

учитывая полную занятость и качество работы, мы не должны жадничать денег для этих леди и джентльменов, даже при том, что наш собственный подоходный налог действительно достигает 5 шиллингов с фунта, а жалованье выплачивается отнюдь не каждый год и с задержками. Мужчины и женщины, просиживающие все свои дни в офисе примерно с 23 до 60 лет, действительно заслуживают каждый заработанный ими пенс. Тем не менее настойчиво и упрямо в наши рассуждения прокладывает себе путь одна мысль, когда понимаешь, что ежегодные зарплаты в 1000, 2000 и 3000 фунтов леди получают не только в Министерстве Образования, но и любом другом министерстве и офисе, которые сейчас открыты для них, в алфавитном порядке: от Адмиралтейства[117] до Министерства Труда[118]. Утверждение, будто *«зарабатывать 250фунтов в год — существенное достижение даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»*, является, прямо говоря, неприкрытой ложью. Господи, да стоит только пройтись нам по Уайтхоллу[119] и увидеть, сколько министерств и офисов расположено там; задуматься о том, что каждое из них укомплектовано и обслуживается массой секретарей и заместителей, столь сильно ранжированных между собой, что их классификация вызывает у нас головную боль; и вспомнить, что каждый из них, он или она, имеет соответствующую зарплату, — и после всего этого громко воскликнуть, что заявленное выше утверждение является уму непостижимым. Чем это объяснить? Остается лишь надеть очки с большим увеличением. Давайте-таки прочтем весь список целиком. И, наконец, мы доберемся до имени с приставкой *«мисс»*. Могут ли имена, которые находятся над ее именем в списке и к коим приписаны существенные жалованья, быть мужскими? Похоже на то. Таким образом, недостает не зарплат, а дочерей образованных мужчин.

Теперь три хорошие причины этой любопытной нехватки или неравенства между мужчиной и женщиной выходят на поверхность. Доктор Робсон[120] формулирует для нас первую: *«Правительственный класс, который занимает все руководящие позиции на государственной службе, состоит в подавляющем большинстве их тех немногих счастливцев, кто может себе позволить поступить в Оксфорд и Кембридж; а вступительный экзамен для них всегда проводится особенным образом»*{42}. Среди нас, дочерей образованных мужчин, таких счастливцев еще меньше. Как мы успели заметить, количество дочерей образованных мужчин, которые могут претендовать на образование в Оксфорде и Кембридже, строго лимитировано. Во-вторых, гораздо больше дочерей остаются дома ухаживать за

своей престарелой матерью, чем сыновей — за отцом. Не нужно забывать, что жизнь в частном доме вообще никто не отменял и не приостанавливал. Следовательно, гораздо больше сыновей, нежели дочерей, идут сдавать экзамен на государственную службу. В-третьих, справедливости ради можно отметить, что результаты 60 лет, в течение которых женщины сдают экзамен, едва ли так же эффективны, как 500 лет в случае мужчин. Это очень строгий экзамен, и логично предположить, что гораздо больше сыновей, нежели дочерей, могут с ним справиться. Мы, однако, должны объяснить тот интересный факт, что, хотя определенное количество дочерей и сдают экзамен, им, этим *«мисс»*, не удается зарабатывать четырехзначные суммы. Согласно скрупулезному в своем деле Уитакеру, именно половое различие, кажется, удерживает все тех, перед чьим именем есть указанная приставка, в менее прибыльных сферах деятельности. Очевидно, что причина этого лежит не столько на поверхности, сколько внутри. Грубо говоря, быть может, дочери и правда дефектные по своей натуре; они убедили себя в собственной ненадежности и непригодности, отсутствии необходимых качеств и решили, что это в интересах самого общества — держать их на том уровне, где раз им платят немного, то и возможностей навредить государственной работе меньше. Такой вывод было бы проще всего сделать, но, к сожалению, нам отказано и в этом, причем от имени самого премьер-министра. *«Женщины для государственной службы вполне пригодны»*, — сказал как-то мистер Болдуин[121]. *«Многие из них*, — продолжает он, — *занимают должности ипостоянно имеют дело с большим количеством секретной информации. И мы, политики, как никто лучше, знаем, насколько часто происходят ее утечки. Но я никогда не сталкивался с тем, что была виновата женщина, это всегда происходило по вине мужчин, которым следовало бы лучше исполнять свои обязанности»*[122]. Выходит, женщины не так уж болтливы и склонны сплетничать, как обычно считают? Это весьма полезный материал для психологии и намек романистам, но все же, видимо, есть и другие возражения тому, чтобы женщина была на государственной службе.

Интеллектуально они, может, и не дотягивают до своих братьев, однако премьер-министр не согласен и с этим. *«Он не был готов заявить, что есть хоть один вывод (или необходимость в нем), согласно которому женщины столь же хороши, как мужчины, или даже лучше, но полагал, что они находятся на государственной службе по собственному желанию и, разумеется, полностью соответствуют требованиям всех, с кем имеют дело»*. И наконец, словно резюмируя свое личное и не вполне

убедительное мнение, которое могло бы звучать и поуверенней, он сказал: *«Я бы лично хотел отдать дань уважения усердию, способностям, возможностям и преданности женщин, с которыми я имел дело на государственной службе»*. А также выразил надежду, что бизнесмены смогут найти более широкое применение столь ценным качествам женщин{43}.

Понятно, что, если кто и может знать все факты, а также открыто о них говорить, так это премьер-министр. Но мистер Болдуин говорит одно, а Уитакер — другое. Если один из них владеет информацией, то ей обладает и другой. Тем не менее они противоречат друг другу. Болдуин утверждает, что женщины — первоклассные государственные служащие, Уитакер — что они третьесортные рабочие. В этом, по сути, и заключается главное противоречие их друг другу, а, так как оно является чрезвычайно важным и от него же зависит ответ на многие интересующие нас вопросы не только о бедности дочерей образованных мужчин, но и о психологии их братьев, давайте исследуем конфликт между премьер-министром и Альманахом Уитакера.

Для подобного разбирательства, сэр, у вас достаточно квалификации; будучи юристом, вы обладаете непосредственными знаниями о своей профессии, а будучи еще и образованным человеком, и о многих других. И если дочери образованных мужчин действительно не имеют, как убеждена Мэри Кингсли, непосредственных знаний, то они могут потребовать у отцов и дядей, кузенов и братьев хотя бы косвенные сведения о профессиональной жизни, о которой они так долго мечтали, а также углубить их, коли у них есть разум, подслушивая под дверью, делая заметки и осторожно задавая вопросы. И если мы теперь объединим все эти непосредственные и косвенные знания о профессиях в целях изучения столь важного конфликта между Болдуином и Уитакером, то в первую очередь согласимся с тем, что профессии — очень странная вещь. Совсем не обязательно, что умный мужчина добьется большого успеха, а глупый останется на дне жизни. Взлеты и падения, надо признать, отнюдь не логичный и закономерный процесс. В конце концов, как нам известно, судьи — тоже отцы; у постоянных заместителей министров есть сыновья. А судьи нуждаются в чиновниках, постоянных заместителях министров, личных секретарях. Что может быть тогда более естественным, чем сделать племянника — чиновником, а сына своего школьного приятеля — личным секретарем? Для госслужащего получать подобные привилегии — такая же обязанность, как выкуривать время от времени сигару, или как получать поношенную одежду — для обычного слуги. Но, предоставляя льготы и так распоряжаясь своим влиянием, они

портят профессии. Одни легко добиваются успеха, другие — с трудом, и независимо от интеллектуальных способностей карьера может неожиданно взлетать вверх или падать, а у кого-то оставаться подозрительно стабильной, что в итоге и делает профессии странной штукой. Зачастую это и правда идет на пользу общества. Поскольку никто, начиная с главы колледжа Тринити и далее вниз по рангу (за исключением, по-видимому, нескольких директрис), не верит в безупречность экзаменаторов, определенное умение приспосабливаться идет на пользу общества; раз незнакомые люди склонны ошибаться, неплохо добавить к ним и знакомых. К счастью для нас, в комитетах и подразделениях сидят не дуболомы и чурбаны бесчувственные. Люди в них руководствуются общечеловеческими симпатиями и антипатиями, в результате чего недостатки экзаменационной системы устранены; общественные запросы удовлетворяются; а кровные и дружеские узы приветствуются. Таким образом, вполне вероятно, что имя с приставкой *«мисс»* посылает сквозь комитеты и подразделения некий сигнал, который не регистрируется в экзаменационной комнате. Ведь в случае *«мисс»* речь идет о женщине, а ее всегда сопровождают ароматы, шуршание юбок, ноты парфюма и другие неприятные запахи, которые вообще способен уловить нос. Что прельщает и нравится в частной жизни — то может отвлекать и раздражать на государственной службе. Комиссия Архиепископов уверяет нас, что это касается и проповеди{44}. Вероятно, того же мнения придерживается и Уайтхолл. По крайней мере, так как *«мисс»* — это женщина, значит она не училась в Итоне или Крайст-черч[123]. И женщина, следовательно, не является чьим-то сыном или племянником. Надо сказать, что это рискованный путь и следовать по нему на цыпочках весьма трудно. Получается, мы стараемся понять, какой запах соответствует мужскому и женскую полу в государственном офисе, и больше заняты вынюхиванием, нежели делом. Поэтому было бы здорово сейчас не зависеть от собственных носов, а вызвать для дачи показаний кого-нибудь со стороны. Давайте обратимся к прессе и посмотрим, можно ли извлечь из всех представленных в ней мнений хотя бы одну подсказку, способную привести нас к решению столь деликатного и сложного вопроса о том, что же за аромат окружает слово *«мисс»* в Уайтхолле. Обратимся к газетам.

Во-первых:

«Я считаю, что ваш корреспондент… вполне корректно резюмирует в своей заметке обсуждение того, что у женщин

слишком много свободы. Эта так называемая свобода пришла, вероятно, вместе с войной, когда женщины взяли на себя прежде неведомые им обязанности. И отменно справились с ними, но, к несчастью, были чрезмерно одарены похвалой, едва ли соразмерной их заслугам»[45].

Неплохо для начала, но не будем останавливаться:

«Я придерживаюсь того мнения, что значительное количество несчастий среди именно этих представителей общества (церковников) удалось бы снизить, нанимая на службу как можно больше мужчин вместо женщин. В правительственных офисах, почтовых отделениях, страховых компаниях, банках и прочих учреждениях тысячи женщин сегодня выполняют работу, с которой справятся и мужчины. И одновременно тысячи квалифицированных мужчин, как молодых, так и среднего возраста, не могут получить никакую работу. Существует огромный спрос на женский труд в домашнем хозяйстве, которым и сможет после переаттестации вновь заняться большое число женщин, некогда перекочевавших в церковные дела»[46].

Согласитесь, что запах становится сильнее.

Еще один отрывок:

«Уверен, что выражу общее мнение множества молодых людей, если скажу, что, займись мужчины той работой, которую выполняют сегодня тысячи юных дам, то они смогли бы обеспечить им достойный быт и хозяйство. Дом — это самое подходящее место для женщин, вынуждающих мужчин вести нынче праздный образ жизни. Самое время правительству настоять на том, чтобы работодатели отдавали предпочтение мужчинам, позволяя им тем самым жениться на женщинах, к которым они сейчас не смеют и подступиться»[47].

Вот! Источник запаха наконец установлен. Все прояснилось; как говорится, шило в мешке не утаить.

Факты, заключенные в этих трех цитатах, согласитесь, дают все основания полагать, что слово *«мисс»*, сколь приятен ни был его аромат в частном доме, в Уайтхолле отдает определенным душком, раздражающим носы его обитателей. И именно из-за запаха, очевидно, эта самая *«мисс»* вращается в низших кругах, где платят гроши, вместо того чтобы стремиться к существенному заработку высших слоев общества. А *«миссис»* и вовсе — слово

грязное и непристойное. Чем меньше произносят, тем лучше. Запах от него настолько неприятный, что Уайтхолл стремится полностью исключить таких женщин из своих рядов. Там, как на небесах, — не женятся и не выходят замуж{48}.

Получается, что запах — или все же стоит называть это специфической *«атмосферой»*? — является очень важной частью профессиональной жизни, хотя на фоне остальных ее элементов он едва различим. Запах может ускользнуть от экзаменаторских носов, но также проникнуть в кабинеты и подразделения и повлиять на сознание людей изнутри. Его отношение к нашему делу неоспоримо, а в конфликте Болдуина с Уитакером позволяет понять, что и премьер-министр, и Альманах не врут. Женщинам и мужчинам на госслужбе действительно должны платить одинаково, но на деле этого не происходит. И несправедливость в данном случае обусловлена атмосферой.

И она, очевидно, является мощной силой, которая не только влияет на восприятие вещей, но изменяет и материальные объекты, например жалованья, казалось бы, непроницаемые для нее. О значении атмосферы можно слагать эпосы или даже написать роман в десяти-пятнадцати томах. Но, коль скоро вас поджимает время, давайте ограничимся простым признанием того, что атмосфера является наиболее могущественным, отчасти из-за ее особой неуловимости, врагом, с которым дочери образованных мужчин вынуждены вести борьбу. И, если данное утверждение вы считаете преувеличением, взгляните еще раз на образцы той атмосферы, что обнаруживается во всех приведенных цитатах. В них мы находим не только причину по-прежнему мизерных зарплат женщин с профессией, но и нечто гораздо более опасное, нечто, если оно распространится, способное в равной степени навредить и мужчинам. В этих цитатах содержатся личинки червей, уже разросшихся в других странах и известных нам под разными именами. Мы видим зародыша того существа, который (будь он немцем или итальянцем[124]) зовется Диктатором и верит, что наделен правом (неважно, от Бога, природы, пола или расы) диктовать другим человеческим существам, как они должны жить и что делать. Процитируем еще раз: *«Дом — это самое подходящее место для женщин, вынуждающих мужчин вести нынче праздный образ жизни. Самое время правительству настаивать на том, чтобы работодатели отдавали предпочтение мужчинам, позволяя им тем самым жениться на женщинах, к которым они сейчас не смеют и подступиться».* Сравните эту цитату с другой: *«В жизни нации существует два мира: мужской и женский. Природа поступила мудро, доверив мужчине защиту своей семьи и государства. Мир*

женщины — это ее родители, муж, дети и хозяйство[125]*».* Одни слова сказаны на английском, другие — на немецком. Но в чем разница? Неужели это разные мысли? Разве это не речь Диктатора, которого все мы, если он приходит извне, считаем диким, опасным и столь же уродливым животным? И вот, среди нас, появился еще один зверь, только поднимающий голову, плюющийся ядом, пока маленький и свернувшийся червяк на листке дерева, но здесь — в самом сердце Англии. Не тот же самый ли это зародыш, из которого, если вновь цитировать мистера Уэллса, исходит *«уничтожение нашей свободы фашистами и нацистами»*? И разве женщина, вдыхающая яд и сражающаяся с этим насекомым скрытно и без оружия в своем офисе, не противостоит фашистам и нацистам в той же мере, как и те, кто сражается с ними при помощи оружия под пристальным вниманием общества? И разве битва эта не лишает ее физических и моральных сил? Неужели нам не следует помочь ей справиться с диктатором в собственной стране, прежде чем просить ее сражаться с таким же врагом извне? И какое право имеем мы, сэр, трубить о своих идеалах свободы и справедливости другим странам, в то время как сами вытряхиваем личинки собственного зла из наиболее уважаемых изданий семь дней в неделю?

Теперь, видимо, вы решите проверить, что скрывается за всем этим разглагольствованием, обращая наше внимание на то, что, хотя мнения из приведенных цитат не вполне соответствуют нашему национальному самоуважению, они являются выражением естественного страха и зависти, которые мы обязаны понять, а не осуждать. *«Действительно*, — скажете вы, — *кажется, будто эти джентльмены неоправданно пекутся о зарплате и своем благополучии, но это логично, учитывая традиции, связанные с их полом, и вполне совместимо с искренней любовью к свободе и подлинной ненавистью к диктатуре»*. Поскольку данные джентльмены являются (или намереваются стать) мужьями и отцами, ответственность за свои семьи лежит на их плечах. Другими словами, сэр, я пытаюсь донести до вас, что в современном мире есть четкое разделение на общественные дела и частную жизнь. С одной стороны, сыновья образованных мужчин работают госслужащими, судьями, солдатами и получают за это деньги; с другой — дочери образованных мужчин работают женами, матерями, дочерями, но разве им платят? Неужели их работа ровным счетом ничего не стоит для нации? Чрезвычайно удивителен сей факт, если он, конечно, таковым является, и мы должны подтвердить его, сославшись в очередной раз на безупречного Уитакера. Давайте вновь обратимся к его страницам. Можно изучать их, сколько угодно листать, но его

данные невероятны и одновременно неопровержимы. Среди всех прочих не существует офисов для матерей и жалований для них. Служба архиепископа обходится государству в 15 000 фунтов за год; работа судьи — 5000 фунтов; постоянного секретаря — 3000 фунтов; труд капитана армии, сержанта драгунов, полицейского, почтальона — все эти должности оплачиваются государством из налогов. В то же время работающим без выходных женам, матерям и дочерям, без труда которых государство уже давно бы развалилось на части, а ваши сыновья, сэр, прекратили свое существование, не платят вообще ничего. Разве это возможно? Или мы только что обвинили Уитакера Безупречного в ошибке?

«Ага, — перебьете вы, — *есть и еще нюанс!»* Муж с женой имеют не только общую семью, но и бюджет. Зарплата женщины есть половина доходов ее супруга. Да и платят ему больше лишь потому, что нужно содержать жену. Но разве холостяк зарабатывает столько же, сколько незамужняя дама? Нет — и это, очевидно, еще один пример эдакого влияния атмосферы, ну да и бог с ним. Ваше утверждение, что половина зарплаты мужа причитается его жене, кажется справедливой договоренностью, которая несомненно закреплена законом. Однако ваше заявление о том, что закон предписывает решать личные дела именно в частном порядке, менее приятно, поскольку это означает, что женская половина общего дохода юридически выплачивается супругу, а не ей. Но моральные законы способны ограничивать людей не меньше юридических. И если жене образованного мужчины по праву полагается половина доходов мужа, то логично предположить, что за вычетом общих расходов по хозяйству она может потратить по своему усмотрению столько же денег, сколько и он. В таком случае этот муж, согласно Уитакеру и цитатам из газет, является не просто успешным человеком своей профессии, а обладателем весьма солидного состояния. Выходит, что леди, заявляющая, будто женщина с профессией не может заработать в наши дни более 250 фунтов за год, немного лукавит, ведь, будучи женой образованного мужчины, она обладает моральным правом на половину его доходов. Тьма сгущается, задача усложняется. Но если жены состоятельных мужчин по умолчанию сами являются богатыми людьми, то как вышло, что годовой доход СПСЖ составил всего 42 тысячи фунтов? Как получилось, что почетный казначей фонда по перестройке колледжа до сих пор выискивает 100 тысяч фунтов? Почему казначей общества помощи женщинам в трудоустройстве по профессии по-прежнему не столько просит денег для уплаты ренты, сколько будет рада хотя бы книгам, фруктам и поношенной одежде? Само собой разумеется, что если женщина

имеет моральное право на половину доходов своего мужа, поскольку ее собственная профессия жены не оплачивается, то у нее должны быть и деньги на свои дела. Но, раз казначей покорно стоит с протянутой рукой, мы вынуждены признать, что едва ли это всего-навсего каприз жены образованного мужчины. Против нее выдвинуто серьезное обвинение. Ведь за вычетом расходов на домашнее хозяйство всегда остается некоторый избыток денежных средств, которые женщина вольна столь же свободно тратить на образование, развлечение и благотворительность, как и ее муж. Она имеет право пустить их на что угодно, но почему-то по-прежнему не делает того, что имеет столь важное значение для представительниц ее пола, которые нынче стоят с протянутой рукой. И это серьезное обвинение против женщины.

Но давайте остановимся на минуту, прежде чем осуждать, и спросим себя, на какие же цели, удовольствия или благотворительность на самом деле тратит свою долю избытка денежных средств жена образованного мужчины. И здесь всплывают такие факты, которые, нравятся они нам или нет, мы обязаны принять. Хотя бы то, что пристрастия замужних женщин нашего класса имеют явно мужской характер. Они ежегодно тратят внушительные суммы на политические дела, спорт, охоту, крикет и футбол. С щедростью раздают деньги таким клубам, как «Брукс»[126], «Уайтс»[127], «Трэвэллерс»[128], «Реформ»[129], «Атенеум»[130] — и это лишь самые известные из них. Все эти расходы ежегодно исчисляются миллионами фунтов, большая часть которых истрачена на удовольствия, которых женщины явно не разделяют. Они спускает тысячи фунтов на клубы, в которые их даже не пускают{49}, на ипподромы, где не могут ездить верхом, на колледжи, путь в которые для них закрыт. Каждый год они оплачивают огромные счета за вино, которое не пьют, и сигары, которые не курят. В конце концов, мы способны предположить лишь два вывода относительно жены образованного мужчины. Первый заключается в том, что ее, безусловно, можно назвать самым альтруистичным существом на планете, предпочитающим тратить свою часть общего бюджета на удовольствия и дела мужа. Второй, гораздо более вероятный, хоть и не вызывающий доверия, заключается не в том, что женщина так альтруистична, а в том, что ее моральное право на половину доходов мужа на деле ограничено реальными правами на еду, проживание, незначительные карманные расходы и одежду. Каждый из двух выводов может быть верным; при этом данные общественных учреждений и списки взносов в них лишь исключают любые другие возможные умозаключения. Заметьте, с каким благородством образованный мужчина поддерживает свою

прежнюю школу и колледж, насколько щедры его взносы в политические фонды, те институты и спортивные клубы, с помощью которых он и его сыновья тренируют не только ум, но и тело. Неоспоримые этому доказательства ежедневно публикуются прессой. Однако отсутствие ее имени в списках благотворителей, а также нищета институтов, развивавших ее тело и ум, похоже доказывают, что в атмосфере частного дома витает нечто едва различимое, но неизбежно направляющее моральное право женщины на половину доходов в сторону тех удовольствий и дел, которые одобряет и поддерживает ее муж. Хотите верьте, хотите нет — но это факт. Вот почему все они стоят с протянутой рукой.

Из данных Уитакера и списков благотворителей мы, кажется, можем почерпнуть три неоспоримых факта, способных непосредственно повлиять на решение нами вопроса о том, как помочь вам предотвратить войну. Во-первых, государство платит дочерям образованных мужчин за их службу сущие гроши; во-вторых, оно не платит им вообще ничего за их домашние дела; и, наконец, право на половину доходов мужа является чисто номинальным. Это означает, что, если супруги сыты и одеты, оставшиеся деньги, которые можно пустить на разные цели, удовольствия и благотворительность, каким-то мистическим образом явно притягиваются к тем делам, которые выбирает и одобряет именно муж. Возникает ощущение, что лишь непосредственно получающий зарплату человек имеет право ей распоряжаться.

Эти факты теперь возвращают нас в исходную точку с подавленным настроением и весьма отличающимися от прежних взглядами на проблему. Как вы помните, мы собирались донести вашу просьбу о помощи в предотвращении войны женщинам, которые зарабатывают на жизнь своей профессией. Именно их надо молить о помощи, решили мы, поскольку только они имеют в своем распоряжении наше новое оружие — собственное мнение, основанное на финансовой независимости. Но реальные факты обескураживают. Они дают понять, что, во-первых, мы должны исключить из потенциальных помощников огромное число замужних дам, поскольку профессия жены не оплачивается, а их моральное право на половину доходов мужа является чисто номинальным. Следовательно, бескорыстное влияние женщины посредством независимого дохода сводится к нулю. Если он выступит в поддержку насилия, она займет аналогичную позицию. Во-вторых, факты, похоже, доказывают нам, что утверждение, будто *«зарабатывать 250 фунтов в год — существенное достижение даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»,* является не наглой ложью, а

вполне вероятной истиной. Следовательно, влияние посредством собственного заработка, которым обладают в наше время дочери образованных мужчин, нельзя рассматривать всерьез. И все же более, чем когда-либо, очевидно, что необходимо оказать помощь именно им — тем, кто способен помочь нам самим и к кому в итоге мы обратимся. Такое умозаключение возвращает нас обратно к процитированному ранее письму почетного казначея с просьбой сделать взнос в общество помощи дочерям образованных мужчин с трудоустройством по профессии. И согласитесь, сэр, у нас имеются веские эгоистичные основания откликнуться на ее просьбу. Помочь женщинам зарабатывать на жизнь своей профессией означает помочь им овладеть тем самым оружием собственного мнения — по-прежнему наиболее действенным среди прочих. Им необходимо обрести собственное мнение и волю, с помощью которых они помогут вам предотвратить войну. Но… — и снова в этом многоточии заключены сомнения и думы — можем ли мы, учитывая приведенные факты, отправить этой женщине свою гинею, не сопровождая строгими указаниями насчет того, как именно ее следует истратить?

Те факты, что мы обнаружили в процессе изучения утверждений о финансовом положении женщины, поставили ряд вопросов, заставивших нас задуматься, благоразумно ли для предотвращения войны воодушевлять людей на овладение профессией. Как вы помните, мы используем психологическую интуицию (свой единственный навык), дабы понять, какие именно качества человеческой натуры сильнее других ведут к войне. Раскрытые выше факты заставляют нас, прежде чем подписать чек, задаться вопросом о том, а не поспособствуем ли мы, помогая дочерям образованных мужчин получить профессию, обрести такие качества, распространение которых и хотим избежать?! Не станет ли наша гинея причиной того, что через пару-тройку столетий не только образованные мужчины, но и женщины зададут тот же самый вопрос — (ох, кому только?), — который задаете сейчас вы: *«Как нам предотвратить войну?»* Если мы поможем дочерям образованных мужчин овладеть профессиями без каких-либо условий касательно их применения, разве мы тем самым не сделаем все возможное, чтобы воспроизводить заезженную мелодию, которую человеческие натуры, подобно застрявшей иголке старого граммофона, вымучивают из себя с таким зловещим единодушием? *«Вот мы водим хороводы, хороводы, хороводы* [131]*. Все это мне отдай, отдай, отдай. Три сотни миллионов, потраченные на войну».* И прокручивая подобные песенки в голове, мы не можем послать

свою гинею почетному казначею, не предупредив ее, что она получит деньги лишь в том случае, если поклянется, что приобретаемые профессии в будущем приведут людей к другим выводам и песням. Она получит гинею, только если убедит нас, что эти деньги будут потрачены в целях мира. Подобные требования очень сложно сформулировать, а при нашем психологическом невежестве — так и вообще невозможно. Но эта задача чрезвычайно важна, а война настолько невыносима, чудовищна и бесчеловечна, что мы обязаны попытаться. Вот в таком случае пример письма для этой самой леди.

Ваше письмо, мадам, долгое время лежало без ответа, поскольку мы изучали некоторые выдвинутые против вас обвинения и наводили справки. И теперь, сняв с вас все обвинения во лжи, мадам, мы готовы помочь. Похоже, вы и правда бедны. Кроме того, мы сняли с вас и обвинения в праздности, безразличии и жадности. Количество дел, которыми вы занимаетесь, пусть порой тихо и неэффективно, свидетельствуют в вашу пользу. Причина, по которой ростбифу и пиву вы предпочитаете мороженое и арахис, скорее носит экономический характер, а не вкусовой. Создается впечатление, что у вас и правда не хватает ни денег на еду, ни времени на ее поглощение, учитывая, сколько вы тратите его на изготовление листовок и брошюр, разные встречи и организацию ярмарок. Вы, видимо, действительно перерабатываете, чаще бесплатно, больше, чем вообще позволило бы Министерство труда. И, хотя мы искренне сожалеем о вашей бедности и восхищаемся усердием, мы не можем отправить свою гинею, давая вам тем самым возможность помочь женщинам освоить профессию, пока вы не убедите нас в том, что они будут использовать свои навыки для предотвращения войны. *«Размытая формулировка*, — скажете вы, — *невыполнимое условие»*. Но, поскольку гинеи редки и ценны, вам придется выслушать те условия, которые мы хотим оговорить, и они, согласно вашей просьбе, будут сформулированы кратко. Что ж, тогда, мадам, поскольку вы торопитесь, как насчет пенсионного законопроекта, как насчет того, чтобы сопровождать пэров в Палату лордов[132], дабы они могли голосовать там в соответствии с вашими наставлениями, как насчет чтения Хансарда[133] и газет, — это ведь не займет много времени; вы не обнаружите там даже упоминаний о своей деятельности{50}; похоже, об этом специально умалчивается; как насчет того, чтобы добиваться равной оплаты труда на госслужбе, в то же самое время, пока вы готовите кроликов и расставляете старые кофейные столики, дабы люди заплатили за них больше, чем они

действительно стоят на ярмарке — короче говоря, поскольку вы действительно заняты, выразимся иначе: бегло просмотрите упомянутые документы; обсудите несколько пассажей из библиотечных книг, из газет на столе и после этого скажите, можем ли мы еще четче и понятней сформулировать наши требования.

Давайте тогда начнем смотреть на вещи с другой стороны — с внешней. Нельзя забывать о том, что снаружи и изнутри они могут выглядеть совершенно по-разному. В нашем распоряжении, например, имеется мост через Темзу — замечательная позиция для стороннего наблюдения. Внизу течет река, проплывают баржи, до предела загруженные древесиной или зерном, по одну сторону — купола и шпили города, по другую — Вестминстерское аббатство и здание Парламента. В этом месте можно часами предаваться мечтаниям, но в другой раз. Сейчас нас поджимает время и нужно еще раз взвесить все факты; еще раз сосредоточить свой взгляд на шествии сыновей образованных мужчин.

Вон идут они, наши братья, получившие образование в лучших школах и университетах, шагают по карьерным лестницам, открывают и закрывают двери, поднимаются на кафедры, проповедуют, учат, вершат правосудие, лечат, заключают сделки и зарабатывают себе на жизнь. И это словно за торжеством наблюдать — будто вереница роскошных караванов пересекает пустыню. Прадеды, деды, отцы и дяди — все они прошли этот путь: одни — в мантиях и париках, другие — с лентами и орденами на груди или без них. Кто-то был священником, а кто-то судьей, адмиралом, генералом, профессором, врачом. А кто-то отделился от шествия с караваном и, судя по последним слухам, был назван бездельником в Тасмании[134] или замечен чуть беднее одетым на Чаринг-Кросс[135] за продажей газет. Однако большинство из них остались-таки в строю, следуя правилам, и не мытьем, так катаньем сделали все возможное для обеспечения говядиной, бараниной и образованием Артура[136] родового гнезда, расположенного примерно в Вест-Энде, и его обитателей. Наблюдение из окна за этой процессией всегда было, как вы помните, торжественным действием для нас, невольно заставлявшим задавать себе определенные вопросы. Но сейчас, по прошествии примерно двадцати лет, это не только вид для нас, не просто фотография или фреска, высеченная на стене истории, на которую можно любоваться, испытывая эстетический восторг. Теперь мы и сами плетемся в хвосте сего шествия. И это большая разница. У нас — тех, кто прежде лишь читал о пышных процессиях и сквозь занавески на окнах видел, как образованные

мужчины выходят из дома около половины десятого утра, направляются в сторону офиса и возвращаются назад около семи, — более нет нужды принимать в этом исключительно пассивное участие. Теперь мы также можем выходить из дома, подниматься по лестницам, входя в те или иные двери, носить мантии и парики, зарабатывать деньги, вершить правосудие. Подумать только! Теперь и мы можем надевать судейский парик, меховую накидку, сидеть под львом и единорогом[137], получать годовое жалованье в 500 фунтов и иметь пенсионное пособие. Мы — те, кто довольствуется сейчас хотя бы малым, — возможно, через одно-два столетия уже будем, стоя на кафедре, читать собственную проповедь. И никто тогда не посмеет нам возразить; мы сами станем представителями божественного духа — его священной мысли, не так ли? Кто может быть уверен в том, что через некоторые время мы не наденем на себя военную форму с золотыми подвесками и эмблемой с мечами на груди и не нацепим нечто наподобие старомодного ведерка для угля на голову, хоть тот почтенный предмет никогда и не украшали пучком белоснежных конских волос. Вам смешно, а из окон частного дома эти наряды действительно казались немного странными. Нам же приходилось занашивать свою одежду до дыр, как велел апостол Павел. Но мы собрались не смеяться или обсуждать моду — мужскую и женскую. Здесь, на мосту, нам необходимо задать себе некоторые очень важные вопросы. А времени для поиска ответов на них — в обрез. Вопросы касаются той процессии вдалеке и являются настолько важными, что ответы на них могут раз и навсегда изменить жизнь каждого мужчины и женщины. Мы обязаны спросить себя здесь и сейчас, хотим ли мы присоединяться к этой процессии или нет. И если да, то на каких условиях? А самое главное: куда же ведет нас парад образованных мужчин? Это не займет много времени; может, затянется лет на пять-десять или же всего несколько месяцев, но ответить на вопросы просто необходимо. Они настолько важны, что если бы все дочери образованных мужчин с утра до ночи не занимались ничем, кроме как наблюдали из окон за процессией, если бы только и анализировали, думали и читали о ней, сводя свои догадки и наблюдения в единое целое, то их времени все равно бы не нашлось лучшего применения. Вы, однако, возразите, указывая на отсутствие времени для каких-либо размышлений. *«У вас теперь собственные битвы*, — скажете вы, — *ренты, которые надо оплачивать и ярмарки, которые нужно организовывать»*. Отговорки здесь не помогут, мадам. По своему опыту и имеющимся фактам вы наверняка знаете, что дочери образованных мужчин всегда размышляли на голодный желудок

— и вовсе не под светом зеленых настольных ламп, и не за партами своих отчужденных колледжей. Они вели свои размышления, пока размешивали в кастрюле суп и укачивали младенца в колыбели. Именно так они заработали право на свой новенький шестипенсовик. И, конечно, возникает вопрос: на что следует его потратить? Подумать нужно хорошенько. Давайте думать в офисах и омнибусах; пока стоим в толпе, наблюдая за Коронацией Монарха или Парадом Лорд-Мэра[138]; давайте думать, проходя мимо Кенотафа[139] на улице Уайтхолл; в галерее Палаты общин; в Доме Правосудия; давайте думать на крещениях, свадьбах и похоронах. Давайте никогда и ни за что не прекращать думать о том, что такое эта *«цивилизация»*, частью которой мы все являемся?! Что значат церемонии, в которых нам следует принимать участие? Что это за профессии и почему с их помощью мы должны зарабатывать деньги? Куда, проще говоря, ведет нас за собой эта процессия сыновей образованных мужчин?

Но, коль скоро вы заняты, давайте вернемся к фактам. Зайдите для начала в свою библиотеку, которая есть у вас в доме и весьма неплохая, и возьмите с полки несколько книг. Учебная литература и художественная, поэзия и песенники, любые биографии — все в свободном доступе. Какой же свет проливают эти самые биографии на разные профессии? Насколько сильное влияние могут они оказать на нас, дабы мы пришли к выводу, будто, помогая дочери образованного мужчины получить профессию, мы сможем воспрепятствовать войне? Ответ на этот вопрос разбросан по всем этим многотомным изданиям и по сути может открыться любому, кто способен читать. И нужно признаться: ответ этот чрезвычайно странный. Почти все биографии известных мужчин XIX века (ограничимся хотя бы этим, совсем недавним и хорошо задокументированным веком), которые мы прочли, существенным образом связаны с борьбой. Кажется, все они были воинами — эти мужчины эпохи королевы Виктории. Здесь битвы и за Вестминстер, и за Уайтхолл, и за Харли-стрит[140], и за Королевскую Академию Художеств[141]. Некоторые из них, как вы знаете, ведутся и по сей день. Фактически единственной областью, не знавшей жестокости XIX века, является литература, в то время как люди остальных профессий, согласно биографиям, знавали столько же кровопролитий, сколько военные. Борцы эти, конечно, не наносили телесных увечий{51}, благородство им запрещало, но вы наверняка согласитесь, что борьба, отнимающая время, не менее жестока, чем та, что отнимает жизнь. Война, требующая немалых денег, столь же беспощадна, как и та, что стоит солдатам их рук и ног. Согласитесь, борьба, вынуждающая молодых растрачивать

свои силы на споры с различными комитетами, на упрашивания их пойти навстречу и сделать одолжение, постоянно скрывая при этом под маской благоговения искреннее презрение и усмешку, наносит душе человека такие увечья, с которыми не справится ни один хирург. Даже борьба за равную оплату труда[142] не лишена существенных затрат времени и душевных сил, как вы сами (можно подумать, сидели бы тише воды ниже травы при схожих обстоятельствах) знаете. Столь много книг в вашей библиотеке посвящены подобным сражениям, что вникать в каждую из них у нас просто не хватит времени, но, поскольку все они примерно одинаковы по содержанию и так или иначе касаются борьбы, заключающейся в противостоянии мужчин с профессией их сестрам и дочерям, давайте быстро изучим хотя бы одну из них — борьбу за Харли-стрит, дабы понять, какое влияние оказывает профессия на тех, кто ей занимается.

Кампания началась в 1869 году под руководством Софии Джекс-Блэйк[143]. Ее случай настолько типичен для викторианской эпохи борьбы жертв патриархальной системы с собственно консерваторами, дочерей с отцами, что непременно заслуживает нашего внимания. Отец Софии служил отличным примером классического образованного викторианца — приятного, культурного и состоятельного мужчины. Он был членом коллегии юристов гражданского права в Лондоне[144]. Он мог позволить себе держать шесть слуг, лошадей и кареты и обеспечивать свою дочь не только питанием и жильем, но также обставить ее спальню *«дорогой мебелью»* и установить в ней *«уютный камин». «На одежду и карманные расходы»* он выделял ей 40 фунтов в год. По каким-то причинам она считала эту сумму недостаточной. В 1859 году, когда у нее осталось всего 9 шиллингов и 9 пенсов до следующего квартала, она решила заработать денег самостоятельно. И ей предложили работу репетитора за 5 шиллингов в час. София сообщила об этом своему отцу, а тот ответил: *«Дорогая, я впервые слышу, будто тебе собираются платить за репетиторство. Это совершенно недостойно тебя, милая, поэтому я не дам своего согласия»*. На что она возразила: *«Почему нет? Вы же, мужчины, делаете свою работу и получаете за нее деньги, но никто не считает это унизительным, а рассматривает как справедливый обмен… Том*[145] *занимается тем же, чем занимаюсь я, только в гораздо большем масштабе»*. Отец ответил: *«Факты, на которые ты ссылаешься, дорогая, неуместны… Т. У. … связан обязательствами, будучи мужчиной, содержать свою жену и детей, а должность его настолько высока, что занимать ее может лишь превосходный мужчина с очень сильным характером и*

получать за это около двух тысяч фунтов в год… Твой случай, милая, не имеет с этим ничего общего! Ты ни в чем не нуждаешься и, по правде говоря, никогда не будешь нуждаться в чем-либо. Скажем, если завтра ты выйдешь замуж за человека, который понравится мне, — а ты едва ли когда-нибудь выйдешь за другого — я обеспечу тебя хорошим приданым». Эти слова отца она прокомментировала в своем личном дневнике следующим образом: *«Как дура я отказалась от денег за это репетиторство, хотя кроме нищеты у меня ничего больше и нет. Это было глупо. Это лишь оттягивает момент борьбы за свои права»*{52}.

И она не ошиблась. Битва с ее собственным отцом была проиграна, тогда как война со всеми остальными, с патриархальностью в целом, ожидала своего места и часа. Второе сражение состоялось в Эдинбурге в 1869 году. Она подала заявку на поступление в Королевский Хирургический Колледж[146]. Вот выдержка из газетного отчета о новой перепалке. *«Крайне необычное нарушение порядка имело место вчера днем перед Королевским Хирургическим Колледжем… Незадолго до 4 пополудни…около двух сотен студенток собрались перед воротами здания…»,* студенты-медики шумели и пели песни. *«Ворота закрыли прямо перед их носом… Доктор Хэндисайд*[147] *счел совершенно невозможным начать занятие на открытом воздухе… и домашнюю овечку завели внутрь»* и т. д. Использованные здесь методы очень напоминали те, что применялись в Кембридже во время борьбы за Степень[148]. Как и в том случае, власть подвергла критике решительные меры и предложила собственные, более хитрые и эффективные. Едва ли что-то заставит власть разбить лагерь у священных врат, дабы женщинам разрешили войти. Мужчины решили, что на их стороне и Господь, и Природа, и Закон, и Имущество. А сам колледж основан только для того, чтобы приносить пользу исключительно им, и только они имеют законное право наслаждаться его привилегиями. Были созданы обычные комитеты, написаны обыкновенные петиции, озвучены скромные просьбы. Проведены обыкновенные ярмарки, обсуждались обычные вопросы и тактики. И, как обычно, встал вопрос, стоит ли нападать сейчас или будет благоразумней подождать? Кто наши друзья, а кто — враги? И, как всегда, мнения адвокатов разделились. Но зачем уточнять? Вся эта рутина настолько однотипна, что битва при Харли-стрит в 1869 году вполне могла сойти за нынешнюю при Кембридже. В обоих случаях — одинаковая, пустая растрата физических и душевных сил, времени и денег. Практически те же дочери просят у тех же братьев те же самые привилегии. Практически те же джентльмены

нараспев исполняют отказы по тем же самым причинам. Складывается ощущение, что человечество склонно не к прогрессу, а одному лишь повторению. Все это можно услышать и в той самой старой песенке: *«Вот мы водим хороводы, хороводы, хороводы»* и добавим: *«но нет у нас ни грамма прав»*. Ни рифма, ни смысл при этом почти не пострадают.

Но мы здесь не для того, чтобы распевать старые песни и подбирать рифму. Нам нужно рассмотреть все факты, и те из них, которые мы только что почерпнули из биографий, похоже, доказывают, что профессии явно оказывают определенный эффект на преподавателей. Они становятся ревностными собственниками по отношению к профессии и имеющимся знаниям, которые весьма агрессивно реагируют на любое нарушение своих прав и тех, кто решается их оспорить. Ошибаемся ли мы, полагая, что обучаясь одной профессии, мы получаем при этом такую же квалификацию и навыки, что и мужчина? И разве не эти самые навыки ведут к войне? Спустя еще каких-нибудь сто лет, не превратимся ли мы, занимаясь наравне с мужчинами своей профессией, в таких же собственников, ревнивцев и драчунов, уверенных в том, что Господь, Природа, Закон и Имущество на нашей стороне? Поэтому гинею, которая поможет женщинам овладеть профессией, необходимо сопроводить тем же условием, что и первую монету. Вы должны поклясться, что сделаете все возможное и будете настаивать, чтобы любая женщина, овладевшая той или иной профессией, не станет препятствовать какому бы то ни было человеческому существу, мужчине и женщине, независимо от цвета кожи, также ей овладеть; а наоборот, все силами постараетесь помочь в этом.

Здесь и сейчас вы утверждаете, что согласны, и уже тянете руку к монете. Но постойте. Есть и еще несколько дополнительных условий, прежде чем она полностью перейдет в ваше распоряжение. Давайте снова внимательно посмотрим на процессию сыновей образованных мужчин и спросим, куда она нас ведет? Ответ приходит на ум незамедлительно. К доходам, которые, очевидно, кажутся, по крайней мере нам, необычайно солидными. Уитакер развеивает любые сомнения по этому поводу. И кроме его доказательств, есть также подтверждения из ежедневных газет в виде завещаний, списков пожертвований, которые мы уже изучили. В одном из выпусков, например, пишут о том, что скончались трое мужчин, от каждого из которых осталось наследство, суммой 1 193 251, 1 010 288 и 1 404 132 фунтов соответственно. Согласитесь, это огромные деньги, учитывая, что они принадлежали частным лицам. Почему бы и нам тогда со временем не накопить их? Теперь, когда

государственная служба стала доступной, мы тоже способны зарабатывать до трех тысяч фунтов в год; будучи судьями, можно получать и пять тысяч — и вообще любые суммы вплоть до 40–50 тысяч, работая барристерами[149]. Когда Церковь распахнет перед нами двери, мы сможем иметь от трех до 15 тысяч ежегодно, не говоря уже о других благах. Работая на Фондовой Бирже, мы сможем оставить после себя миллионные состояния, как Пирпонт Морган[150] или даже Рокфеллер[151]. Врачами мы можем получать от двух до пятидесяти тысяч в год. Даже работа редактора оплачивается очень неплохо. Кто-то зарабатывает тысячу фунтов, кто-то — две; ходят слухи, что редактор одной крупной ежедневной газеты получает пять тысяч в год. Все это богатство может однажды принадлежать и нам, если следовать за профессией. Короче говоря, мы способны изменить все и перестать быть жертвами патриархальной системы, системы оплаты труда товарами вместо денег, когда, будучи на полном пансионе, получаем 30–40 фунтов в год на карманные расходы. Мы способны стать победителями капиталистического мира и ежегодно получать тысячи фунтов, которые с учетом разумных вложений позволят нам оставить после себя столько миллионов, что и не счесть.

Подобные мысли греют душу. Только представьте, а что, если бы среди нас сейчас была какая-нибудь владелица автомобильного завода, которая одним росчерком пера могла одарить каждый женский колледж двумя-тремя сотнями тысяч фунтов. Работа почетного казначея фонда по реорганизации, вашей сестры из Кембриджа, стала бы значительно легче и отпала всякая нужда клянчить деньги, создавать комитеты и продавать клубнику со сливками на ярмарке. Представьте себе, что богатых женщин стало бы ничуть не меньше мужчин. Чего бы вы тогда только ни сделали?! Закрыли бы тотчас свой офис и стали финансировать партию женщин в Палате общин. Основали ежедневную газету, которая будет вести политику гласности, а не тишины. Смогли бы добиться пособий для старых дев — этих жертв патриархальной системы, у которых ничтожный доход и нет полного пансиона. Добились бы равноправия в системе оплаты труда. Обеспечили бы каждой роженице хлороформ{53} и, возможно, снизили тем самым материнскую смертность с 4 человек на тысячу до нуля вообще. В течение одного только заседания приняли бы те законопроекты, на рассмотрение которых в Палате общин сейчас уходят годы каторжного труда. На первый взгляд кажется, будто нет ничего, что вы бы не смогли сделать, будь у вас капитал, имеющийся в распоряжении ваших братьев. *«Почему тогда,* — воскликните вы, — *не помочь нам*

сделать первый шаг в этом направлении?» Только профессия позволит заработать деньги, и только с их помощью мы сможем достичь заветных целей. *«А зачем тогда торговаться и навязывать свои условия?»* — возмутитесь вы. Но все же обратите внимание на письмо мужчины с профессией, который просит нам помочь ему предотвратить войну. Посмотрите на снимки погибших людей и разрушенных зданий, которые испанское правительство присылает нам почти каждую неделю. Именно из-за них необходимо торговаться и обсуждать эти условия.

Если сопоставить наглядную информацию, полученную из фотографий и писем, с той, которой снабдили нас биографии по поводу профессий, то эти самые профессии предстанут перед нами в новом, можно сказать, красном свете[152]. Своим призванием вы действительно зарабатываете на жизнь, но насколько вообще эти деньги сами по себе являются желанным объектом, принимая во внимание указанные факты? Великие умы человечества на протяжении двух тысяч лет считали подобные желания недопустимыми. На что вы достаточно резко отвечаете, предполагая и другие возможные причины сдерживания своих прав на доходы, что слова Христа о богатстве Царствия Небесного не могут более помочь тем, кто вынужден иметь дело с другими проблемами сегодняшнего дня. Вы утверждаете, что при нынешнем положении дел в Англии полная нищета менее желательна, нежели сильное процветание. Бедность христианина, которому следует отказываться от всех материальных благ и страстей, лишь изо дня в день терзает, как мы видим, его тело и разум. Безработные, очевидно, не являются источником интеллектуального и духовного здоровья своей страны. Все это веские аргументы, но задумайтесь на минуту о жизни Пирмонта Моргана. Вы ведь не станете отрицать, что чрезмерное процветание в равной степени нежелательно для нас по тем же причинам. Коль скоро богатство и нищета есть опасные крайности, логично предположить, что существует и некий средний, удачный, вариант. Сколько же денег нужно сегодня иметь, чтобы жить в Англии? И на что их необходимо тратить? К какой жизни тогда вы предлагаете стремиться и каким стать человеком, получив нашу гинею? Над этими вопросами, мадам, я и прошу вас подумать; бессмысленно отрицать их чрезвычайную важность. Но именно они, увы, и уводят нас далеко за пределы реального мира неопровержимых фактов, к которому все мы здесь привязаны. Захлопнем же Новый Завет, Шекспира, Шелли, Толстого и остальных и рассмотрим то единственное, что маячит сейчас перед глазами — факт процессии образованных мужчин и того, что мы тащимся вслед за ней; и мы обязаны подумать об

этом, прежде чем сможем устремить свой взгляд в сторону горизонта — в будущее.

И вот перед нашими глазами снова та самая процессия мужчин, которые поднимаются по лестницам, входят в двери и выходят из них, молятся, поучают, возглавляют систему правосудия, лечат — зарабатывают деньги. И, само собой, ежели вы собираетесь зарабатывать своей профессией не меньше, вам придется принять те условия, которые соблюдают и они. Лишь наблюдая за ними из верхних окон или же из книг, мы поймем, в чем, собственно, заключаются эти условия. Придется выходить из дома в девять утра и возвращаться к шести вечера. Такой график почти не оставляет отцам времени на общение с детьми. И его придется соблюдать с двадцати одного года до примерно шестидесяти пяти лет. Времени на дружбу, путешествия и искусство практически не останется. Вам придется взять на себя обязательства, весьма тяжелые и даже варварские порой. Придется носить одежду, подчеркивающую определенную принадлежность. Коль скоро вы преуспеете в своей профессии, слова *«За Бога и Империю»*[153] станут для вас таким же необходимым атрибутом, как и ошейник с адресом — для собаки{54}. И, если слова эти имеют значение, а они, по-видимому, должны что-то значить, вам придется принять их и делать все возможное, чтобы им следовать. Проще говоря, вы обязаны всецело жить той жизнью образованных мужчин, которой они живут уже не одно столетие. Не сомневайтесь.

Да и что может случиться, если все будет именно так? Почему мы должны сомневаться в своих способностях справиться с той работой, которую до нас выполняли отцы и их предки? Давайте копнем глубже и исследуем те факты, которые в наше время доступны любому, кто способен прочесть на родном языке несколько биографий. На полках домашней библиотеки у вас есть немыслимое количество бесценных работ по данной теме. Давайте еще раз пробежимся по биографиям мужчин с профессией, преуспевших в своей области. Вот, например, выдержка из биографии одного очень известного юриста: *«Он появлялся в конторе около половины десятого… всегда брал с собой документы, чтобы поработать на дому… хорошо, если он мог позволить себе при этом лечь спать в час или два ночи»*{55}. Вот почему с большинством успешнейших юристов едва ли стоит сидеть за обедом: они всегда зевают. Теперь приведем цитату из речи известного политика. *«… с 1914 года я ни разу не видел парада цветений от ранней сливы до поздних яблок, тем более в Вустершире*[154]*, и если не это считать жертвой, то что тогда?»*{56} Конечно, это была жертва — причем единственная,

способная объяснить непреходящее безразличие правительства к искусству и то, почему все эти несчастные джентльмены слепы как кроты. Вот цитата одного известного епископа: *«Какая ужасная, разрушающая и разум и тело, жизнь! Да я понятия не имею, как вообще можно так жить. Обязательства столь важной работы постоянно накапливаются и могут раздавить»*{57}. Это лишь подтверждает, что все больше людей сейчас высказываются о церкви и нации. У наших епископов и деканов[155], похоже, нет ни души для проповедей, ни мозгов для писательства. Послушайте проповедь в любой церкви; прочтите тексты декана Элингтона[156] или Инджа[157] в любой газете. Теперь возьмем профессию врача. *«Я заработал более 13тысячи фунтов за этот год, но тратить их, пребывая в таком рабстве, просто некогда. Сильнее всего я чувствую себя одиноким, когда вынужден быть вдали от Элизы*[158] *и детей*[159] *почти каждое воскресенье и даже на Рождество»*{58}. Такова жалоба очень успешного врача; и его пациент вполне мог бы повторить это, ибо какой специалист с Харви-стрит найдет время на изучение физического и душевного (тем более того и другого) состояния пациентов, когда он является рабом 13 тысяч в год? Но разве жизнь профессионального писателя лучше? Вот цитата из биографии одного чрезвычайно известного журналиста: *«Как-то раз за день он написал 1600слов о Ницше, статью о лидере забастовки на железной дороге для „Standard*[160]*“ и 600слов для „Tribune*[161]*“, а вечером уже был в „Shoe Lane*[162]*“»*{59}. Помимо всего прочего ясно, почему общество читает своих политиков с некоторым цинизмом, а авторы измеряют работы линейкой: сейчас главное — разрекламировать себя: просто хвалить или критиковать уже практически не имеет смысла. И, раз профессия политика является по сути наиболее важной для нас, давайте взглянем на его жизнь еще раз: *«Лорд Хью слонялся по лобби… Законопроект [о сестре скончавшейся жены*[163]*] в итоге отвергли, а вариант повторного рассмотрения был отложен до лучших времен»*{60}. Эти слова не только объясняют бытующее недоверие к политикам, но также напоминают о том, что поскольку у вас есть Пенсионный законопроект, которым можно управлять людьми посредством столь гуманного и справедливого учреждения как Палата общин, то и нам не следует бесцельно слоняться по всем этим замечательным биографиям, а лучше вкратце обобщить ту информацию, которую мы уже добыли из них.

«Ну и к чему тогда все эти цитаты из биографий успешных мужчин с профессией?» — спросите вы. Они, в отличие от Уитакера, ничего не доказывают. Когда альманах утверждает, что епископ зарабатывает 5 тысяч в год, это факт, который можно

легко проверить и подтвердить. Но, когда епископ Гор заявляет, что такая жизнь *«разрушает и разум и тело»*, это лишь его субъективная оценка, с которой категорически не согласится следующий епископ. Поэтому приведенные цитаты не доказывают ничего, что можно было бы проверить и подтвердить; они призваны формировать наше мнение, которое, в свою очередь, заставляет нас сомневаться, критиковать и оспаривать ценность профессиональной жизни: не ее материальную сторону, которая весьма существенна, а духовную, моральную и интеллектуальную составляющие. Эти цитаты успешно доказывают нам, что люди, чрезвычайно успешные в своей профессии, падают духом. Ухудшается зрение — они не смотрят картины. Садится слух — им уже не до музыки. Исчезает общение — не остается сил на разговоры. Они теряют и чувство меры. Исчезает человечность. Деньги становятся всем: ради них приходится работать и днем и ночью. Растрачивается здоровье: конкуренция настолько высока, что они с жадностью взваливают на себя работу, которую не в состоянии выполнить в одиночку. И что остается тогда от человеческого существа, которое лишилось зрения, слуха и чувства меры? Искалеченная оболочка.

Все это, конечно, художественная метафора, но она явно имеет связь и с реальными количественными данными — с теми тремя сотнями миллионов фунтов, которые (без преувеличений) тратятся на вооружение. Именно такого, кажется, мнения придерживаются сторонние наблюдатели, чья позиция дает им возможность судить объективно и честно. Давайте же изучим хотя бы две подобные точки зрения. Маркиз Лондондерри[164] сказал:

«Кажется, мы слышим шум множества разных голосов, которым явно недостает уверенного лидера, и люди лишь топчутся на одном месте… В прошлом столетии научные открытия имели оглушительный успех, в то время как разглядеть соответствующие достижения литературы мы не смогли… И стоит задаться вопросом, может ли человек разумно использовать плоды новых научных достижений или же, напротив, способен разрушить себя и всю цивилизацию»{61}.

Господин Черчилль[165] сказал:

«Не подлежит сомнению тот факт, что, пока мужчины с огромной, не поддающейся измерению скоростью получают знания и власть, их нравственность и мудрость на протяжении уже многих столетий не демонстрируют каких-либо заметных улучшений. Мозг современного мужчины, по сути, не отличается

от того, который был у человеческого существа, жившего и сражавшегося здесь тысячи лет назад. Да и характер его практически не изменился. В условиях стресса — будь то голод, страх, жажда воевать или даже циничное интеллектуальное безумие — современный мужчина, как мы знаем, отважится на самые отвратительные поступки, а современная женщина его полностью поддержит»{62}.

И это лишь две цитаты из многих подобных. Кроме того, к ним можно добавить еще одну из менее впечатляющего, но все же достойного прочтения источника, поскольку цитата также имеет отношение к нашей проблеме — высказывание мистера Сирила Чевентри[166] из Северного Уэмбли[167].

«Женское представление о ценностях, пишет он, бесспорно отличается от мужского. Очевидно, поэтому она находится в невыгодном по сравнению с мужчиной положении и вызывает подозрение, когда создает вокруг себя поле деятельности. Сегодня у женщин есть больше, чем когда-либо, возможностей построить новый, лучший мир, но в своем рабском подражании мужчинам они тратят впустую этот шанс»{63}.

Это крайне типичное мнение — всего лишь пример множества подобных, которыми пичкают нас ежедневные газеты. Вместе все три приведенные цитаты чрезвычайно информативны. Первые две, похоже, пытаются доказать, что обширная профессиональная деятельность образованного мужчины не привела положение дел цивилизации в желаемое состояние. Последние же слова, призывающие образованных женщин использовать их иное *«представление о ценностях»*, дабы *«построить новый, лучший мир»*, не только подразумевают, что те, кто построил современный мир, недовольны результатом, но также, взывая к женщинам о помощи в борьбе со злом, возлагают на них большую ответственность и, тем самым, делают им огромный комплимент. Если мистер Чевентри и все джентльмены, солидарные с ним в том, что образованная женщина, находящаяся (и это правда) *«в невыгодном положении и вызывающая подозрение»*, с небольшим опытом или даже его отсутствием в сфере политики, и зарабатывающая 250 фунтов в год, все еще способна *«построить новый, лучший мир»*, тогда они должны наделить ее практически божественной властью. И согласиться со словами Гете[168]:

Лишь символ — все бренное,

Что в мире сменяется;
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Как сущность конечная,
Что вне описания,
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит,
И женственность вечная
Сюда нас заводит[169]{64} —

— еще одним существенным комплиментом и от великого, согласитесь, поэта.

Но вас не интересует похвала — только сами цитаты. И по печальному взгляду можно предположить, что эти слова о сущности профессиональной жизни привели вас к неутешительным выводам. К каким, например? *«Все просто*, — ответите вы, — *мы, дочери образованных мужчин, буквально между молотом и наковальней»*. С одной стороны, у нас государственный строй, патриархат; частный дом, его ничтожность и распущенность, его лицемерие и раболепство. С другой — общественный мир, мир профессий, где царят собственничество и зависть, распри и жадность. Один держит нас, словно рабынь в гареме; другой заставляет бегать словно собачек за своим хвостом, водить хороводы вокруг[170] священного дерева собственности. Нужно выбрать из двух зол. Одинаково неприятных. Не проще ли нам сигануть с моста и сдаться в этой игре, объявить существование всего человечества ошибкой и прекратить свою жизнь?

Но, прежде чем вы, мадам, сделаете этот решающий шаг, если только вы не разделяете мнение профессоров Англиканской церкви, что смерть является вратами жизни (Mors Janua Vitae[171]), как написано на арке собора Святого Павла, а тогда и советовать нечего, давайте подумаем, есть ли иное решение.

Оно, вероятно, прямо сейчас смотрит на вас с какой-нибудь книжной полки в виде очередной биографии. Возможно ли, что, изучив эксперименты, которые со своей жизнью когда-то совершали ныне мертвые люди, мы обнаружим нечто, что поможет нам ответить на чрезвычайно сложный вопрос, загнавший нас в угол? Как бы то ни было, стоит попробовать. С учетом приведенных выше цитат мы пришли к выводу, что должны зарабатывать деньги своими профессиями, но они, в свою очередь, кажутся нам крайне нежелательными. И вот что мы

сейчас должны спросить у вас, живых или мертвых: *«Как можем мы заниматься этими профессиями, оставаясь при этом цивилизованными человеческими существами — людьми, желающими предотвратить войну?»*

В данном случае обратимся к биографиям не мужчин, а женщин с профессией XIX века. Но в этой части библиотеки у вас, мадам, кажется, брешь. В прошлом веке не было таких женщин. Некая миссис Томлинсон, жена некоего мистера Томлинсона[172] (Ч. К. О.[173], Ч. О. Х.[174]), объясняет причину. Эта дама, написавшая книгу о *«защите права молодых женщин работать няньками»*, говорит: *«… казалось, будто нет иного способа для незамужней женщины заработать себе на жизнь, кроме как податься в гувернантки, на должность которой она зачастую не годилась ввиду своего происхождения и образования, его уровня или недостатка»*{65}. Эти слова написаны менее ста лет назад — в 1859 году, и они полностью объясняют брешь на полках вашей библиотеки. Кроме гувернанток, женщин с профессией, о жизни которых можно было бы написать, просто не существовало. А опубликованные истории этих гувернанток легко пересчитать по пальцам одной руки. И что вообще мы можем узнать о жизни женщин с такой профессией? К счастью, каких только секретов не найдешь в старых коробках. На днях всплыл один документ, написанный еще в 1811 году. Была, оказывается, некая мисс Уитон, которая, когда ее ученики уже засыпали, любила черкнуть на бумаге, помимо прочего, свои мысли о профессиональной стороне жизни. Вот пример одной из таких мыслей. *«Ох! Как же мне хочется изучать латынь, французский, искусство, науку, да что угодно, лишь бы не эта собачья жизнь: только шьешь и детей учишь, переписываешь тексты и моешь посуду каждый божий день… Почему лишь мужчинам разрешено изучать физику, богословие, астрономию и вдобавок химию, ботанику, логику, математику и т. д. и т. п.»*{66}? Комментарий этой гувернантки, ее вопрос, доносится к нам из темноты. Но также и освещает кое-что в ней. Однако продолжим поиск; поищем тут и там упоминания о профессиях женщин XIX века. И наткнемся на сестру Артура Клафа[175], ученика Доктора Арнольда[176] и профессора колледжа Ориэлл, Анну Клаф[177], которая, хоть и работала даром, была первой директрисой Ньюнема и, таким образом, может считаться прародительницей женщин с профессией. Ее обучение заключалось в том, что она *«переделывала почти всю работу по дому», «зарабатывала, чтобы отдавать деньги, взятые взаймы у друзей», «настаивала на открытии небольшой школы»*, читала книги своего брата и восклицала: *«Будь я мужчиной, то не работала бы для того,*

чтобы нажить капитал и заработать имя себе и своей семье. Отнюдь! Я бы трудилась для своей страны и жителей ее сделала своими наследниками»{67}. Женщины прошлого века были, видно, не без амбиций. Затем мы обнаруживаем Жозефину Батлер, которая, хоть и не совсем женщина с профессией, сначала возглавила кампанию против Закона об Инфекционных Заболеваниях и одержала в ней победу, а затем — кампанию против купли-продажи детей *«в постыдных целях»*[178]. Мы видим, как эта самая Жозефина Батлер отказывается писать о своей жизни и вместо этого говорит о женщинах, которые помогали ей в тех кампаниях: *«Полное отсутствие в них какого-либо тщеславия и даже намека на эгоизм явно заслуживает внимания. Непорочные в своих действиях, они сверкают точно бриллианты»*{68}. Тогда это было одно из качеств викторианских женщин, которое они ценили и воспитывали в себе, — отказ от тщеславия и эгоизма; стремление заниматься работой исключительно ради результатов{69}. По-своему ценный вклад в психологию. А затем, приближаясь уже к нашему времени, мы обнаруживаем Гертруду Белл[179], которая, хотя дипломатическая служба была и остается недоступной для женщин, занимала на востоке должность, позволившую ей называться псевдо-дипломатом. Довольно удивителен тот факт, что *«Гертруда никогда не выходила на улицы Лондона без подруги или прислуги*{70} *… а, когда ей пришлось ехать в двухколесном экипаже с одного чаепития на другое в компании юноши, она почувствовала себя обязанной написать и признаться в этом моей матери»*{71}. Выходит, они были чисты — эти псевдо-политические женщины викторианской эпохи?{72} И не только телом, но также душой. *«Гертруде запрещали читать „Ученика“ Бурже»*[180], опасаясь, что из подобного чтива наверняка можно всякого понабраться. Неудовлетворенными, но амбициозными; амбициозными, но аскетичными; целомудренными и все же смелыми — примерно такими мы видим этих женщин. Но давайте продолжим поиски, и если не в строках биографий, тогда между ними. Среди множества мужчин мы обнаруживаем огромное количество женщин, занимавшихся тем, что следует считать профессией — работой, заключающейся в том, чтобы произвести на свет с десяток детей, управлять домашним хозяйством, ухаживать за каким-нибудь инвалидом, бедным или больным человеком и присматривать то за старым отцом, то за матерью. Но это не оплачивается и вообще не зовется профессией, вот только в истории XIX века мы видим столько загруженных работой матерей, сестер и дочерей образованных мужчин, что мы обязаны собрать истории всех этих женщин и в качестве послания оставить их тем, у кого хватит воображения и времени покопаться

в них и изучить. Позвольте тогда, коли уж вы торопите нас с ответом, подвести итог всем выборочным сведениям и беглым размышлениям о профессиональной деятельности женщин XIX века, повторно цитируя чрезвычайно важные слова одной из них, которая, хоть и не являлась профессиональным работником в прямом смысле, тем не менее имела репутацию известной путешественницы — Мэри Кингсли:

«Не знаю, рассказывала ли я вам когда-нибудь, что в качестве образования мне позволялись и оплачивались только уроки немецкого. Зато две тысячи фунтов были потрачены на моего брата и, я надеюсь, не напрасно».

Это заявление настолько сильное само по себе, что может запросто уберечь нас от дальнейшего поиска в биографиях образованных мужчин каких-либо сведений о жизни их сестер. И если развить предположение Мэри Кингсли, а также связать его с остальными сведениями, которые мы уже нашли, то можно сформулировать теорию или хотя бы точку зрения, которая поможет ответить на тот невероятно трудный, стоящий перед нами вопрос. Например, когда Мэри говорит, что ей *«… оплачивались только оплаченные уроки немецкого»*, она намекает, что у нее было и бесплатное образование. Биографии других людей, которые мы изучаем, также подтверждают этого предположение. Что же за *«бесплатное образование»*, которое, хорошо это или плохо, было доступно нам в течение многих столетий? Если мы соберем в кучу всех неизвестных нам людей, стоящих позади тех четырех, чьи истории, напротив, оказались настолько выдающимися и успешными, что о них написали (Флоренс Найтингейл[181], Мисс Клаф, Мэри Кингсли и Гертруда Белл), то можно будет утверждать, что всем они обязаны одним и тем же учителям. Косвенно, но тем не менее решительно и бесспорно, биографии указывают, что этими учителями были бедность, целомудрие, насмешки и, что называется, *«нехватка прав и привилегий»*. Стоит ли нам настаивать на избитом слове *«свобода»* для достижения своих целей? *«Свобода от притворной преданности»* была их четвертым учителем, от верности старинным школам, колледжам, церквям и церемониям, отечеству — свобода, которой наслаждались все те женщины и которой в значительной степени по-прежнему наслаждаемся и мы, согласно закону и обычаям Англии. Некогда нам выдумывать новые термины, хотя язык и нуждается в них. Пусть в таком случае *«свобода от притворной преданности»* и будет четвертым великим учителем дочерей образованных мужчин.

Таким образом, биографии снабжают нас фактами того, что дочери образованных мужчин получили свое бесплатное образование из рук бедности, целомудрия, насмешек и свободы от притворной преданности. Именно это образование, сообщают источники, должным образом подготовило их к работе задаром. Кроме того, эти неоплачиваемые профессии имели ничуть не меньше собственных законов, традиций и сложностей, нежели оплачиваемый труд. Далее, человек, изучающий биографии, не сможет, вероятно, усомниться в том, что подобное образование и такие профессии были во многих отношениях чрезвычайно жалкими и для тех, кто ими владел, и для их потомков. Интенсивное деторождение не зарабатывающих деньги женщин и, наоборот, огромные заработки мужей викторианской эпохи, несомненно, оказали чудовищное влияние на разум и тело современных людей. И, чтобы доказать это, нет нужды еще раз цитировать знаменитое высказывание, в котором Флоренс Найтингейл осудила образование того времени и его последствия, или подчеркивать то природное обаяние, с которым она встретила Крымскую войну, или приводить из других источников примеры — а их, увы, множество — той пустоты и глупости, ничтожности, злобы, тирании, лицемерия и аморальности, которые породило это образование и которыми изобилуют, как мы видим, жизни мужчин и женщин. Последнее доказательство его влияния по крайней мере на один из полов можно обнаружить в анналах истории нашей *«великой войны*[182]*»*, когда больницы, урожайные поля[183] и военные заводы были под завязку набиты беженцами, хоть как-то спасающимися от ужасов войны.

Но биографии многогранны, они никогда не дают однозначного и простого ответа, какой бы вопрос вы им ни задали. Так, например, биографии людей, чьи из них существуют, — скажем, Флоренс Найтингейл, Анны Клаф, Эмили Бронте[184], Кристины Россетти[185] и Мэри Кингсли, — несомненно доказывают, что одно и то же бесплатное образование должно быть имело наравне с огромными недостатками еще и большие плюсы, ведь нельзя отрицать, что они были пусть и не самыми образованными, но все же цивилизованными женщинами своего времени. Нельзя, изучая жизнь необразованных матерей и бабушек, судить об образовании только по возможности *«выслуживаться»*, получать награды и зарабатывать деньги с помощью него. Мы должны честно признать, что некоторые женщины, не имея оплаченного образования, должностей и жалований, были цивилизованными человеческими существами. Могли ли они полноправно

называться *«английскими»* женщинами? — другой вопрос; и таким образом необходимо признать, что мы будем полными дураками, если перечеркнем все последствия того образования или откажемся от полученных с помощью него знаний за какую бы то ни было взятку или награду. Поэтому, когда мы задаем биографиям вопрос о том, каким образом нам войти в мир профессий и остаться при этом цивилизованными человеческими существами, противниками войны, они, по-видимому, ответят так: *«Если вы не станете открещиваться от четырех великих учителей своих дочерей образованных мужчин: от бедности, целомудрия, насмешек и свободы от притворной преданности, — но объедините их с каким-никаким достатком, некоторыми знаниями и хоть какой-то реальной преданностью, тогда вы сможете войти в мир профессий и избежать риска нежелательных последствий»*.

Таково наше предсказание и критерии получения гинеи. Возьмите ее на тех, повторяем, условиях, что вы поможете всем вполне образованным людям, независимо от их пола, класса и цвета кожи, войти в мир профессий и затем, уже работая по специальности, не станете открещиваться от бедности, целомудрия, насмешек и свободы от притворной преданности. Разве наша позиция не стала четче, а условия — понятней? Согласны с ними? Колеблетесь. Некоторые пункты, полагаете вы, еще нужно обсудить. Давай тогда по порядку. Под бедностью подразумевается количество денег, на которые можно прожить. То есть вы должны достаточно зарабатывать, чтобы не зависеть от других человеческих существ и тратить небольшие количества денег на здоровье, досуг, знания и другие вещи, необходимые для гармоничного развития души и тела. Но ни пенсом больше.

Под целомудрием имеется в виду, что, заработав своей профессией достаточно, для того чтобы жить, вы обязаны отказаться торговать и дальше своими мозгами только ради денег. Вы обязаны прекратить практику или заниматься работой ради исследований и экспериментов; или же, если вы художник, работать во имя искусства; или безвозмездно делиться своими знаниями с теми, кто в них нуждается. И, грубо говоря, не водить бесконечные хороводы вокруг священного дерева, а, улыбаясь, его срубить.

Под насмешками — неудачное слово, но, как мы уже сказали, английский язык нуждается в новых терминах — подразумевается, что вы должны отказаться от любого хвастовства своими заслугами, держаться в тени; помалкивать, с точки зрения психологии, полезнее, нежели гнаться за славой и одобрением. В общем, если вам предлагают значки, ордена и звания, бросьте их дарителю в лицо.

Под свободой от притворной преданности подразумевается, что, во-первых, вы должны избавиться от гордыни и национальной гордости, а также от снобизма, связанного с религией, колледжем, школой, семьей, половой принадлежностью и всего, что из них проистекает. Короче говоря, когда искусители станут вас вербовать в свои организации, разорвите бумаги и откажитесь их заполнять.

Если вы по-прежнему считаете, будто эти определения произвольны и слишком абстрактны, и спрашиваете, кто может точно сказать, сколько денег и знаний необходимо для гармоничного развития души и тела, а также, каким истинным ценностям мы должны служить, а какие ложные — презирать, я лишь могу отослать вас — ибо поджимает время — к двум авторитетным источникам. Один из них уже известен. Это психометр на вашем запястье — тот небольшой прибор, от которого вы зависите во всех личных взаимоотношениях. Будь он осязаем, то походил бы на термометр с ртутью внутри, реагирующей расширением на любые разум или тело, дом или общество. Чтобы выяснить, сколько денег необходимо человеку, используйте этот прибор в присутствии богача; для количества знаний — в присутствии образованного человека. То же касается патриотизма, религии и остального. В ходе таких исследований желательно не прерывать разговор и оставаться вежливым. Но, если вы возражаете, говоря, что подобный метод чересчур субъективен, рискован и может повлечь за собой множество ошибок, признайте в этом случае тот факт, что личный психометр уже стал причиной большого числа неудачных браков и разрушенных отношений с друзьями, и тогда обратитесь к другому авторитету, доступному даже для самых бедных дочерей образованных мужчин. Отправляйтесь в галерею и взгляните на картины; включите на всю катушку радио; зайдите в публичные библиотеки, которые ныне общедоступны. Там вы сможете воспользоваться в своих целях общественным психометром. Поскольку нас поджимает время, приведем только один пример: *«Антигона»* Софокла[186] была переведена в виде стихов или прозы человеком, имя которого не столь существенно{73}. Возьмите образ Креонта[187]. На его примере можно всецело изучить влияние власти и богатства на состояние души, что уже сделано автором, который в данном случае выступил не только в роли поэта, но и психолога. Взгляните, с какой силой Креонт настаивает на абсолютной власти в отношении своих подданных. Пример подобной тирании гораздо более поучителен, нежели тот, что демонстрируют наши политики. Хотите узнать, какие ложные ценности необходимо презирать, а каким настоящим —

следовать? Изучите мысли Антигоны о разнице между родовыми неписанными и государственными законами. Ее слова об обязанностях человека по отношению к обществу гораздо содержательней всего, что могут сказать нам современные социологи. Даже в корявом переложении на английский язык пять слов[188] Антигоны стоят больше, чем все проповеди архиепископов вместе взятые{74}. Но преувеличивать тоже не стоит. Частное мнение остается свободным в частной жизни, и эта свобода — сущность свободы вообще.

Хотя кому-то может показаться, что условий слишком много, а гинея, увы, одна, выполнить их в наше время, по сути, не так уж трудно, за исключением того, что мы должны зарабатывать достаточно денег для проживания — уж законы Англии здесь постарались на славу. Один из них следит, чтобы мы не могли унаследовать много имущества; другой отказывает нам и, надеемся, будет еще долго отказывать в полном равноправии. В таком случае едва ли мы можем сомневаться в том, что наши братья продолжат обеспечивать нас еще много столетий подряд, как делали и до этого, тем, что так необходимо для здравомыслия и успешного противостояния современным грехам: тщеславию, самовлюбленности и мании величия, — то есть насмешками, осуждением и презрением{75}. Покуда Англиканская церковь отказывает нам в работе (а не допускать она может очень долго!), а колледжи и школы не хотят делиться своими богатствами и привилегиями, мы со своей стороны будем неуязвимы к той преданности и верности, которые подобные богатства и привилегии порождают. Более того, мадам, традиции частного дома, его наследие, накопленное к нынешнему моменту, может помочь вам. Из приведенных выше цитат мы уже узнали, насколько важную роль сыграло физическое целомудрие в бесплатном образовании женщин. Должно быть несложно превратить старую концепцию телесной чистоты в современную — чистоту разума — и понять, что если неправильно было торговать собой, то уж торговать умом — еще постыдней, поскольку, говорят, важна власть разума над телом. И разве те самые традиции не укрепляют нас в противостоянии наиболее сильному из всех соблазнов — деньгам? Сколько столетий подряд мы страдали от права работать каждый день без выходных за 40 фунтов в год, включая питание и проживание? Разве Уитакер не доказал, что половина дочерей образованных мужчин по-прежнему не получают ничего за свой труд? И, наконец, разве трудно нам противостоять таким соблазнам, как репутация, слава и признание, нам — тем, кто столько веков подряд работал, не зная почета, заключенного в коронах и медалях наших отцов и

мужей?

Таким образом, имея в своем распоряжении закон, имущество и наследие в качестве проводников, нет нужды приводить другие аргументы; согласитесь, что все условия получения вами нашей гинеи, за исключением одного, выполнить сравнительно просто. Только и требуется, чтобы вы, следуя показаниям двух психометров, развивали и видоизменяли традиции и образование частного дома, существующие вот уже две тысячи лет. Если вы готовы сделать это, наш торг окончен, а гинея на оплату ренты достанется вам и принесет пользу тысячи таких гиней! Если вы действительно согласны со всем сказанным, то сможете вступить в мир профессий, избежав его собственнических инстинктов, зависти, драчливости и скупердяйства. Вы можете использовать ее, чтобы иметь собственное мнение и силу воли, которые позволят противостоять бесчеловечности, зверствам, глупости и ужасам войны. Так возьмите же эту гинею и используйте ее, но не для того чтобы сжечь дом, а заставить его окна светиться. И пусть дочери необразованных женщин танцуют вокруг нового дома, бедного и стоящего на узкой улочке, где постоянно ходят омнибусы и громко кричат торговцы, но пускай они поют: *«Мы покончили с войной! Мы избавились от тирании»*! А матери их будут улыбаться, глядя с небес, и думать: *«Ради этого стоило терпеть злословие и позор! Так зажгите же, дочери, огни нового дома! И пусть они светятся!»*

Вот на каких условиях я отдаю вам свою гинею, дабы помочь дочерям необразованных женщин овладеть профессией. Хватит разглагольствовать, мы попросту надеемся, что вы подготовитесь к своей ярмарке, закончите блюдо из кролика, натрете кофейник и встретите достопочтенного[189] сэра Сэмпсона Лэдженда[190], О. З.[191], Р. К. О. Б.[192], Д. П.[193], Д. Г. П.[194], Ч. Т. С.[195] и т. д., той улыбкой и атмосферой уважения, как и подобает дочери образованного мужчины в присутствии своего брата.

Таким, по-видимому, сэр, было письмо, отправленное, в конце концов, почетному казначею общества помощи дочерям образованных мужчин по овладению профессией. Таковы условия, по которым она может получить нашу гинею. И по возможности они были составлены так, чтобы она могла гарантированно сделать с ее помощью все возможное, дабы помочь вам в предотвращении войны. Кто скажет, правильно ли составлены эти условия? Но скоро вы поймете, что было необходимо ответить и ей, и почетному казначею фонда по реорганизации колледжей, послав им обеим по одной гинее, прежде чем отвечать на ваше письмо, ибо, до тех пор, пока мы не поможем дочерям образованных мужчин получить профессию, а затем зарабатывать

ею себе на жизнь, эти самые дочери не смогут добиться независимого и бескорыстного влияния, способного помочь вам предотвратить войну. Причинно-следственные связи кажутся логичными. Теперь, объяснив их как нельзя лучше, вернемся к письму с просьбой о пожертвовании вашему обществу.

Третья гинея

И вот, наконец, ваше письмо, в котором, как известно, после вопроса о нашем мнении вы предлагаете и некоторые практические действия, с помощью которых мы можем помочь вам предотвратить войну. Похоже, нужно подписать манифест, взяв на себя обязательство *«защищать культуру и интеллектуальную свободу»*{76}, присоединиться к определенному обществу сохранения мира, и, наконец, пожертвовать его нуждающемуся в средствах фонду денег.

Для начала давайте разберемся, как мы можем помочь вам предотвратить войну, защищая культуру и интеллектуальную свободу, поскольку вы утверждаете, что есть некоторая связь между этими весьма абстрактными словами и действительно реальными фотографиями мертвых тел и разрушенных зданий.

И если просьба высказать мнение о том, как предотвратить войну, удивляет, то абстрактное предложение вашего манифеста помочь сделать это посредством защиты культуры и интеллектуальной свободы, обескураживает. Вдумайтесь, сэр, что значат ваши слова в свете всех приведенных выше фактов. Они значат, что в 1938 году сыновья образованных мужчин просят своих сестер помочь им защитить культуру и интеллектуальную свободу. *«Что в этом удивительного?»* — спросите вы. Представьте, как герцог Девонширский в орденах и медалях спускается на кухню к чистящей картошку служанке с грязью на щеках и говорит: *«Мэри, заканчивай с этим делом и помоги мне разобрать довольно трудный отрывок Пиндара*[196]*»*. Разве ошарашенная Мэри не побежит к кухарке с криком: *«Луиза, неужто хозяин сошел с ума?!»* Вот что примерно испытываем и мы, когда сыновья образованных мужчин просят нас, своих сестер, защищать интеллектуальную свободу и культуру. Но позвольте все же перевести вопль служанки на интеллектуальный язык.

Еще раз просим вас, сэр, взглянуть на Образовательный Фонд Артура с нашей точки зрения. Попытайтесь, хоть это и трудно, понять, чего стоило нам пополнение этого счета, который на протяжении многих столетий обеспечивал образование в Оксфорде или Кембридже примерно десяти тысячам наших братьев в год. Получается, мы уже сделали для культуры и интеллектуальной свободы больше, чем любой другой класс нашего общества. Разве дочери образованных мужчин не жертвовали в Образовательный Фонд Артура с 1262 по 1870 г. все деньги, необходимые для их собственного образования, за

исключением жалких сумм, что шли на жалованья гувернанток, учителей немецкого и танцев? Разве они не пожертвовали своим образованием в Итоне или Харроу, Оксфорде или Кембридже и вообще в любом престижном учреждении на континенте: в Сорбонне[197] и Гейдельберге[198], Саламанке[199], Падуе[200] и Риме[201]? Разве не были дочери столь щедры и расточительны, пусть и косвенно, что когда в XIX веке, они получили наконец право хоть на какое-то собственное платное обучение, то ни одна из женщин в итоге не оказалась достаточно образованной, чтобы самой преподавать?{77} И вот теперь, когда они, наконец, решают получить не только университетское образование, но и немного его привилегий: путешествия, удовольствия, свободу, — как гром среди ясного неба, приходит ваше письмо, сообщающее им, что вся та немыслимая, баснословная сумма денег (считая не только наличные, но и косвенную помощь женщин своим братьям), наполнявшая Образовательный Фонд Артура, была потрачена зря или неверно. С какой еще целью были основаны Оксфорд и Кембридж, если не защита культуры и интеллектуальной свободы? Ради чего ваши сестры обходились без образования, путешествий и предметов роскоши, кроме того, чтобы на сэкономленные деньги их братья поступили в школы и университете, дабы научиться защищать культуру и интеллектуальную свободу? И теперь, когда вы заявляете, что они под угрозой, и просите нас добавить свой голос к вашему, шесть пенсов — к гинее, мы вынуждены предположить, что деньги были потрачены напрасно. И, если государственные школы и университеты с их продвинутыми механизмами воспитания ума и тела потерпели неудачи, какие есть основания полагать, будто ваше общество с выдающимися лозунгами преуспеет, а манифест, подписанный известнейшими людьми, что-либо изменит? Не следует ли вам, прежде чем арендовать офис, нанимать секретаря, избирать комитет и обращаться за средствами, подумать, почему те школы и университеты потерпели неудачу?

Вот вопрос, на который нужно ответить. Какую вообще помощь можем оказать вам в защите культуры и интеллектуальной свободы мы — те, кому доступ в университеты был закрыт, а сейчас открыт лишь частично; мы — те, кто не получили никакого платного образования или получили так мало, что только и можем читать и писать на своем языке; мы — кто, по сути, представляет не интеллигенцию, а игноранцию[202]? Дабы подтвердить скромную оценку нашей собственный культуры, а также доказать, что и вы разделяете ее, есть Уитакер со своими фактами, по словам которого ни одна дочь образованного мужчины не допущена преподавать литературу на

своем родном языке ни в одном из университетов. А ее мнения даже не стоит и спрашивать, сообщает Уитакер, когда речь идет о покупке картины для Национальной Галереи[203], портрета — для Портретной Галереи[204] или мумии — для Британского Музея[205]. Какой тогда смысл просить нас защитить культуру и интеллектуальную свободу, если вы, согласно строгим фактам Уитакера, не доверяете нам, когда дело доходит до того, чтобы тратить деньги, в которых есть и наша доля, на покупку предметов культуры и интеллектуальной свободы для государства? Понимаете ли вы, что подобная просьба стала для нас неожиданным комплиментом? Вот, однако, ваше письмо, в котором также есть некоторые факты. Вы говорите, что война неизбежна, заявляете на разных языках, например, на французском, что *«Seulelaculturedésintéresséepeutgarderlemondedesaruine*[206]*»*{78}, и продолжаете утверждать, будто, защищая интеллектуальную свободу и культуру, мы сможем помочь вам предотвратить войну. Поскольку первое ваше утверждение бесспорно, а любая кухарка пусть и с плохим французским может прочесть и понять огромную надпись на стене «Air Raid Precautions[207]», мы не можем игнорировать вашу просьбу по причине невежества или из скромности промолчать. Подобно тому, как любая кухарка попыталась бы истолковать отрывок из Пиндара, если бы от этого зависела ее жизнь, так и дочери образованных мужчин, какими бы ничтожными ни были их возможности, должны подумать, что они способны сделать для защиты культуры и интеллектуальной свободы, если тем самым помогут предотвратить войну. Итак, позвольте нам всеми доступными средствами исследовать дальнейший метод помощи вам и оценить, прежде чем дать согласие присоединиться к определенному обществу, можем ли подписать ваш манифест в пользу культуры и интеллектуальной свободы, намереваясь сдержать свое слово.

Что же означают эти абстрактные термины: культура и интеллектуальная свобода? И, если мы хотим помочь вам защитить их, было бы неплохо для начала дать определения. Но, как и у всех почетных казначеев, у вас мало времени, а рыскание по английской литературе в поиске определений — хоть и по-своему интересное занятие — может нас далеко завести. Давайте тогда согласимся, что мы понимаем, о чем речь, и сосредоточимся на конкретной практической задаче, а именно: как мы можем помочь вам их защитить. Сейчас перед нами на столе лежит полная фактов ежедневная газета, всего одна выдержка из которой может сэкономить время и ограничить наш запрос. *«Вчера на заседании директоров школ было решено, что*

женщины не могут обучать мальчиков старше четырнадцати лет». Этот факт весьма полезен, поскольку он сразу показывает, что определенные виды помощи женщинам недоступны. Как показывает история, попытка реформировать образование наших братьев в государственных школах и университетах обернется потоком мертвых кошек, тухлых яиц и сломанных ворот, от которых выиграют только мусорщики и слесари, пока джентльмены у власти будут наблюдать за происходящим из окон своих кабинетов, бесконечно куря сигары и медленно потягивая, как и положено, изумительный кларет[208]{79}. Таким образом, преподавание истории, подкрепленное изучением ежедневных газет, ограничивает нас еще сильнее. Мы можем помочь вам защитить культуру и интеллектуальную свободу, защищая лишь свою собственную культуру и свободу. То есть, если казначей одного из женских колледжей просит нас о пожертвовании, мы можем намекнуть, что какие-либо изменения в этом вспомогательном учреждении могут произойти, лишь когда оно перестанет быть таковым. Также, если казначей общества по трудоустройству образованных женщин просит денег, можно предположить, что в интересах культуры и интеллектуальной свободы некоторых изменений требуют и сами профессии. Но, поскольку платное образование и возможность поступить в Оксфорд или Кембридж пока доступны лишь ограниченному числу женщин, большинство дочерей образованных мужчин должны приобщаться к культуре за пределами священных врат — в публичных или частных библиотеках, двери в которые по какой-то необъяснимой оплошности остались открытыми. Сейчас, в 1938 году, для женщин культура по-прежнему заключается в чтении и письме на своем языке. Таким образом, вопрос становится проще и после развенчания понятия культуры с ним легче иметь дело. Что мы должны сделать сейчас, сэр, так это изложить вашу просьбу дочерям образованных мужчин и попросить их помочь вам предотвратить войну, но не советами своим братьям защищать культуру и интеллектуальную свободу, а простым чтением и письмом на родном языке, дабы защитить самих этих довольно абстрактных богинь.

На первый взгляд, это может показаться простым решением, не требующим ни аргументов, ни обсуждений, но нас поджидает новая трудность. Мы уже отметили, что писательство — единственная профессия, за которую в XIX веке не нужно было бороться. Проще говоря, битва за нее на Груб-стрит[209] не велась. Эта профессия всегда была доступна дочерям образованных мужчин, что, конечно, связано с чрезвычайной дешевизной требуемых для нее материалов и навыков. Книги, ручки и бумага

стоят гроши, а уроки чтения и письма настолько повсеместно преподаются, по крайней мере с XVIII века, что ни один человек не может спрятать необходимые знания или отказать в допуске к ним тем, кто действительно хочет читать или писать книги. Но поскольку литературная профессия открыта для дочерей образованных мужчин, то нет и ни одного почетного казначея в этой области, которая бы так нуждалась в гинее для ведения своей борьбы, что стала бы слушать и всеми силами соблюдать наши условия. Согласитесь, это ставит нас в неловкое положение. Как тогда нам оказать на них давление и убедить помочь нам? Эта профессия, кажется, отличается от всех остальных. Здесь нет главных литераторов, нет лорда-канцлера, как у вас; нет официального органа, наделенного властью устанавливать свои правила и требовать их соблюдения{80}. Мы не можем запретить женщинам пользоваться библиотеками{81}, покупать чернила и бумагу или постановить, что метафоры могут использовать исключительно мужчины, как только им, например, разрешается рисовать с обнаженной натуры в художественных школах. Мы не можем объявить поэзию мужской, как это было сделано с игрой в академических оркестрах. Такова неслыханная вольность профессии литератора, что любая дочь образованного человека может использовать мужской псевдоним — скажем, Джордж Элиот или Жорж Санд[210], — в результате чего редактор или издатель, в отличие от авторитетов Уайтхолла, не способен уловить какой-нибудь особый запах или вкус рукописи или даже понять, женат ли писатель.

Таким образом, раз у нас нет власти над теми, кто зарабатывает себе на жизнь чтением и письмом, мы должны смиренно пойти к ним без взяток или угроз — с протянутой рукой, точно нищие, и, взывая к доброте душевной, просить их заниматься чтением и письмом в интересах культуры и интеллектуальной свободы.

Теперь, по-видимому, можно дать какое-нибудь определение *«культуре и интеллектуальной свободе»*. К счастью, для наших целей ему не надо быть исчерпывающим. Нет нужды обращаться к Мильтону[211], Гете или Мэтью Арнольду[212], ибо их определения подошли бы к оплаченной культуре, которая, по словам мисс Уитон, включает физику, богословие, астрономию, химию, ботанику, логику и математику, а также латынь, греческий и французский. Мы обращаемся в основном к тем, чья культура была бесплатной и состоит в основном из чтения и письма на родном языке. К счастью, ваш манифест под рукой, дабы помочь нам разобраться с формулировками: вы используете слово *«бескорыстный»*. Поэтому давайте определим культуру как

бескорыстное стремление к чтению и письму на английском языке, а интеллектуальную свободу — как право свободно говорить и писать, что думаешь. Это очень грубые определения, но их вполне достаточно. Тогда наш призыв можно начать следующим образом: *«О, дочери образованных мужчин, этот уважаемый джентльмен заявляет, что война неизбежна, но, защищая культуру и интеллектуальную свободу, мы можем помочь ее предотвратить. Посему умоляем вас — тех, кто зарабатывает на жизнь чтением и письмом…»*, — тут слова застревают в горле, а мольба вновь растворяется в многоточии из-за фактов — фактов из книг и биографий, затрудняющих или вовсе не позволяющих продолжить.

О чем же идет речь? В который раз мы вынуждены прервать наше обращение, чтобы рассмотреть факты, найти которые не составляет труда. Вот, к примеру, перед нами лежит весьма поучительный документ — невероятно искренняя и воистину трогательная биография миссис Олифант[213]. Она была дочерью образованного мужчины и зарабатывала себе на жизнь чтением и письмом. Она написала огромное количество разных работ: романы, биографии, исторические очерки, путеводители по Флоренции и Риму, рецензии, бесчисленные газетные статьи. На вырученные деньги она также воспитывала своих детей, но как сильно миссис Олифант защищала культуру и интеллектуальную свободу? Судите сами; прочтите для начала несколько ее романов: «Дочь герцога», «Диана Трелони», «Гарри Джослин»; затем — биографии Шеридана и Сервантеса[214], творцов Флоренции и Рима; а в заключение погрузитесь в бесчисленные статьи пожелтевших газет, разные очерки, которые она публиковала в литературных изданиях. По окончании исследуйте состояние своего ума и спросите себя, привело ли это чтение к уважению бескорыстной культуры и интеллектуальной свободы. Разве оно, напротив, не запятнало ваш рассудок, не расстроило воображение и не заставило сожалеть о том, что миссис Олифант торговала своими выдающимися способностями, своей культурой и интеллектуальной свободой, дабы заработать на жизнь и воспитать детей?{82} Принимая по внимание ущерб, который бедность наносит разуму и телу, а также необходимость кормить, одевать и воспитывать своих детей, мы неизбежно будем аплодировать ее выбору и восхищаться мужеством тех, кто поступил так же. В этом случае мы можем избавить себя от необходимости обращаться к таким людям с призывами, ибо они способны защитить бескорыстную культуру и интеллектуальную свободу не больше, чем сама миссис Олифант. Просить их подписать ваш манифест — все равно что требовать от

трактирщика трезвости. Сам он, конечно, может вообще не пить, но, поскольку благополучие жены и детей зависит от его заработков, он вынужден торговать пивом, а его подпись под манифестом не будет иметь никакой ценности для трезвости в целом, потому как, подписав бумагу, он тут же вернется к прилавку и продолжит наливать своим клиентам. Таким образом, подпись дочерей образованных мужчин, вынужденных зарабатывать на жизнь чтением и письмом, под вашим манифестом не представляет ценности для бескорыстной культуры и интеллектуальной свободы, поскольку, подписав его, они тут же вернутся к столу и продолжат писать свои книги, лекции и статьи, продавая тем самым культуру и интеллектуальную свободу в рабство. Как выражение собственного мнения подпись имеет значение, но, если вы хотите получить настоящую помощь, вам придется сформулировать свою просьбу иначе и просить их взять на себя обязательства не писать ничего, что отрицает культуру, и не подписывать контракты, нарушающие интеллектуальную свободу. Почерпнутый в биографии ответ на это будет коротким, но исчерпывающим: *«Мне перестать зарабатывать себе на жизнь?»* Таким образом, сэр, понятно, что мы должны обратиться только к тем дочерям образованных мужчин, у которых достаточно средств к существованию. К ним мы могли бы обратиться именно так: *«Дочери образованных мужчин, которым есть на что жить…»* Но голос наш опять дрожит, а мольба вновь растворяется в многоточии. Ибо сколько вообще таких дочерей? Дерзнем ли мы предположить на глазах у Уитакера, перед законами о собственности и газетными публикациями о завещаниях, что 1000, 500 или хотя бы 250 женщин откликнутся на просьбу? Как бы то ни было, оставим подсчеты и продолжим: *«Дочери образованных мужчин, которым есть на что жить, с удовольствием читающие и пишущие на родном языке, можете ли вы подписать манифест этого джентльмена и сдержать данные обещания?»*

Тогда они, если, конечно, согласятся выслушать, могут попросить нас уточнить, но не определение культуры и интеллектуальной свободы, на это у них есть книги и досуг, а что же имеет в виду этот джентльмен под *«бескорыстной»* культурой и как защитить ее и интеллектуальную свободу на практике? Теперь, поскольку они дочери, а не сыновья, мы можем напомнить один комплимент, который сделал им великий историк. *«Поведение Мэри,* — говорит Маколей, — *являлось поразительным примером того совершенного бескорыстия и самоотверженности, на которые мужчина, по-видимому, не*

способен, в отличие от некоторых женщин»{83}. Когда вы просите об одолжении, комплименты лишними не бывают. Далее обратимся к тому, что издавна почитается в частном доме, — к традиции целомудрия. *«В течение многих веков, мадам, считалось гнусным торговать своим телом без любви, а правильным — отдать его мужу. Согласитесь, что столь же неправильно и торговать своим умом без любви, нужно с любовью отдаваться искусству». «Что значит*, — спросит она, — *торговать умом без любви?» «Попросту говоря,* — ответим мы, — *ради денег писать по приказу другого то, что вы не хотите. Но торговать мозгами даже хуже, чем телом, потому как после очередной сделки проститутка заботится о последствиях. При этом бледные, порочные и больные ученики того, кто торгует умом, выпускаются в мир, дабы развращать и заражать своей болезнью других людей. Поэтому мы просим вас, мадам, не изменять своему мозгу, ведь это куда более тяжкое преступление». «Измена мозгу,* — уточнит она, — *означает писать то, что я не хочу, ради денег? Получается, вы просите меня отказаться от издателей, редакторов, литературных агентов и вообще всех, кто подкупает меня, дабы я писала или говорила то, что не хочу?» «Именно так, мадам. И, если кто-то предложит сделку, возмутитесь и разоблачите их, как вы бы сделали и с теми, кто захотел купить ваше тело — ради себя и других. Кроме того, обратите внимание, что, согласно словарю, „изменять*[215]*“ означает также „фальсифицировать“ или „портить примесями“ состав. И не только деньги являются грязным компонентом, но также — реклама и публичность. Таким образом, культуру, смешанную с деньгами и рекламой, нужно считать суррогатом. Мы призываем вас отречься от всего этого: не выступать на публике, не читать лекций, не позволять кому-либо раскрывать ваше лицо или подробности личной жизни, короче говоря, — избегать любых форм интеллектуальной проституции, которые столь коварно навязывают сутенеры и пособники торговли мозгами. Не вешайте на себя никакие побрякушки и ярлыки, которыми маркируют и рекламируют мозги: медали, звания, ученые степени, — мы просим вас полностью отказаться от этих знаков продажной культуры и порабощенной интеллектуальной свободы».*

Услышав это, пусть и несовершенное, определение того, что значит не только подписание вашего манифеста в поддержку культуры и интеллектуальной свободы, но и применение его на практике, даже те дочери образованных мужчин, которым есть на что жить, сочтут условия невыполнимыми. Ибо они ведут не только к потере денег и славы, но также к существенному осуждению и насмешкам. Каждая из дочерей, вероятно, станет

мишенью для тех, кто держит слуг или зарабатывает на торговле мозгами. А что взамен? Лишь *«защита культуры и интеллектуальной свободы»*, выражаясь абстрактными формулировками вашего манифеста, к тому же не своим мнением, а деятельностью.

Поскольку условия сложны и нет лидера, которого они бы стали слушать и уважать, давайте подумаем, есть ли еще какой-нибудь способ их убедить. Кажется, остались только фотографии мертвых тел и разрушенных зданий. Можно ли выявить связь между снимками, продажной культурой и интеллектуальным рабством и наглядно показать, что одно влечет за собой другое, оборотную сторону медали, дабы все дочери образованных мужчин предпочли отказаться от денег и славы и стать посмешищем, нежели позволить страдать себе и другим. Трудно выявить эту связь, не имея времени и сил, но, если вы говорите правду, сэр, и между ними действительно есть реальная связь, мы обязаны попытаться ее найти.

Итак, начнем с того, что представим себе какую-нибудь дочь образованного мужчины — представительницу своего класса, который на самом деле классом может и не являться; она умеет читать и пишет ради удовольствия. Попросим же оценить произведения, лежащие перед ней на столе. *«Взгляните, мадам*, — начнем мы, — *на свои газеты. Позвольте спросить, почему вы берете три ежедневных и три еженедельных издания?»«Потому что*, — отвечает она, — *я интересуюсь политикой и хочу быть в курсе событий». «Похвально, мадам. Но зачем три? Их содержание отличается, а если да, то почему?»* На что она отвечает с некоторой иронией: *«Вы называете себя дочерью образованного мужчины и все же не знаете фактов: каждая газета кем-то финансируется и имеет свою печатную политику. Правление нанимает авторов, которые ее транслируют, и, если те не согласны с позицией издательства, они, как вы понимаете, оказываются на улице. Таким образом, нужно прочесть не менее трех изданий и получить разные точки зрения касательно того или иного факта, чтобы, в конце концов, составить свое мнение. Отсюда и три газеты на моем столе».* Теперь, когда мы коротко обсудили литературу фактов, давайте обратимся к тому, что можно называть литературой вымысла. *«Мадам,* — напомним мы ей, — *есть еще картины, пьесы, музыка и книги. Если вы хотите что-то узнать о них, то проводите ту же экстравагантную политику и просматриваете не менее трех изданий? Ведь авторы, что пишут об искусстве, тоже работают на редактора, а он — на издателей, имеющих свою позицию. Таким образом, у каждой газеты есть своя точка зрения, и, лишь сравнивая их, можно*

прийти к собственному заключению, на какую пьесу или концерт пойти, какую книгу заказать в библиотеке». На что она ответит: *«Поскольку я дочь образованного мужчины, с некоторым налетом культуры, почерпнутой из книг, то, учитывая нынешнее состояние журналистики, для меня важнее составить мнение о политике, нежели о картинах, пьесах, музыке и книгах. В любом случае это единственный путь: сравните точки зрения, сделайте поправку на субъективность и судите сами. Вот почему так много изданий на моем столе»*{84}.

Таким образом, грубо говоря, литература фактов и литература мнений предоставляют не чистые сведения и точки зрения, а измененные или, согласно словарю, *«испорченные примесями»*. Получается, вам нужно очистить каждое утверждение от денег, власти, рекламы, публичности и тщеславия автора, не говоря об остальных его мотивах, о которых вам, как дочери образованного мужчины, уже известно, прежде чем решить, в какие политические или даже культурные факты верить? *«Именно так»,* — подтвердит она. Но если бы кто-то, у кого нет причин и мотивов скрывать правду, сообщил тот или иной факт, поверили бы вы ему или ей, допуская, конечно, вероятность обычного человеческого заблуждения, которое может быть весьма значительным в вопросах искусства? *«Естественно»,* — подтвердит она. Поверите ли вы, если такой человек скажет, что война ужасна, а картина, симфония, пьеса или поэма хороши? *«Допуская, что человек может заблуждаться, поверю».* Теперь предположим, мадам, что существует 250, 50 или 25 таких людей, поклявшихся не изменять своему мозгу и, таким образом, нет нужды очищать их слова от примеси денег, власти, рекламы, тщеславия и т. д., прежде чем добраться до зерна истины. Разве не следует из этого два интересных замечания? Возможно ли, что, знай мы всю правду о войне, ее доблестный ореол лежал бы сейчас обезвреженный и раздавленный в капустных листьях наших продажных поставщиков фактов?! И, знай мы правду об искусстве, не пришлось бы рыться в унылых статьях тех, кто вынужден торговать культурой, а наслаждение и занятие искусством стало бы настолько желанным, что, по сравнению с этим, война показалась бы утомительной игрой пожилых дилетантов в поисках очередной забавы, вроде бросания бомб через границу, вместо мячей — в ворота. Короче говоря, если бы газеты издавали люди, единственной целью которых было бы сообщать правду о политике и искусстве, мы бы верили в культуру, а не войну.

Теперь связь фотографий мертвых тел и разрушенных зданий с культурой и интеллектуальной свободой вполне ясна. А просить

дочерей образованных мужчин, которым есть на что жить, совершить измену своему мозгу — означает просить их помочь вам, очевидно, наиболее конструктивным способом предотвратить войну, ибо литературная профессия до сих является наиболее доступной для них.

Именно так, сэр, мы могли бы обратиться к этой леди, правда, грубо и коротко, но время идет, и мы не можем долго распинаться. На наш призыв, если, конечно, эта воображаемая дама существует, она ответила бы: *«Вы говорите настолько очевидные вещи, что дочь каждого образованного мужчины уже их знает, а если и нет, то достаточно почитать газеты и убедиться. Но, будь она достаточно обеспеченной, чтобы не только подписать ваш манифест в пользу бескорыстной культуры и интеллектуальной свободы, но и претворить свои обязательства по нему в жизнь, как ей сделать это и за что взяться? Только не надо,* — добавит она, — *мечтать об идеальном мире и звездах на небесах — думайте о том, что здесь и сейчас».* Ведь с реальными фактами труднее иметь дело, нежели с миром грез. Тем не менее, мадам, личный печатный станок вполне реален и доступен людям со средним доходом. Печатные машинки и копировальные аппараты еще реальнее и дешевле. Используя эти недорогие и до сих пор не запрещенные устройства, вы можете одним махом избавиться от давления начальника, редакторов и политиков. Так вы сможете говорить, что и когда захотите, без ограничений — и именно это мы называем *«интеллектуальной свободой». «Но,* — вероятно, скажет она, — *известность? Как же ее достичь, не пропустив свой собственный мозг через мясорубку и не превратив его в колбасу?» «Читатели, мадам,* — заверим мы ее, — *очень похожи на нас; они живут в домах, ходят по улицам и жалуются, что им надоела колбаса. Бросайте листовки к дверям, выставляйте их на прилавках, развозите по улицам на тачках, продавая за копейки или раздавая бесплатно. Найдите новые способы сближения с публикой, разделите ее на отдельных людей вместо того, чтобы представлять их одним огромным и глупым чудовищем. А затем подумайте: раз у вас есть на что жить и своя комната, не обязательно уютная или красивая, но все же тихая и уединенная, то именно оттуда вы и можете, не опасаясь огласки и ее последствий, рассказывать правду творческим людям о картинах, музыке и книгах, не боясь повредить ожидаемым продажам или задеть их невероятное тщеславие*{85}. *Так, например, Бен Джонсон*[216] *критиковал Шекспира*[217] *в „Русалке“*[218]*, однако нет никаких оснований полагать, и Гамлет*[219] *тому свидетель, что литература хоть как-то из-за этого пострадала. Разве не частные лица обычно лучшие критики,*

и не стоит ли даже одно замечание того, чтобы быть высказанным. Таковы некоторые активные способы, которыми вы, как писатель на своем родном языке, можете реализовывать свое мнение на практике. Однако, если вы, пассивный читатель, а не автор, то вы должны использовать и соответствующие методы защиты культуры и интеллектуальной свободы». «Какие, например?» — спросит она. *«Воздержание, разумеется. Не подписываться на газеты, которые поощряют интеллектуальное рабство, не посещать лекции, торгующие культурой — ведь мы согласились, что писать по указке другого человека то, что вы не хотите, значит быть в рабстве, а смешивать культуру с деньгами и рекламой — значит торговать ей. Этими активными и пассивными способами в ваших силах разорвать порочный круг и перестать водить хороводы вокруг ядовитого дерева интеллектуального блуда. Цепь падет, и пленники будут свободны — ибо кто может сомневаться, что, если бы авторы имели возможность писать то, что им нравится, они сочли бы это занятие настолько приятным, что отказались бы работать на каких-либо иных условиях. А если бы и читатели получили возможность наслаждаться такой литературой, они обнаружили бы ее настолько более питательной, чем то, что пишется за деньги, что впредь отказались бы от суррогата. Именно так нынешние рабы, которых заставляют усердно работать, складывая слова в книги и статьи, как древние складывали камни в пирамиды, стряхнут кандалы со своих запястий и бросят этот тошнотворный труд. А „культура“ — этот бесформенный комок, спеленатый нынче в неискренность, издающий полуправду из своих робких уст, подслащивающий и разбавляющий свое послание тем сахаром или водой, что служат для увеличения славы писателя или кошелька его хозяина, — культура вернет себе форму и станет, как уверяют Мильтон, Китс*[220] *и другие великие писатели, сильной, смелой и свободной. А сейчас, мадам, при одном только упоминании о культуре болит голова, закрываются глаза, захлопываются двери и воздух сгущается; мы сидим в аудитории, пропитанной запахом старых печатных изданий, внимая джентльмену, который каждую среду и воскресенье вынужден читать лекции о Мильтоне и Китсе, пока в саду цветет и раскачивается на ветру сирень, а чайки, кружась и пикируя, своим диким криком, почти хохотом, намекают, что эту тухлую рыбу лучше бросить им. Такова наша просьба, мадам, и таковы причины настаивать на своем. Не просто подпишите этот манифест в пользу культуры и интеллектуальной свободы, а, по крайней мере, попытайтесь воплотить свои обещания в жизнь».*

Прислушаются ли к этой просьбе дочери образованных

мужчин, у которых достаточно средств, чтобы жить, читать и писать на родном языке, мы, сэр, сказать не можем. Но если культуру и интеллектуальную свободу нужно защитить не только своим мнением, но и реальными действиями, это и есть наш путь. Нелегкий, это правда. Тем не менее, есть основания полагать, что для дочерей он легче, нежели для их братьев, в отличие от которых они, сами к тому не стремясь, стали невосприимчивы к лишениям. Как мы уже сказали, защита культуры и интеллектуальной свободы ведет к насмешкам и целомудрию, потере известности и нищете. Но эти учителя дочерям уже знакомы. Кроме того, Уитакер со своими фактами всегда готов им помочь, ведь он доказывает, что все плоды профессиональной культуры, такие как директорство художественных галерей и музеев, профессорство, лекторство и редакторство, по-прежнему вне досягаемости. Дочери должны иметь возможность смотреть на культуру более бескорыстным взглядом, чем их братья, но ни в коем случае не утверждать, как это делает Маколей, что сами они более бескорыстны от природы. Таким образом, опираясь на подлинные традиции и факты, мы имеем не только некоторое право просить их помочь нам разорвать порочный круг продажной культуры, но и надежду, что, если такие люди существуют, они нам помогут. Что касается вашего манифеста, мы подпишем его, только если сможем выполнить все условия.

Теперь, попытавшись понять, что значит защищать культуру и интеллектуальную свободу и как тем самым помочь вам предотвратить войну, рассмотрим следующую неизбежную просьбу — пожертвовать фондам вашего общества денег. Вы, как и все почетные казначеи, нуждаетесь в средствах, а следовательно, мы можем уточнить, на что они будут потрачены, поторговаться или выставить условия. Каковы же цели вашего общества? Предотвратить войну, разумеется. Как именно? В широком смысле слова — защищая права личности, выступая против диктатуры и обеспечивая демократические идеалы равных возможностей для всех. Вы утверждаете, что именно так *«можно достичь прочного мира во всем мире»*. В таком случае, сэр, нет нужды торговаться или спорить. Если таковы ваши цели и вы, несомненно, сделаете все возможное чтобы достичь их, гинея ваша — забирайте. Отдаем просто так, задаром — в подарок.

Но слово «задаром» употребляется слишком часто и значит уже так мало, что было бы неплохо подробно и педантично разъяснить его смысл в данном контексте. Здесь мы имеем в виду, что взамен не нужно никаких прав и привилегий. Дарительница не просит вас принять ее в священники Англиканской церкви, или на фондовую биржу, или на дипломатическую службу. Дающий

не желает быть *«англичанином»* на тех же условиях, на каких являетесь им вы. Даритель не претендует на ответные подарки в виде профессий, почестей, на звания или медали, на должности профессора или лектора; не претендует на членство в каком-либо обществе, комитете или совете. Подарок свободен от подобных условий, поскольку одно право, имеющее первостепенное значение для всех людей, уже завоевано. Вы не можете отнять у нее право зарабатывать на жизнь. Итак, впервые в истории Англии дочь образованного мужчины способна дать своему брату одну заработанную гинею в ответ на его просьбу, ничего не прося взамен. Это бесплатный подарок, отданный без страха, лести или условий. И это, сэр, настолько знаменательное событие в истории цивилизации, что его, видимо, надо отпраздновать. Но давайте покончим со старыми церемониями, вроде тех, когда Лорд-мэр[221] в сопровождении черепах[222] и шерифов[223] девять раз стучит булавой по камню, а архиепископ Кентерберийский[224] в полном каноническом одеянии произносит молитву. Давайте придумаем новую церемонию для нашего случая. Что может быть более подходящим для этого, чем уничтожить одно порочное и испорченное слово, которое в свое время принесло много вреда, а теперь устарело? А именно — термин *«феминистка»*. Этим словом, согласно словарю, называют *«тех, кто защищает права женщин»*, но, поскольку единственное право — зарабатывать себе на жизнь — уже завоевано, оно более не имеет смысла. А без него это мертвое и испорченное слово. Так давайте отпразднуем наше событие кремацией трупа — напишем его в последний раз большими черными буквами на листе бумаги и торжественно поднесем спичку. Смотрите, как оно горит! Какое пламя освещает весь мир! А теперь истолчем оставшийся пепел в ступке и объявим, что любой, кто употребит это слово в будущем будет считаться проказником, что звонит в дверь и убегает{86}, расхитителем старых могил, чьи осквернения доказывают пятна земли на его лице. Дым рассеялся, слова больше нет. Заметьте, сэр, что стало результатом нашего праздника. Термин *«феминистка»* уничтожен, воздух чист и что же мы видим? Мужчины и женщины заняты одним делом. Тьма рассеялась и над прошлым. Ради чего они трудились в XIX веке — эти странные мертвые женщины в своих дурацких шляпках и шалях? Ради того, над чем сейчас работаем и мы. *«Мы сражались не только за права женщин*, — говорит Жозефина Батлер, — *наши требования были гораздо шире и глубже; мы боролись за право любого человека, мужчины и женщины, на величайшие добродетели, такие как Уважение, Справедливость, Равенство и Свобода»*. Слова и притязания у них совпадают с вашими. Дочери образованных

мужчин, которых, к их негодованию, прозвали *«феминистками»*, на самом деле были авангардом вашего собственного движения. Они сражались с тем же врагом, что и вы; причины также не изменились. Они боролись с тиранией патриархального государства, как и вы боретесь с наступающим фашизмом. Таким образом, мы ведем ту же борьбу, что начали наши матери и бабушки: их и ваши слова это подтверждают. Однако сейчас, учитывая лежащее на столе письмо, вы уверяете, что сражаетесь с нами, а не против нас. Этот факт настолько вдохновляет, что, кажется, нужен еще один праздник. Что может быть более подходящим тогда, чем написать еще больше мертвых, испорченных слов и также сжечь их, например, Тиран и Диктатор. Но, увы, эти термины еще не устарели. Мы все еще вытряхиваем эти личинки из газет и чувствуем их странный и непередаваемый запах в районе Уайтхолла и Вестминстера. А за границами это чудовище уже разрослось и не прячется, его уже ни с чем не спутаешь. Оно расширяет свой ареал, посягает теперь на нашу свободу, диктует нам, как жить, делит людей по гендерному и расовому признакам. Вы чувствуете то же, что и наши матери, когда те были заперты и заткнуты, поскольку были женщинами. Теперь вас затыкают и запирают, потому что вы еврей или демократ, из-за расы или религии. Это уже не просто фотография, на которую вы смотрите, теперь и вы идете, участвуя в процессии. С одной лишь разницей. Беззаконие диктатуры, будь то Оксфорда или Кембриджа, Уайтхолла или Даунинг-стрит, против евреев или женщин, в Англии, Германии, Италии или Испании, теперь очевидно и вам. Но теперь мы боремся вместе: дочери и сыновья образованных мужчин сражаются бок о бок. Этот факт настолько вдохновляет, что вместо праздника эту гинею можно было бы умножить на миллион и все их отдать в ваше распоряжение без каких-либо условий, кроме тех, что вы уже сами себе поставили. Возьмите тогда эту одну единственную гинею и используйте ее для утверждения всеобщих человеческих прав на *«Уважение, Справедливость, Равенство и Свободу»*. Поставьте маленькую свечку у окна вашего нового общества, и пусть мы доживем до того дня, когда в пламени нашей общей свободы слова *«Тиран»* и *«Диктатор»* будут сожжены дотла, поскольку они устареют.

Теперь, когда мы послали свою гинею и подписали чек, осталась лишь одна просьба, требующая рассмотрения, а именно: заполнить форму и вступить в ваше общество. На первый взгляд это кажется легким делом, ибо что может быть проще, чем присоединиться к обществу, которому мы только что пожертвовали гинею. Но как же трудно это на самом деле… Какие сомнения и колебания могут стоять за многоточием? Что за

причина или чувство заставляет нас колебаться вступить в общество, в чьи фонды мы вкладываем деньги? И дело тут не в мыслях или эмоциях, а в чем-то гораздо более глубоком и фундаментальном — в разнице между нами. Согласно представленным фактам, мы отличаемся друг от друга как полом, так и образованием. Именно из этих различий, как уже было сказано, и проистекает возможная помощь в защите свободы и предотвращении войны. Но, подписав форму, которая подразумевает обещание стать активными членами вашего общества, мы, по-видимому, теряем эту разницу и, следовательно, жертвуем нашей помощью. Нужно объяснить, почему так трудно вступить в ваше общество, несмотря на то что право распоряжаться гинеей (как мы уже хвастались) позволило нам говорить свободно — без страха и лести. Давайте тогда оставим бланк пустым на столе перед собой, пока мы обсуждаем, в силу своих возможностей, какие причины и эмоции заставляют нас колебаться, поскольку они берут свое начало глубоко во тьме родовой памяти. Они сформировались и сплелись несколько хаотично, и очень трудно распутать их на свету.

Начнем с элементарного различия: общество — это конгломерат людей, объединенных воедино для достижения определенных целей, в то время как вы, пишущие своей рукой, одиноки. Вы лично — уважаемый всеми человек, член братства, к которому, согласно биографиям, принадлежали многие мужчины. Так, Анна Клаф, описывая своего брата, говорит: *«…Артур — утешение и радость моей жизни; именно из-за него и ради него я вынуждена, в конце концов, искать прекрасного и достойного мужчину»*{87}. На что Уильям Вордсворт[225], говоря о своей сестре непонятно с кем, как если бы один соловей звал другого в лесах прошлого, отвечает:

> Благословение последних лет
> Со мною было с детства,
> Она открыла мне глаза и даровала слух,
> Нежнейшую заботу — и трепетало сердце;
> Фонтаны сладких слез и опасенья,
> Любовь и мысли, наслажденье{88}.

Такими были и, вероятно, до сих пор остаются личные взаимоотношения многих братьев и сестер, как индивидуумов. Они уважают, поддерживают друг друга и имеют общие цели. Но если таковы их частные отношения, как показывают биографии и поэзия, то почему их публичное взаимодействие, согласно истории и законам, совсем другое? И вам, как юристу,

обладающему адвокатской памятью, нет нужды напоминать о некоторых декретах английского права, начиная с первых записей и заканчивая 1919 годом, доказывающих, что публичные, общественные взаимоотношения братьев и сестер сильно отличались от частных. Само слово *«общество»* вызывает в памяти унылый и резкий звон колоколов, как бы сообщающих: нет, нет, нет. Вы не будете учиться, не будете зарабатывать, не будете владеть имуществом — нет. Таким было официальное отношение брата к сестре в течение многих веков. И, хотя есть некоторая вероятность, особенно для оптимиста, что однажды мы услышим торжественный и гармоничный перезвон нового общества, ваше письмо сообщает, что этот день еще очень далек. Мы неизбежно спрашиваем себя, нет ли в самом процессе объединения людей в группы и общества чего-то такого, что высвобождает наиболее эгоистические и жестокие, а не рациональные и гуманные порывы в самих индивидах? Мы неизбежно смотрим на общество, столь доброе к вам и суровое к нам, как на неподходящую форму существования людей, вызывающую искажение истины, деформацию ума и порабощение воли. Мы неизбежно замечаем, как ваши общества, будто сговорившись, уничтожают наших милых домашних братьев, которых многие из нас небезосновательно уважают, и превращают их в чудовищных мужчин, громкоголосых, с огромными кулаками, инфантильно стремящихся разделить землю, рисуя мелками загадочные границы, в которых все человеческие существа будут жестко и искусственно изолированы. Мы видим мир, где мужчины, облаченные в красно-золотые наряды и украшенные, словно дикари, перьями, совершают мистические обряды и наслаждаются сомнительными удовольствиями власти и господства, в то время как мы, *«их»* женщины, заперты в частном доме, не имея доступа к обществам, в которых они состоят. Проще говоря, ибо кто станет анализировать длительное и неизгладимое влияние прошлого на сложность сформированного ума, из-за всех этих воспоминаний и эмоций нам кажется неправильным как с рациональной, так и эмоциональной точек зрения заполнять анкету и вступать в ваше общество. В противном случае, нам придется полностью растворить свою идентичность в вашей и следовать уже известным, проторенным путем, на котором общество, подобно заевшей в граммофоне пластинке, пережевывает с невыносимым единодушием *«300 миллионов, потраченные на вооружение»*. Нам не стоит делать то, чему противоречит наш собственный опыт. Таким образом, сэр, уважая вас как частное лицо, что подтверждает и отданная гинея, которую вы можете истратить по своему усмотрению, мы, однако, считаем, что наша помощь будет

эффективнее в условиях отказа присоединиться к вашему обществу. Мы продолжим работать на благо общих целей — справедливости, равенства и всеобщей свободы — вне вашего общества, а не внутри него.

«Но это, — скажете вы, — *лишь означает, что вы, дочери образованных мужчин, пообещавшие оказать помощь, отказываетесь присоединиться к нашему обществу, чтобы создать свое собственное»*. Какое общество вы хотите основать, чтобы вместе работать на благо наших общих целей? Это правомерный вопрос, и мы должны попытаться на него ответить, чтобы оправдать свой отказ заполнить вашу форму. Давайте тогда быстро обсудим в общих чертах то собственное, но сотрудничающее с вашим общество, которое дочери образованных мужчин могли бы создать. Во-первых, облегченно вздохнете вы, в нем не будет почетного казначея, поскольку и в средствах нет нужды. Не будет ни офиса, ни комитета, ни секретаря: мы не будем проводить никаких совещаний или конференций. При необходимости его можно назвать Общество Аутсайдеров. Не слишком звучное, однако это название вполне согласуется с фактами истории, права, биографий и, быть может, с еще неизвестными особенностями нашей психологии. Общество будет состоять из дочерей образованных мужчин, работающих с людьми своего класса — ибо как они могут работать с другими? {89} — и добивающихся собственными методами свободы, равенства и мира. Их первостепенная обязанность, которую они должны выполнять не из-за клятв, ибо клятвы и обряды никак не соотносятся с анонимным и гибким Обществом, — это не сражаться с оружием в руках. Что несложно, ибо, как сообщают газеты, *«Военный Совет*[226] *не намерен рекрутировать женщин»*{90}. Гарантировано государством. В случае войны они откажутся производить боеприпасы или ухаживать за ранеными. Поскольку в прошлый раз эту деятельность осуществляли в основном дочери рабочих, то давление на образованный класс будет незначительным, но, вероятно, неприятным. С другой стороны, следующая обязанность, которой они должны себя посвятить, значительно труднее и требует не только инициативы и отваги, но также наличия специальных знаний у дочери образованного мужчины. Короче говоря, не подстрекать своих братьев сражаться или отговаривать их, а сохранять позицию полной индифферентности. Однако *«индифферентность»* — настолько сложное и одновременно важное понятие, что нуждается здесь в пояснении. Прежде всего безразличие должно быть основано на твердых фактах. Как она не может понять, что за инстинкты владеют мужчиной, какую славу и удовольствие

приносят ему сражения — *«без войны не было бы и тех мужских качеств, что она воспитывает»*, — так и мужчины не способны разделить материнского инстинкта, противоположного стремлению воевать, которое женщина не может осуждать. Уважая свободу и границы другого человека, аутсайдер должен предоставить мужчине возможность самому справиться со своим инстинктом, столь чуждым женщине ввиду многовековых традиций и воспитания{91}. Таково фундаментальное и инстинктивное различие, на котором может быть основано безразличие, однако посторонняя женщина считает своим долгом руководствоваться не только инстинктами, но и разумом. Когда мужчина говорит, а история доказывает, что он действительно это говорил и может повторить еще раз: *«Я сражаюсь, чтобы защитить свою страну»*, — и таким образом пытается пробудить ее патриотические чувства, то она спросит себя: *«Что значит „наша страна“ для меня — аутсайдера?»* Дабы разрешить этот вопрос, она проанализирует для себя значение патриотизма, подумает о положении лиц своего пола и класса в прошлом. Она узнает, сколько земли, богатств и собственности находится в распоряжении женщин ее уровня сейчас и какая часть *«Англии»* на самом деле принадлежит лично ей. Из тех же источников женщина узнает о защите, которую обеспечивал ей закон в прошлом и сейчас. А если мужчина добавит, что сражается, дабы в том числе защитить и ее тело, то она задумается о безопасности, которую ей теперь обеспечивают огромные надписи *«Меры предосторожности при воздушных атаках»* на стенах. Когда мужчина скажет, что сражается, дабы защитить Англию от иностранных захватчиков, женщина вспомнит, что для нее не существует *«иностранцев»*, поскольку, согласно законам, она сама становится иностранкой, выходя замуж за человека другой страны. И она сделает все возможное, чтобы это признали, но не по принуждению, а из человеческого сострадания. В двух словах, все эти факты рационально доказывают и убеждают, что у женщин ее класса нет причин благодарить Англию прошлого или настоящего, а безопасность в будущем весьма сомнительна. Но, вероятно, она усвоила (хотя бы от гувернантки) некое романтическое представление о том, что англичане, те отцы и деды, которых она на протяжении всей истории видит марширующими, *«лучше»* мужчин других стран. Женщина сочтет своим долгом проверить это, сравнив французских историков с английскими, немецких с французскими, свидетельские показания подданных, скажем, индейцев и ирландцев, с утверждениями их правителей. И все же некоторые *«патриотические»* эмоции, укоренившиеся убеждения в

интеллектуальном превосходстве своей страны над другими могут остаться. Тогда она сравнит английскую живопись с французской, английскую музыку с немецкой, свою литературу с греческой, ибо переводов предостаточно. В результате этой добросовестной и интеллектуальной работы ума, аутсайдер обнаружит, что у нее есть очень веские причины для своего безразличия. Женщина поймет, что нет оснований просить брата сражаться от ее имени, дабы защитить *«нашу»* страну. *«Наша страна,* — скажет она, — *на протяжении большей части своей истории обращалась со мной как с рабом; она отказывала мне в образовании и праве хоть на какую-нибудь собственность. „Наша“ страна все равно перестанет быть моей, если я выйду замуж за иностранца. „Наша“ страна лишает возможности защитить себя, вынуждая ежегодно платить другим людям огромные деньги для моей безопасности, и при этом так мало способна меня защитить, что меры предосторожности при воздушных атаках написаны прямо на стене. Поэтому, если вы настаиваете на том, чтобы бороться ради защиты меня или „нашей“ страны, давайте трезво и рационально признаем, что вы сражаетесь для удовлетворения своего инстинкта, который я не могу понять, ради выгоды, которую я не разделяла и, вероятно, никогда не разделю, но вовсе не для обеспечения защиты мне или моей стране. Ибо,* — скажет аутсайдер, — *на самом деле, у меня, как у женщины, нет родины. Я не хочу никакой страны, моя страна — это весь мир».* И ежели после того, как разум сказал свое слово, все еще осталось какое-то упрямое чувство, любовь к Англии, привитая ребенку карканьем грачей на дереве, плеском волн или английскими голосами, бормочущими детские стишки, это лишь капля чистого, хотя и иррационального чувства, которое в первую очередь заставит ее желать Англии того, чего она больше всего желает — мира и всеобщей свободы.

Такова будет природа ее *«индифферентности»*, из которой должны последовать определенные действия. Она возьмет на себя обязательства не принимать участия в патриотических демонстрациях, не соглашаться на какие-либо формы национальной гордости, не быть клакером[227] или участником заседаний, где поощряют войну, не участвовать в военных парадах, турнирах, награждениях, раздаче наград и всех подобных церемониях, подкрепляющих желание навязать *«нашу»* цивилизацию или *«наше»* господство другим людям. Кроме того, психология частной жизни оправдывает веру в то, что безразличие дочерей образованных мужчин существенно помогло бы в предотвращении войны. Ибо психология показывает, что людям гораздо сложнее действовать, пока другие остаются

безразличными и позволяют им полную свободу действий, чем когда их поступки становятся центром пристального эмоционального внимания. Маленький мальчик гордо вышагивает и громко трубит за окном: попробуешь его остановить, а он продолжит идти; проигнорируешь — и он остановится. Вот, что дочери образованных мужчин должны сделать: не вручить своему брату белое перо[228] трусости или красное[229] — храбрости, а вообще не давать никаких перьев. Они должны закрыть глаза и ограничить свое влияние или смотреть куда-нибудь в сторону, когда обсуждают войну, — этому аутсайдеры должны научиться в мирное время, прежде чем угроза смерти неизбежно сделает здравый смысл бессильным.

Таковы методы, с помощью которых анонимное и тайное Общество Аутсайдеров поможет вам, сэр, предотвратить войну и обеспечить свободу. Что бы вы ни думали о наших методах, согласитесь, их гораздо труднее было бы использовать вашему полу, чем нашему, не говоря о том, что они особенно подходят именно дочерям образованных мужчин. Кроме того, им требуются некоторые знания психологии образованных мужчин, ум и речь которых развиты сильнее, нежели у рабочих{92}. Есть, конечно, и прочие обязанности — многие из них уже были изложены в письмах другим почетным казначеям. Рискнем их грубо и быстро повторить, дабы они просто легли в основу общества аутсайдеров. Во-первых, женщины должны сами зарабатывать себе на жизнь. Важность этого как вклада в предотвращение войны очевидна. Мы уже показали и доказали преимущество мнения, основанного на экономической независимости, нежели на нищете или духовном праве на доход, — дальнейшие пояснения избыточны. Отсюда следует, что женщина должна добиваться прожиточного минимума во всех профессиях, доступных ныне ее полу, а затем — создать новые должности, с помощью которых она сможет заработать право на независимое мнение. Поэтому она обязана добиваться денежного вознаграждения для тех людей своего класса, кто работает безвозмездно — для дочерей и сестер образованных мужчин, которым, согласно биографиям, нынче платят товарами: питанием, жильем и жалкими сорока фунтами в год. Но прежде всего она должна настаивать на том, чтобы государство официально выплачивало зарплату матерям образованных мужчин. Важность этого для нашей общей борьбы трудно переоценить, ибо наличие собственного дохода — наиболее эффективный способ, гарантирующий, что у целого класса почтенных замужних женщин появится собственное мнение и воля, с помощью которых они смогут поддержать хорошие идеи своего мужа, противостоять плохим и, как бы то ни

было, перестать быть *«его женщиной»* и вместо этого обрести себя. Согласитесь, сэр, что, если бы ваш доход зависел от жены, это произвело бы крайне изощренное и нежелательное изменение вашей психологии. Кроме того, подобная мера имеет огромное значение для вашей собственной борьбы за свободу, равенство и мир, и если сопровождать нашу гинею каким-либо условием, то именно таким: на уровне государства вы должны обеспечить жалованье тем, чья профессия — брак и материнство. Подумайте, какое влияние это оказало бы на рождаемость в том самом классе, где она падает, но при этом так необходима — в образованном классе. Подобно тому, как повышение жалованья солдатам привело, согласно газетам, к увлечению числа новобранцев, так и наша мера стимулировала бы рождаемость, столь необходимую, но неуклонно падающую из-за бедности. Именно этот метод, вероятно, поможет достичь больших успехов, чем те несостоятельные оскорбления и насмешки над женщиной, имеющие место в наше время. Кроме того, рискуя уйти слишком далеко от темы, нельзя не отметить, что этот вопрос имеет чрезвычайное значение для всех образованных мужчин и их профессий. Ведь если бы ваша жена получала за то, что она рожает и воспитывает детей, настоящую зарплату, деньгами, материнство стало бы весьма привлекательной профессией, а не безвозмездным, неблагодарным и, следовательно, ненадежным, позорным занятием, а ваши собственные обязательства перед женой уменьшились{93}. Вам больше не нужно идти в офис к девяти тридцати и оставаться там до шести вечера. Работу можно разделить поровну, а избыток пациентов или клиентов отправить к тем, кому их не хватает. Написание некоторых статей можно оставить и, таким образом, стимулировать культуру. Вы бы смогли любоваться весенним цветением и разделить эту радость со своими детьми. И, в конце концов, вы не окажетесь на задворках жизни, словно мусор, без каких-либо интересов и увлечений, дабы шествовать по окрестностям Бата[230] или Челтнема в сопровождении несчастного раба. Вам больше не придется работать по выходным, быть камнем на шее общества, предметом сочувствия, изнуренным рабом труда или, как выразился господин Гитлер, героем, нуждающимся в отдыхе, или раненым воином, чьи раны должны перевязать женщины-иждивенки, как сказал синьор Муссолини{94}. Если бы государство платило вашей жене настоящее жалованье за ее труд, который, хоть и священен, едва ли более сакрален, нежели работа священника, но при этом он оплачивался бы в той же мере без каких-либо оговорок, — если бы этот шаг, даже более необходимый для вашей свободы, чем для ее, был сделан,

древний станок, на котором профессионал работает нынче из последних сил, с большим неудовольствием и малой выгодой для своей профессии, сломался. Вы стали бы свободны, а самому унизительному, интеллектуальному, виду рабства пришел конец, и получеловек стал бы полноценным. Но поскольку триста миллионов или около того должны быть потрачены на вооружение, то подобные расходы, очевидно, можно назвать, как выражаются наши политики, нецелесообразными, и настало время вернуться к более практичным задачам.

Аутсайдеры в таком случае примут на себя обязательства не только зарабатывать себе на жизнь, но и делать это настолько искусно, чтобы их отказ от заработка поверг всех мастеров своего дела в шок. Они поклянутся достичь всестороннего знания практической деятельности и выявлять любые случаи тирании или злоупотребления в своей профессии. А заработав достаточно денег для жизни, они обязуются прекратить всякую конкуренцию и заниматься своей профессией с целью повышения мастерства, в интересах исследования и из любви к самой работе. Кроме того, они прекратят любую деятельность, враждебную свободе, например, перестанут заниматься изготовлением и усовершенствованием оружия. Кроме того, они откажутся от любых должностей и наград там, где на словах свободу уважают, а на деле — ограничивают, например в Оксфорде и Кембридже. Аутсайдеры сочтут своим долгом исследовать заявления всех публичных обществ, вроде Церкви и университетов, в которые они вынуждены вносить свой вклад в качестве налогоплательщиков, и будут делать это столь же тщательно и бесстрашно, как они изучают просьбы частных обществ, куда добровольно отсылают свои деньги. Их делом станет тщательное изучение пожертвований, которые получают школы, университеты, а также расходование средств. Это касается и религиозной профессии. Так, читая в первую очередь Новый Завет, а затем тех богословов и историков, чьи труды легко доступны дочерям образованных мужчин, они приобретут некоторые знания христианской религии и ее истории. Кроме того, они смогут узнать и о практике этой религии, посещая церковные службы, анализируя духовную и интеллектуальную ценность проповедей, критикуя мнения верующих и делая это столь же свободно, как если бы они спорили с любой другой группой людей. Таким образом, их деятельность станет более творческой, нежели только протестной. Критикуя образование, они помогут создать цивилизованное общество, защищающее культуру и интеллектуальную свободу. Критикуя церковь, они попытаются освободить религиозный дух от его нынешнего

рабства и при необходимости, используя новый фундамент, помогут создать, вероятно, другую религию, совершенно отличную от той, что есть сейчас. Во всех описанных делах и многих других, на которых у нас нет времени останавливаться отдельно, помогло бы, согласитесь, их положение аутсайдеров — та свобода от притворной преданности и корыстных побуждений, которые сейчас взращивает в них государство.

Достаточно легко определить и перечислить все обязанности тех, кто принадлежит к Обществу Аутсайдеров, однако это неэффективно: необходима не только гибкость, но и, что важнее, некоторая секретность, как будет показано позже. Однако нашего описания, данного столь вольно и несовершенно, достаточно, дабы показать вам, сэр, что Общество Аутсайдеров преследует те же цели, что и ваше общество: свободу, равенство и мир. Но оно стремится достичь их средствами, которые доступны женщинам благодаря другому полу, иным традициям, образованию и ценностям, вытекающим из различий между нами. Грубо говоря, главное различие между нами, находящимися вне общества, и вами, кто внутри него, должно заключаться в том, что, пока вы будете пользоваться преимуществами и средствами своего положения: союзами, съездами, кампаниями, а также богатством и политическим влиянием, — мы, оставаясь в стороне, будем экспериментировать не с публичными методами, а с частными. В основе этих действий будет не только критика, но и творчество. Рассмотрим два очевидных примера: аутсайдеры обойдутся без пышных зрелищ не из-за какой-то пуританской нелюбви к красоте, напротив, одна из их целей — преумножение индивидуальной, частной красоты — весны, лета, осени, цветов, шелка, одежды — красоты, которая наполняет не только каждое поле и лес, но и каждый холм на Оксфорд-стрит, красоты рассеянной, объединить которую могут лишь художники, дабы она стала видимой для всех. Однако они обойдутся и без прописанных, регламентированных официальных зрелищ, в которых активное участие могут принимать лишь люди одного пола, — тех церемоний, например, по случаю смерти правителя или его коронации. Кроме того, им не нужны никакие отличительные знаки: медали, ленты, значки, капюшоны и мантии — не из-за неприязни к личным украшениям, а из-за того, к чему ведут подобные знаки социального разделения людей: к ограничениям, стереотипии и разрушению. Здесь, как это часто бывает, пример фашистских государств служит нам уроком, ибо если у нас нет образца того, какими мы хотим быть, то у нас есть не менее ценный, актуальный и наглядный пример того, какими мы точно не хотим быть. Таким образом, зная, какой силой

обладают медали, символы, ордена и даже украшенные чернильницы{95}, а именно — гипнотизировать разум человека, мы должны сопротивляться и не поддаваться этому влиянию. Мы обязаны погасить ослепительный свет рекламы и публичности не только потому, что его источник находится в неумелых руках, но и из-за психологического воздействия такого освещения на тех, кто в него попадает. В следующий раз, когда вы поедете по проселочной дороге, представьте себе кролика, попавшего в яркий свет фар, его остекленевшие глаза и словно парализованные лапы. Разве нет у нас веских оснований полагать, даже не выходя за пределы собственной страны, что *«установки»*, ложные и невероятные точки зрения как англичан, так и немцев, обусловлены прожектором всеобщего внимания, парализующим свободу воли и действий, подавляющим способность изменяться и создавать что-то новое и целостное, подобно тому, как сильные фары парализуют маленьких существ, выбегающих из темноты на дорогу? Это всего лишь предположение, но гадать опасно; и все же у нас есть некоторые основания считать, что легкость и свобода, способность расти и развиваться можно сохранить лишь во мраке. И если мы хотим помочь разуму человека творить и процветать и не дать ему снова и снова ходить по кругу проторенной колеей, мы должны сделать все возможное, дабы окутать его мраком.

Но хватит гадать, вернемся к фактам. *«Какова вероятность*, — спросите вы, — *что такое общество аутсайдеров без офиса, собраний, лидеров, иерархии и даже без формы, которую нужно заполнить, или секретаря, которому нужно платить, может быть создано, не говоря уже о возможности его целенаправленной деятельности?»* И правда, было бы напрасной тратой времени записывать даже столь поверхностное и беглое определение Общества Аутсайдеров, будь это всего лишь мыльный пузырь из слов — скрытая форма прославления нашего пола или класса, служащая, как и многие подобные речи, для облегчения эмоций писателя, — который лопнет после перекладывания вины на кого-то еще. К счастью, есть в реальной жизни модель, с которой был сделан вышеприведенный набросок, правда, украдкой, ибо она далека от того, чтобы сидеть спокойно и позировать нам, модель та изворачивается и исчезает. Эта модель, свидетельство того, что подобное общество, названное или нет, существует и работает, еще не обеспечена историей или биографией, поскольку аутсайдеры по-настоящему существуют лишь в течение двадцати лет — то есть с тех пор, как профессии стали доступны дочерям образованных мужчин. Однако доказательства ее существования даются нам историей и

биографией в сыром виде, а именно — газетами, иногда открыто, но чаще всего между строк. Именно там каждый, кто хочет убедиться сам, может найти бесчисленные доказательства, многие из которых, правда, имеют сомнительную ценность. Например, тот факт, что дочери образованных мужчин выполняют огромное количество работы бесплатно или за очень небольшие деньги, не следует воспринимать как доказательство того, что они по собственной воле исследуют психологические преимущества бедности. А тот факт, что многие дочери образованных мужчин *«плохо питаются»*{96}, не доказывает, что они исследуют физиологические преимущества недоедания. Не нужно думать, что, раз лишь очень небольшое количество женщин, по сравнению с мужчинами, получает почести и награды, это свидетельствует об их исследовании добродетели безвестности. Многие из подобных экспериментов являются вынужденными и посему не оказывают положительного влияния. Но другие, гораздо более позитивные факты, ежедневно всплывают в прессе. Рассмотрим лишь три из них, дабы доказать наше утверждение о существовании Общества Аутсайдеров. Первый достаточно прост.

«На прошлой неделе, выступая на ярмарке перед общиной Баптистской[231] *Церкви в Пламстэде*[232]*, жена мэра (Вулиджа*[233]*) сказала: „Сама я и палец о палец не ударю, чтобы помочь в войне“. Подобные комментарии возмутили большую часть публики, которая сочла жену мэра, мягко говоря, бестактной. Около 12 тысяч выборщиков там работают в Вулиджском Арсенале*[234] *на производстве оружия»*{97}.

Нет нужды комментировать бестактность подобного заявления, сделанного публично и при таких обстоятельствах, однако храбрость жены мэра едва ли не вызывает у нас восхищения, а ценность подобного эксперимента с практической точки зрения будет неоценимой, если и другие жены мэров в разных городах и странах, где избиратели заняты изготовлением оружия, последуют ее примеру. В любом случае надо признать, что жена мэра Вулиджа, миссис Кэтлин Рэнс[235], провела смелый и эффективный эксперимент по предотвращению войны, отказавшись чем-либо помогать. В качестве второго доказательства того, что аутсайдеры ведут работу, давайте выберем другой пример из ежедневной газеты — менее очевидный, но все же, согласитесь, их действия весьма оригинальны сами по себе и могут иметь большую ценность для установления мира.

«Говоря о работе многочисленных волонтерских ассоциаций по проведению различных игр, мисс Кларк (мисс Э. Р. Кларк из Министерства Образования) упомянула женские организации по хоккею, лакроссу, нетболу[236] *и крикету, указывая, что, согласно их правилам, успешные команды не награждаются кубками и какими-либо другими наградами. Ворота для их матчей могут быть немного меньше, чем для мужских соревнований, однако женщины участвуют в этих играх из-за любви к ним и, похоже, доказывают, что кубки и награды не являются обязательным стимулом, поскольку число игроков год от года неуклонно растет»*{98}.

Это, согласитесь, крайне интересный эксперимент, который вполне может привести к психологическим изменениям, имеющим огромное значение для человеческой натуры и способным оказать реальную помощь в предотвращении войны. Он интересен еще и тем, что, благодаря относительной свободе от определенных запретов и убеждений, аутсайдерам легче его осуществить, нежели тем, кто неизбежно подвержен подобным влияниям изнутри. Это утверждение любопытным образом подтверждается следующей цитатой:

«Официальные футбольные организации здесь [Уэллингборо[237]*, Нортгемптоншир*[238]*] с тревогой наблюдают за растущей популярностью женского футбола. Вчера вечером состоялось тайное заседание консультативного комитета Футбольной Ассоциации Нортгемптоншира, на котором обсуждали женский матч на стадионе Питерборо*[239]*. Один из членов комитета, однако, сегодня заявил: „Футбольная Ассоциация Нортгемптоншира должна запретить женский футбол. Его популярность растет, в то время как многие мужские клубы страны находятся в плачевном состоянии из-за отсутствия поддержки. Другой серьезной причиной является возможность получения серьезных травм женщинами-игроками“»*{99}.

Здесь мы имеем убедительные доказательства тех запретов и убеждений, которые гораздо сильнее ограничивают мужчин, нежели женщин, в возможности экспериментировать с изменением актуальных ценностей. И, не тратя времени на тонкости психологического анализа, даже беглый взгляд на аргументы, приводимые этой ассоциацией в поддержку своих утверждений, проливает яркий свет на мотивы решений куда более важных организаций. Но вернемся к делам аутсайдеров. В

качестве третьего примера выберем то, что можно назвать пассивным экспериментом.

«Вчера вечером в Оксфорде каноник[240] Ф. Р. Бэрри[241], викарий Университетской Церкви Святой Девы Марии[242], обсуждал значительную перемену в отношении молодых женщин к Церкви. По его словам, задача, стоящая перед Церковью, состояла не в чем ином, как в том, чтобы сделать цивилизацию нравственной, и решение этой великой всеобщей проблемы требовало вклада и отдачи всех христиан. Одни мужчины с ней бы не справились. На протяжении одного или двух столетий община преимущественно состояла из женщин, их количество стремилось к 75 %. Теперь же ситуация полностью изменилась, и внимательный наблюдатель может заметить нехватку молодых женщин практически в любой церкви Англии… Среди студентов молодые женщины, в целом, отдалились от Англиканской церкви и христианской веры даже больше, чем юноши»{100}.

Это опять-таки очень интересный и, как мы уже сказали, пассивный эксперимент. В то время как первый пример был связан с откровенным отказом что-либо делать в поддержку войны, а второй — с попыткой выяснить, являются ли кубки и награды необходимым условием стимулирования интереса к играм, третий случай показывает, что происходит, если дочери образованных мужчин не посещают церковь. Несмотря на то что последний случай не более ценен, нежели остальные, он представляет большой практический интерес, поскольку это, очевидно, тот вид эксперимента, который большое количество аутсайдеров может практиковать с незначительными трудностями и ущербом для себя. Отсутствовать где-либо — гораздо проще, чем выступать на ярмарках или устанавливать своеобразные правила игры. Таким образом, стоит очень внимательно изучить эффект пассивного эксперимента, если он вообще есть. Результаты положительные и обнадеживающие. Нет и тени сомнения, что церковь становится все более обеспокоенной отношением к ней студенток — дочерей образованных мужчин. Об этом свидетельствует доклад Комиссии Архиепископов по вопросу Женского Богослужения. Этот документ, который стоит всего один шиллинг и должен быть у всех дочерей образованных мужчин, указывает на то, что *«одним из выдающихся различий между мужскими и женскими колледжами является отсутствие капеллана[243] в последних»*. Документ подтверждает, что *«в этот период своей жизни они (*студенты*) очевидно и в полной мере проявляют свои критические*

способности». Его авторы сожалеют, что *«лишь немногие студентки теперь могут позволить себе постоянно заниматься социальной или напрямую религиозной работой на безвозмездной основе»*. А в выводах сказано, что *«есть много сфер деятельности, в которых такие услуги особенно необходимы, и очевидно наступает время, когда функции и положение женщин в церкви требует дальнейшего определения»*{101}. То ли это беспокойство, вызванное пустыми церквями Оксфорда, то ли голоса *«старшеклассниц»* Айлворта[244], выражающих *«серьезное недовольство тем, как ведутся церковные дела»*{102}, каким-то образом проникли в те величественные сферы, где женщинам положено молчать, то ли это наш неисправимо идеалистический пол наконец начал принимать близко к сердцу предостережение епископа Гора: *«Не ценят люди дармовых служений»*{103}, — и выразил мнение, что годового жалованья в 150 фунтов — самое высокое, что церковь позволяет дочерям образованных мужчин в качестве диаконисс[245] — недостаточно. Какова бы ни была причина, очевидно, что отношение дочерей образованных мужчин вызывает немалое беспокойство; и этот пассивный эксперимент, независимо от веры в ценность Англиканской церкви как духовного посредника, весьма обнадеживает нас, аутсайдеров. Ибо это, кажется, показывает, что быть пассивным — значит быть активным; те, кто остается снаружи, тоже служат. Ввиду заметного отсутствия их присутствие становится желанным. Какой свет это проливает на способность аутсайдеров упразднять или видоизменять другие институты, которые они не одобряют, устойчивы ли публичные обеды и речи, банкеты лорд-мэров и другие устаревшие церемонии к равнодушию и его давлению, — это вопросы, быть может легкомысленные и поверхностные, которые вполне способны украсить наш досуг и возбудить любопытство. Но сейчас перед нами стоит другая задача. Мы попытались доказать вам, сэр, приведя три примера различных видов эксперимента, что общество аутсайдеров существует и действует. Принимая во внимание, что все они оказались на страницах газет, вы согласитесь, что частных и непубличных экспериментов должно быть гораздо больше. Вы не станете отрицать, что эти факты подтверждают приведенную выше модель Общества Аутсайдеров и доказывают ее реальность; это не была какая-то фантазия, оно действительно существует и оперирует различными средствами для достижения тех же целей, которые вы поставили перед нами в вашем собственном обществе. Чуткие наблюдатели, такие как каноник Бэрри, при желании смогли бы обнаружить еще больше доказательств того, что подобные эксперименты проводятся не только в пустых церквях

Оксфорда. Даже мистер Уэллс[246] услышал бы, припади он ухом к земле, шествие дочерей образованных мужчин, пусть и не столь заметное, против нацистов и фашистов. Но этому движению действительно необходимо оставаться незаметным даже для проницательных наблюдателей и знаменитых романистов.

Секретность необходима. Мы все еще должны скрывать свои действия и мысли, даже если то, что мы делаем и думаем, служит общему делу. Необходимость в этом при определенных обстоятельствах нетрудно понять. Когда зарплаты невелики, как доказывает Уитакер, а работу трудно найти и сохранить, как это всем известно, критиковать своего начальника, по выражению газет, *«мягко говоря, довольно бестактно»*. Тем не менее в сельских округах, как вы сами, возможно, знаете, сельскохозяйственные рабочие не станут голосовать за лейбористов. С экономической точки зрения дочь образованного человека мало чем отличается от рабочего. Но едва ли нам нужно тратить время на выяснение того, что побуждает их обоих к конспирации. Страх является мощной причиной, а у тех, кто отстал экономически, причин бояться достаточно много. Дальнейшее изучение не требуется, однако именно здесь вы можете напомнить об одной гинее и обратить наше внимание на высокомерное бахвальство тем, что наш дар, хоть и небольшой, позволил не только сжечь некое испорченное слово, но и говорить свободно, без страха и лести. Да, с хвастовством мы, похоже, перегнули, ведь некоторый страх и память предков, предсказывающая войну, по-прежнему сохранились. Есть и еще темы, которые образованные люди, будучи разного пола, хотя и финансово независимые, вуалируют или обсуждают друг с другом намеками и в осторожных выражениях, а затем передают дальше. Вы могли это видеть в реальной жизни или обнаружить в биографиях. Даже встречаясь наедине и рассуждая, как мы хвастались, о *«политиках и людях, войне и мире, варварстве и цивилизации»*, они по-прежнему хитрят и умалчивают. Но настолько важно приучать себя к необходимости свободы слова, ибо без личной свободы не может быть и общественной, что мы обязаны попытаться раскрыть этот страх и встретиться с ним лицом к лицу. Какова же природа страха, который по-прежнему вынуждает образованных людей скрытничать и сводит нашу хваленую свободу к фарсу? … И вновь многоточие, представляющее собой пропасть — в этот раз тишину, подкрепленную страхом. И, поскольку нам не хватает ни смелости, ни навыков, давайте опустим вуаль апостола Павла между нами и, что называется, прикроемся толкователем. К счастью, есть у нас один документ, содержание которого вне

подозрений. И это не что иное, как брошюра, которую мы уже цитировали, — доклад Комиссии Архиепископов по вопросу Женского Богослужения — невероятно интересный документ по множеству причин. Ведь он не только проливает яркий и научный свет на этот страх, но и дает нам возможность рассмотреть религиозную профессию, которая, будучи наивысшей, может характеризовать и все остальные, и о ней намеренно еще очень мало сказано. Разговор на эту тему позволит пролить свет и на другие профессии, которые мы уже упоминали. Поэтому извините, что мы вынуждены остановиться здесь, дабы рассмотреть тот доклад более подробно.

Комиссия была назначена архиепископами Кентерберийским и Йоркским *«с целью изучения всех теологических и любых других подходящих принципов, которые регулировали или должны регулировать вопрос Женского Богослужения в Церкви»*{104}. Итак, религиозная профессия, в контексте Англиканской церкви, хоть и кажется похожей в некоторых отношениях на другие: она, по словам Уитакера, характеризуется внушительными доходами, связана с владением огромного количества собственности и имеет иерархию чиновников и их жалований — все же стоит особняком над всеми профессиями. Так, архиепископ Кентерберийский превосходит лорда-канцлера, а Йоркский — премьер-министра, и вообще это самая высокая профессия, поскольку она религиозная. Но спрашивается, что такое *«религия»*? Что есть христианская религия, было раз и навсегда увековечено ее основателем в словах, доступных каждому человеку в переводе исключительной красоты; и независимо от того, принимаем ли мы интерпретацию переводчика, невозможно отрицать глубочайший смысл тех слов. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что в то время, когда лишь малое количество людей знакомо с медициной и законом, все владельцы копии Нового Завета знают, что означала религия с точки зрения ее основателя. Поэтому, когда в 1935 году дочери образованных мужчин потребовали открыть для них религиозную профессию, священники этой самой профессии, примерно соответствующие по рангу врачам и адвокатам, были вынуждены не просто обратиться к какому-то уставу или хартии, оставляющим право заниматься этой работой только мужчинам, им пришлось обратиться к Новому Завету. Так они и сделали, обнаружив в результате, по словам уполномоченных, что *«в Евангелие наш Господь одинаково ценил мужчин и женщин как членов общего духовного царства, как детей Божьих и как обладателей равных духовных способностей…»* В доказательство сего они цитируют: *«… нет ни мужского пола, ни женского: ибо вы*

все одно во Иисусе Христе[247]*».* Казалось бы, основатель христианства считал, что для этой профессии неважны ни навыки, ни пол. Он выбирал себе учеников из рабочего класса, из которого сам вышел. Главным качеством был некий редкий дар, которые в те далекие дни ниспосылался плотникам и рыбакам, но также и женщинам. Как указывает комиссия, нет и тени сомнения в том, что в стародавние времена существовали пророчицы[248] — женщины, на которых снизошел божественный дар. Кроме того, им даже было разрешено проповедовать. Апостол Павел, например, утверждает, что публично молящиеся женщины должны быть покрыты вуалью. *«Имеется в виду, что только в таком виде женщина может пророчествовать [т. е. проповедовать] и молиться».* Почему тогда женщины отстранены от священства сейчас, если основатель религии и один из его апостолов считали их достойными проповедовать? Таков был вопрос, и комиссия решила его, обратившись не к разуму основателя, а к самой Церкви. Между ними, конечно, есть разница, ведь мнение церкви должен толковать другой разум, и разум этот принадлежал апостолу Павлу, который, поразмыслив, изменил свою точку зрения. Ибо, вызвав из глубин прошлого несколько почтенных, но малоизвестных женских фигур: Лидию[249] и Хлою[250], Эводию и Синтихию[251], Трифену, Трифосу и Персиду[252], обсудив их статус и определив, в чем разница между пророчицей и пресвитерессой[253], каково положение диакониссы в до-Никейской[254] церкви и в после-Никейской, уполномоченные вновь обращаются к апостолу Павлу и говорят: *«Во всяком случае ясно, что автор пастырских посланий, будь он апостол Павел или кто-то еще, рассматривал женщину, как существо, отстраненное по причине своего пола от позиции официального „наставника“ в церкви и любой другой должности, связанной с осуществлением государственной власти над мужчиной»* (1. Тим. 2:12[255]). Откровенно говоря, ответ не столь удовлетворителен, как хотелось бы, ибо мы не можем полностью примирить слова Павла или любого другого апостола с указаниями самого Христа, который *«одинаково ценил мужчин и женщин как членов общего духовного царства… и как обладателей одинаковых духовных способностей».* Однако спорить о значении этих слов пустая трата времени, коль скоро мы оказываемся перед фактами. Что бы ни имел в виду Христос или святой Павел, на самом деле исповедание религии в IV–V вв. стало настолько организованным, что *«диакон (в отличие от диакониссы), „отслужив благоугодно вверенные ему службы“, мог в конечном счете претендовать на более высокие церковные должности; тогда как за диаконису лишь молились, чтобы Господь „ей ниспослал*

Святого Духа… дабы она могла достойно выполнить порученную работу“». Через три-четыре столетия, по-видимому, пророк или пророчица, чьи послания были добровольными и невежественными, исчезли, а их место заняли три ордена епископов, священников и диаконов, которые естественно были мужчинами и, согласно Уитакеру, весьма богатыми, ибо, как только Церковь стала институтом, ее профессорам начали платить. Таким образом, исконная религиозная профессия была во многом схожа с литературным делом наших дней{105}. Поначалу она была доступна всем, кто наделен даром прорицания. Никакого обучения не требовалось, а профессиональные требования были предельно просты — голос и рыночная площадь, бумага и чернила. Эмили Бронте, например, писавшая

> Страх не владеет мной,
> Душа тверда в открытой бурям сфере.
> Миры хранят покой,
> Я силы черпаю в одной лишь вере.
> Господь, в моей груди,
> Один ты — Всемогущий, Вечный.
> Дни жизни позади —
> Бессмертье сменит ход их быстротечный[256],

хоть и не достойна быть священником Англиканской церкви, наверняка является духовной наследницей древней пророчицы, что вещала еще в те дни, когда пророчества были добровольным и бескорыстным занятием. Но, когда церковь стала институтом, требующим от своих проповедников специальных знаний и оплачивающим их, люди одного пола остались внутри, а другого — были исключены. *«Диаконы возвысились в сане — отчасти явно из-за их тесной связи с епископами — и стали подчиненными служителями молитв и таинств; однако диакониссы остались на примитивных ступенях этой эволюции».* Насколько примитивной была их эволюция, доказывает тот факт, что в Англии в 1938 году оклад архиепископа составляет 15 тысяч фунтов, епископа — 10 тысяч, а декана — 3 тысячи. При этом жалованье диакониссы составляет 150 фунтов, а что касается *«приходской работницы»*, которая *«помогает практически во всех областях приходской жизни»* и чья *«работа зачастую сурова и одинока»*, то ей платят от 120 до 150 фунтов в год; и нет ничего удивительного в том, что *«молитва есть основа всей ее деятельности».* Таким образом, можно пойти даже дальше уполномоченных и сказать, что

развитие диакониссы не просто *«примитивно»*, оно сильно задержано, ибо, хотя она и посвящена, ее посвящение *«оставило неизгладимый отпечаток и предполагает обязанность пожизненного служения»*; она должна оставаться вне Церкви и занимать положение ниже самого скромного викария. Таково было решение, и, посоветовавшись со взглядами и традициями Церкви, комиссия, наконец, сообщила: *«И, хотя комиссия в целом не дала бы своего положительного согласия с мнением, что женщина по своей природе неспособна принять благодать Ордена, а следовательно, и любого из трех Орденов, мы полагаем, что общее мнение Церкви все еще находится в согласии с непрерывной традицией мужского священства».*

Показав таким образом, что наивысшее из всех ремесло во многом схоже с другими, наши толкователи, согласитесь, пролили немало света на дух и сущность религиозных профессий. Теперь мы должны попросить их помочь нам, если они захотят, проанализировать природу страха, который, по нашему мнению, все еще не позволяет нам открыто выражать свое мнение, как подобает свободным людям. Хотя во многих отношениях они идентичны, наиболее существенное отличие между религиозной профессией и другими было отмечено выше: Церковь, как институт, должна иметь духовные, а не одни лишь исторические причины своих поступков; она должна обращаться к разуму, а не закону. Поэтому, когда дочери образованных мужчин захотели быть допущенными к профессиям Церкви, уполномоченным от комиссии показалось целесообразным указать не только исторические причины своего отказа, но и психологические. Поэтому они вызвали Гренстеда[257], Д. Б., профессора философии и христианской религии[258] Оксфорда, и попросили его *«обобщить соответствующие психологические и психофизиологические знания»* с целью обоснования *«мнения и рекомендаций, выдвинутых комиссией»*. В этот момент психология отделяется от теологии и становится гендерной психологией, как настаивал профессор, а *«ее влияние на поведение человека все еще является предметом изучения специалистов… и… любая интерпретация остается спорной, во многих отношениях неясной»*. Тем самым он дал свои показания, проливающие немало света на происхождение страха, который мы признали, сожалея, что не можем придумать ничего лучшего, нежели просто следовать его словам.

«Перед комиссией (сказал он) были представлены доказательства того, что мужчина имеет естественное превосходство над женщиной. Данная точка зрения, как она есть,

не имеет поддержки со стороны психологии. Психологи всецело признают факт мужского доминирования, которое не следует путать с каким бы то ни было превосходством, имевшим, по-видимому, отношение к вопросу о допуске к священным орденам и профессиям лиц одного пола, а не другого».

Именно психолог может пролить свет на некоторые факты, и вот первый из них.

«Очевидно, что чрезвычайно важное практическое значение имеет тот факт, что любое предложение о допуске женщин к званиям и функциям Триединого Ордена Духовенства вызывает сильное чувство. Доказательства, представленные комиссии, показали, что это по большей части враждебное чувство к подобным предложениям… А его сила, сочетанная с огромным разнообразием рациональных объяснений, ясно свидетельствует о наличии мощного и широко распространенного подсознательного мотива. При отсутствии подробного аналитического материала в контексте данного вопроса тем не менее все равно ясно, что инфантильная фиксация играет преобладающую роль в формировании сильной эмоции, которую вызывает вся эта тема.

Причины этой фиксации наверняка отличаются у разных людей, поэтому любые предположения о ее происхождении носят обобщенный характер. Но каковы бы ни были ценность и точность интерпретации материала, лежащей в основе теорий „Эдипова комплекса[259]*“ и „комплекса кастрации*[260]*“, ясно, что всеобщее принятие мужского доминирования и в еще большей степени женской неполноценности, опирающееся на подсознательные представления о женщине как о „неполноценном мужчине“, имеет инфантильное происхождение. Несмотря на всю иррациональность, эти конструкции преимущественно сохраняются и у взрослых людей, выдавая свое присутствие на бессознательном уровне силой эмоций, которые они порождают. В пользу этой точки зрения выступает тот факт, что допуск женщин в священный сан, и особенно к служению в храмах, чаще всего воспринимается как нечто постыдное. И это чувство стыда нельзя классифицировать никак иначе, как иррациональное сексуальное табу».*

Здесь мы можем поверить профессору на слово, что он искал и нашел *«достаточно доказательств наличия этих бессознательных сил»* как в языческих религиях, так и в Ветхом Завете, и перейти к его заключению:

«В то же время не стоит забывать, что христианская концепция священничества опирается не на указанные

подсознательные эмоциональные факторы, а на институт Христа. Таким образом, она не только исполняет, но и заменяет собой традиции язычества и Ветхого Завета. Что касается психологии, то не существует какой-либо теоретической причины, по которой женщине не следует быть священнослужителем наравне с мужчиной. Противоречия, которые предвидит психолог, носят исключительно эмоциональный и практический характер»{106}.

На этом мы его и оставляем.

Согласитесь, что члены комиссии выполнили ту деликатную и трудную задачу, что мы им поручили. Выступая посредниками и толкователями, они дали нам замечательный пример профессии в ее чистом виде и показали, как эта самая профессия базируется на психологии и традициях. Затем они объяснили, почему образованные люди разного пола не говорят друг с другом открыто на некоторые темы. Они показали, почему даже финансово независимые аутсайдеры все еще могут бояться свободно выражать свое мнение или экспериментировать. И, наконец, посредством точных научных формулировок они открыли нам природу этого страха. Ибо, когда профессор Гренстед приводил свои аргументы, мы, дочери образованных мужчин, будто наблюдали за работой хирурга, беспристрастного и практикующего ученого, который, препарируя человеческий разум своими средствами, обнажил и продемонстрировал всем корневую причину, лежащую в основе нашего страха. Это яйцо, научное название которого *«инфантильная фиксация»*. Будучи недостаточно образованными, мы ошибочно называли его зародышем. Мы учуяли его запах в воздухе, обнаружили в Уайтхолле, в университетах, в Церкви. Теперь же профессор определил и описал его так точно, что ни одна дочь образованного мужчины, какой бы невежей она ни была, не сможет ошибиться и неправильно истолковать его в будущем. Присмотритесь к описанию. *«Любое предложение принять женщин вызывает сильную эмоцию»,* — и неважно, о какой священной области идет речь: о медицине, науке или Церкви. Дочь образованного мужчины может подтвердить профессору, что сильное чувство непременно возникает, как только она просит куда-либо ее принять. *«А сила этой эмоции ясно свидетельствует о наличии мощного и подсознательного мотива»*. Она поверит профессору на слово и даже объяснит ему некоторые причины, которые ускользнули от него. Позвольте нам обратить внимания лишь на две из них. Проще говоря, есть денежная причина для ее отстранения. Не зарплатный ли мотив это теперь, какими бы ни

были жалованья во времена Христа? Архиепископ в наши дни имеет 15 тысяч фунтов, диаконисса — всего 150 фунтов, а сама Церковь, по словам уполномоченных, бедна. Платить женщинам больше означает уменьшить зарплату мужчин. Во-вторых, нет ли психологического мотива для отстранения женщин, скрытого за тем, что комиссия называет *«практическим соображением»? «В настоящее время женатый священник,* — сообщают нам, — *способен выполнить требования богослужения, „оставить и отложить в сторону все мирские заботы и дела“ главным образом потому, что его жена может взять на себя заботу о домашнем хозяйстве и семье…»*{107} Быть в состоянии отбросить все мирские заботы и дела, возлагая их на другого человека, — это очень притягательный мотив, ибо некоторые люди, несомненно, хотят отойти от дел и учиться, о чем свидетельствуют богословие с его утонченностью и наука с ее тонкостями. Для других же такой мотив порочен, ибо он является преградой между Церковью и народом, литературой и людьми, женой и мужем, — преградой, сыгравшей немалую роль, дабы вывести из строя все наше государство. Но каковы бы ни были мощные и подсознательные мотивы, стоящие за исключением женщин из духовенства, — а мы, очевидно, не можем их сосчитать, не говоря уже о том, чтобы докопаться до всех истоков, — дочь образованного мужчины по своему опыту подтвердит, что *«эти мотивы преимущественно сохраняются и у взрослых, выдавая свое присутствие на бессознательном уровне силой эмоций, которые они порождают».* Согласитесь, требуется определенная смелость, дабы противостоять сильным эмоциям, а когда мужество терпит неудачу, чаще всего проявляются умалчивание и отговорки.

Но теперь, когда толкователи выполнили свою задачу, пришло время поднять вуаль апостола Павла и попытаться лицом к лицу провести грубый и неуклюжий анализ этого страха и гнева, который он вызывает, ибо они могут иметь некоторое отношение к вашему вопросу о том, как мы можем помочь предотвратить войну. Предположим тогда, что в ходе той разнополой частной беседы о политике и людях, войне и мире, варварстве и цивилизации возник некий вопрос о допуске, скажем, дочерей образованных мужчин в церковь, на биржу или к дипломатической службе. Данный вопрос лишь поверхностно обсуждается, но мы, сидящие со своей стороны стола, сразу же чувствуем, что с вашей стороны *«по причине некого бессознательного мотива»* возникает *«сильная эмоция»*, когда внутри себя мы слышим тревожный звонок и различаем спутанное, но бурное возмущение: *«Вы не должны, не должны, не должны…»* Физиологические симптомы недвусмысленны. Нервы

напрягаются сами собой, а пальцы непроизвольно сжимают ложку или сигарету; личный психометр показывает, что эмоциональная температура поднялась с десяти до двадцати градусов выше нормы. С интеллектуальной точки зрения появляется желание замолчать и сменить тему разговора; подозвать, например, какого-нибудь старого семейного слугу по имени, скажем, Кросби, чей пес Ровер недавно сдох… и таким образом уклониться от дальнейшего обсуждения, снижая градус беседы.

Но какой анализ эмоций мы можем попытаться провести с другой стороны стола — с вашей? Откровенно говоря, обсуждая Кросби, мы часто задаем вопросы и о вас, поэтому диалог и выходит поверхностным. Каковы же мощные и подсознательные мотивы, вызывающие раздражение на вашей стороне стола? Неужели пожилой дикарь, заваливший бизона, просит другого старого дикаря восхищаться его отвагой? Неужели былой профессионал требует сочувствия и возмущается конкуренции? Патриарх зовет Сирену? Является ли доминирование стремлением подчинять? А самый важный и трудный из всех вопросов, занимающих нас, пока мы молчим, — какое именно удовлетворение приносит доминирование господину?{108} Теперь, поскольку профессор Гренстед сказал, что гендерная психология «*все еще предмет изучения специалистов»,* а ее *«интерпретация остается спорной, во многих отношениях неясной»,* благоразумно будет оставить эти вопросы на усмотрение профессионалов. Но, с другой стороны, если обычные мужчины и женщины хотят быть свободными, они должны научиться говорить прямо, мы не можем доверить и оставить гендерную психологию специалистам. Есть две веские причины на то, чтобы самим попытаться проанализировать наш страх и ваш гнев: во-первых, эти эмоции препятствуют реальной свободе в частном доме, во-вторых, они могут препятствовать ей и в обществе, способствуя развязыванию войны. Давайте в таком случае, будучи полными дилетантами, нащупаем свой путь сквозь эти древние и неясные эмоции, знакомые нам, по меньшей мере, со времен Антигоны, Исмены[261] и Креонта, которые испытывал сам апостол Павел, а ученые лишь сравнительно недавно вывели на поверхность и назвали *«инфантильной фиксацией», «Эдиповым комплексом»* и т. д. Мы должны приложить все свои жалкие усилия и попытаться проанализировать эти эмоции, поскольку вы попросили нас помочь вам любым возможным способом защитить свободу и предотвратить войну.

Давайте тогда изучим эту *«инфантильную фиксацию»*, ибо таково, видимо, правильное название, дабы связать ее с вопросом, который вы нам задали. Повторим еще раз: поскольку мы всего-

навсего люди с широким кругом интересов, а никакие не ученые специалисты, нам приходится полагаться на те свидетельства, что можно почерпнуть из истории, биографий и ежедневных газет, единственно доступные дочерям образованных мужчин. Первый пример инфантильной фиксации мы возьмем из биографии, причем викторианской, поскольку именно в ту эпоху они стали насыщенней и содержательней. Сейчас так много случаев инфантильной фиксации, обнаруженных профессором Гренстедом в викторианских биографиях, что выбрать трудно. Случай мистера Барретта[262] с Уимпол-стрит[263], пожалуй, наиболее известный и достоверный. И в самом деле, он настолько знаменит, что факты едва ли требуют пересказа. Все мы знаем историю отца, который не позволял ни сыновьям, ни дочерям вступать в браки. В мельчайших подробностях нам известно, как его дочь Элизабет была вынуждена скрывать возлюбленного, как она бежала с ним из дома на Уимпол-стрит и как отец в итоге не простил ей этого. Согласимся, что эмоции мистера Барретта были крайне сильны, а интенсивность свидетельствуют об их мрачном и подсознательном происхождении. Это типичный, классический случай инфантильной фиксации, который нам всем приходит на ум. Но есть и другие, менее известные, примеры, которые небольшое исследование вынесет на свет и покажет, что они имеют ту же природу. Например, случай преподобного Патрика Бронте[264]. Преподобный Артур Николлс[265] был влюблен в его дочь Шарлотту. *«Его слова*, — писала она, когда мистер Николлс сделал ей предложение, — *вы можете представить; его манеры вы вряд ли представите, а я не смогу их забыть… я спросила, говорил ли он с папой? Он ответил, что не посмеет».* Почему нет? Ведь он был силен, молод и страстно влюблен, а ее отец был стар. Причина очевидна. *«Он [преподобный Патрик Бронте] всегда не одобрял браки и постоянно выступал против них. Но в тот раз он был даже более чем недоволен; он не мог вынести и мысли о привязанности мистера Николлса к его дочери. Опасаясь последствий…, она поспешила дать отцу обещание, что назавтра мистер Николлс получит четкий отказ»*{109}. Мистер Николлс покинул Хоэрт[266], а Шарлотта осталась с отцом. Ее и без того короткая[267] замужняя жизнь еще больше сократилась из-за желаний отца.

В качестве третьего примера инфантильной фиксации давайте выберем менее простой и, однако, более наглядный случай с мистером Джекс-Блейком. Здесь мы имеем дело с отцом, который сталкивается не с замужеством дочери, а с ее желанием зарабатывать себе на жизнь. Это желание также пробудило в нем очень сильную эмоцию, которая, по-видимому, имеет свое

происхождение на бессознательном уровне психики. Опять же с вашего позволения мы назовем это случаем инфантильной фиксации. Софии, его дочери, предложили небольшую сумму за преподавание математики, и она спросила разрешение взяться за работу у отца, который незамедлительно и эмоционально отказал ей. *«Дорогая, я впервые слышу, будто тебе собираются платить за репетиторство. Это совершенно недостойно тебя, милая, поэтому я не дам своего согласия. Ты можешь принять эту почетную, полезную должность, и я буду рад… но получать за нее деньги — совсем другое дело, которое унизит тебя в глазах почти любого человека».* Весьма интересное заявление! Софии действительно пришлось вступить в спор. Почему недостойно, спрашивала она, и как это ее унижает? Ведь оплата работы не унижала Тома, ее брата, ни в чьих глазах. Это, как объяснил мистер Джекс-Блейк, совсем другое дело: Том — мужчина, поэтому он *«чувствует себя обязанным… содержать свою жену и семью»*; Том *«просто должен»* следовать по этому пути. И все же ответ не удовлетворил Софию. Она утверждала, что не только бедна и нуждается в деньгах, но также испытывает сильное и *«искреннее чувство правомерной гордости за то, что сама зарабатывает»*. В конце концов, прижатый к стенке мистер Джекс-Блейк выдал истинную причину, по которой он возражал против того, чтобы его дочь брала деньги. Он предложил ей собственные деньги, если она откажется брать их у колледжа. Таким образом, стало ясно, что он не возражал против денег в целом, а лишь не хотел, чтобы она брала их у другого мужчины. Любопытный характер отцовского предложения не ускользнул от внимания Софии. *«В таком случае,* — ответила она, — *мне придется сказать декану „нет, я готова работать задаром“, а „мой отец предпочитает, чтобы я получала его личные деньги, а не колледжа“, и я думаю, что декан сочтет нас обоих по меньшей мере нелепыми глупцами».* Какую бы оценку ни дал декан поведению мистера Джекс-Блейка, мы прекрасно понимаем эмоции, лежащие в его основе. Он хотел сохранить власть над дочерью, ведь если она берет лишь его деньги, то остается зависимой. Если же она возьмет их у другого мужчины, то не только освободится от мистера Джекс-Блейка, но и станет зависимой от кого-то еще. Тот факт, что он предпочитал зависимость перед ним самим и смутно понимал роль финансов в этом вопросе, косвенно доказывает еще одно его завуалированное заявление. *«Скажем, если завтра ты выйдешь замуж за человека, который понравится мне — а ты едва ли когда-нибудь выйдешь за другого — я обеспечу тебя хорошим приданым»*{110}. А если она станет работать, то сможет обойтись без отцовских денег и выйти замуж за того, кто понравится ей. Поведение мистера Джекс-

Блейка легко понять и классифицировать, однако это очень важный случай, поскольку он типичен и весьма распространен. Мистер Джекс-Блейк не был чудовищем с Уимпол-стрит, он обычный отец, который вел себя точно так же, как и тысячи других викторианских мужчин, чьи биографии остаются неизвестными. Таким образом, этот случай объясняет многое из того, что лежит в основе поведения викторианцев — гендерную психологию, которая, по словам профессора Гренстеда, до сих пор остается столь неясной. Случай мистера Джекс-Блейка показывает, что его дочь ни в коем случае не должна зарабатывать, ведь в противном случае она станет независимой от отца и свободно выйдет замуж за любого мужчину, которого выберет сама. Поэтому желание дочери зарабатывать себе на жизнь вызывает две различные формы ревности: обе сильны по отдельности, а вместе они очень сильны. Показательно также и то, что для оправдания своего мощного чувства, берущего начало в подсознательном уровне психики, мистер Джекс-Блейк прибегнул к одной из самых распространенных уловок, не став аргументировать свое решение доводами, а апеллируя к эмоциям. Он обратился к глубинной, очень древней и сильной эмоции, которую мы, любители, можем назвать чувством женственности. Брать деньги — ниже достоинства дочери, говорил он; в противном случае это унизит ее в глазах почти каждого человека. Тома, как мужчину, это ничуть не унижало; дело было в различии полов. Он апеллировал к ее женственности.

Всякий раз, когда мужчина обращается к женщине подобным образом, можно быть уверенным, что он пробуждает в ней конфликт эмоций очень глубокого и первобытного характера, который ей чрезвычайно трудно проанализировать и унять. Он может служить для передачи этих чувств, если мы сравним его с запутанным конфликтом мужских эмоций, которые пробуждаются в вас, сэр, если женщина протягивает вам белое перо{111}. Интересно наблюдать за тем, как в 1859 году София пыталась справиться с этим чувством. Ее первым побуждением было расправиться с самой очевидной формой женственности, доступной сознанию и, казалось, отвечающей за отношение к ней отца, — с репутацией леди. Как и дочери других образованных мужчин, София Джекс-Блейк действительно являлась, что называется, *«леди»*, которая не могла зарабатывать деньги и, следовательно, должна быть уничтожена. *«Ты и правда думаешь, отец,* — спросила она, — *что получение денег унижает леди? Неужели ты стал хуже думать о миссис Тид из-за того, что платишь ей»?* Затем, словно осознав, что миссис Тид, будучи гувернанткой, не может сравниться с ней, происходящей из семьи

выше среднего класса, *«чье происхождение можно найти в „Земельном Дворянстве“ Берка*[268]*»,* София призвала на помощь *«Мэри Джейн Эванс… представительницу выдающейся родственной семьи»* и мисс Вудхаус[269]*, «чье семейство лучше и старше моего»,* которые поддерживали ее желание зарабатывать. Мисс Вудхаус не только была на стороне Софии, но и *«доказывала это своими действиями. Убогими она считала не тех, кто сам зарабатывает, а тех, кто их таковыми считает. Принимая Мориса в школу, она сказала ему, по-моему, в высшей степени благородно: „Если вы считаете, что мне лучше работать платной гувернанткой, я приму любое жалованье, какое вам угодно; ежели нет, то я готова работать свободно и бесплатно“». «Леди»* иногда бывает благородной, и уничтожить ее трудно, но это нужно сделать, поняла София, если она хочет оказаться в раю, где *«множество девушек разгуливают по Лондону, когда и где им заблагорассудится»*, в том *«Элизиуме*[270] *на Земле»*, который есть (или был) в Квинс-колледже, на Харли-стрит, где дочери образованных мужчин наслаждаются не девичьим счастьем, а *«королевским — работой и независимостью»*{112}. Таким образом, первое побуждение Софии было уничтожить *«леди»*{113}, но после убийства все равно оставалась женщина. Мы можем более ясно увидеть ее, скрывающую и оправдывающую недуг инфантильной фиксации, в двух других случаях. Это была женщина, человеческое существо, чей пол наградил ее сакральным долгом посвятить себя отцу: именно ее и должны были убить Шарлотта Бронте и Элизабет Барретт. И если уничтожить леди трудно, то справиться с женщиной было еще труднее. Поначалу Шарлотте казалось это практически невозможным. Она отказала своему возлюбленному, *«… заботясь таким образом о своем отце, и, не думая о себе, она отбросила всяческие мысли о том, как ей следовало бы ответить, идя на поводу его желаний».* Шарлотта любила Артура Николса, но отказала ему; *«… в том, что касалось слов и действий, она проявила пассивность, в то время как испытывала острую боль от грубых выражений, которые употреблял ее отец в отношении мистера Николса».* Она ждала и страдала, пока *«время — этот великий завоеватель»*, как выразилась миссис Гаскелл[271], — не одержало победу над сильнейшими предрассудками и решимостью людей. В итоге отец дал согласие. Однако великий завоеватель нашел себе достойного соперника в лице мистера Барретта; Элизабет все ждала, страдала и, в конце концов, сбежала сама.

Крайняя сила эмоций, порождаемых инфантильной фиксацией, наглядно демонстрируется этими тремя замечательными случаями. То была сила, способная подавить не

только Шарлотту Бронте, но и Артура Никола, не только Элизабет Гаскелл, но и Роберта Браунинга[272]. Таким образом, это была сила, способная бороться с величайшей из человеческих страстей — любовью мужчин и женщин; она могла заставить самых блестящих и смелых викторианских сыновей и дочерей трепетать перед ней, вводить в заблуждение и обманывать отцов, а затем бежать от них. Но чему обязана эта удивительная сила? Как показывают наши примеры, отчасти тому, что инфантильную фиксацию одобряло общество. Природа, закон и собственность были готовы оправдывать и маскировать ее. Мистеру Барретту, мистеру Джекс-Блейку и преподобному Патрику Бронте было легко скрывать от самих себя истинную природу своих эмоций. Если они хотели, чтобы дочь оставалась дома, общество с ними соглашалось. Если дочь протестовала, то природа приходила им на помощь. Считалось противоестественным бросать своего отца, и твою женственность ставили под сомнение. Если дочь продолжала упорствовать, то в дело вступал закон, согласно которому, бросив отца, она оставалась без средств к существованию. Легальные должности были для нее закрыты. И, наконец, если она зарабатывала деньги той единственной профессией, что была доступна, древнейшей из всех, она лишалась женственности и считалась бесполой. Нет и тени сомнения в силе инфантильной фиксации, даже если ей заражена мать. Но если болен отец, она втройне опасна: его защищают природа, закон и собственность. Таким образом, преподобный Патрик Бронте вполне мог на протяжении нескольких месяцев причинять своей дочери Шарлотте *«острую боль»* и тем самым красть время ее и без того недолгого супружеского счастья, не навлекая на себя никакого порицания со стороны общества, в котором он служил священником Англиканской церкви. Хотя, если бы он замучил до смерти собаку, или украл часы, это же общество лишило бы его сана и вышвырнуло вон. Общество, по-видимому, тоже было отцом, страдающим инфантильной фиксацией.

Поскольку в XIX веке общество защищало и даже оправдывало больных инфантильной фиксацией, неудивительно, что эта, пускай и безымянная, болезнь была повальной. Какую биографию ни открой, почти в любой мы находим знакомые симптомы: отец выступает против брака дочери и ее заработков на жизнь. Желание выйти замуж или получать зарплату вызывают сильное чувство, которому он дает одни и те же оправдания: леди обесценивает свою репутацию, а дочь оскорбляет женственность. Но время от времени, весьма редко, мы обнаруживаем отца, совершенно устойчивого к этой болезни. Такие случаи

чрезвычайно интересны. Вот дело мистера Ли Смита[273]{114}, современника господина Джекс-Блейка, и оба они принадлежали к одному социальному классу. У него тоже имелась собственность в Сассексе[274], были лошади и экипажи, а также дети. Но на этом сходства заканчиваются. Мистер Ли Смит был предан семье; он возражал против школ и держал детей дома. Было бы интересно обсудить с ним его педагогические методы, как он нанимал учителей для своих детей и как брал их с собой в долгие ежегодные путешествия в большом экипаже, похожем на омнибус, по всей Англии. Но, подобно многим экспериментаторам, мистер Ли Смит остается неизвестным, и мы вынуждены довольствоваться тем, что он *«имел необычные взгляды, считая, что дочери должны быть наравне с сыновьями».* Он был настолько невосприимчив к инфантильной фиксации, что *«не придерживался обычной схемы оплаты счетов своей дочери и случайных подарков, но, когда Барбара достигла совершеннолетия в 1848 году, назначил ей годовое пособие в размере 300фунтов».* Результаты иммунитета к инфантильной фиксации изумительны. *«Считая свои деньги средствами для добрых дел»,* Барбара[275] в первую очередь пустила их на образовательные цели. Она основала школу, принимавшую детей не только разного пола, но также социального уровня и вероисповедания: католиков, евреев и *«учеников из семей с прогрессивными взглядами». «Это было совершенно необычное учреждение»,* можно сказать, школа для аутсайдеров. Но и это еще не все, что она пыталась сделать со своими тремястами фунтами в год. Одно доброе дело вело к другому. С ее помощью подруга организовала вечерние уроки *«рисования с обнаженной натуры»* для дам. В 1858 году женщинам был доступен лишь один такой класс. И тогда же была подана петиция в Королевскую академию художеств, чьи школы, хоть и, как это часто бывает, только номинально открыты для женщин в 1861 году{115}. Затем Барбара занялась законами, касающимися женщин, так что в 1871 году замужним дамам действительно стало разрешено владеть собственностью; и, наконец, она помогла мисс Дэвис основать Гертон-колледж. Размышляя о том, чего смог добиться один невосприимчивый к инфантильной фиксации отец, позволившей дочери иметь 300 фунтов в год, мы не должны удивляться тому, что большинство других отцов решительно отказывались давать более 40 фунтов поверх крыши над головой и еды.

Инфантильная фиксация отцов тех лет являлась, очевидно, мощной силой и к тому же опасной из-за своей скрытой формы. Но в конце XIX века они получили противодействие, которое в свою очередь стало настолько серьезным, что, психологи, будем

надеяться, подберут для него какое-нибудь наименование. Старые названия, как мы видим, бесполезны и ошибочны. Слово *«феминизм»* нам пришлось уничтожить. Выражение *«эмансипация*[276] *женщин»* столь же невыразительно и порочно. Говорить, что дочерей заблаговременно вдохновили идеи антифашизма, значит повторять модный и отвратительный жаргон того времени. Называть их поборницами интеллектуальной свободы и культуры — все равно что затуманить воздух пылью лекционных залов и сыростью публичных собраний. Более того, ни один из этих терминов и ярлыков не выражает истинных эмоций, которые вдохновляли дочерей на противостояние инфантильной фиксации отцов, поскольку, согласно биографиям, за этой силой стояло множество различных эмоций, многие из которых были противоречивы. За ней, конечно, стояли слезы; горькие слезы тех, чьи стремления к знаниям были подавлены. Одна дочь страстно желала изучать химию, но домашние книги учили ее лишь алхимии. Она *«горько рыдала, что ее ничему не учат».* Кроме того, за этой силой стояла тяга к открытой и нормальной любви. Опять-таки много гневных слез. *«В слезах она бросилась на кровать… Ох,* — воскликнула она, — *Гарри на крыше». «Кто такой Гарри,* — ответила я, — *и на какой крыше? О чем ты?» «Ох, не говори глупостей,* — сказала она, — *ему пришлось уйти»*{116}. Но опять же за этим стояло желание не любить, а вести разумное существование без любви. *«Я смиренно каюсь… что сама ничего не знаю о любви»*{117}, — писала одна из них. Странно слышать такое признание от человека, чьей единственной профессией на протяжении веков было замужество, и в то же время весьма показательно. Одни девушки мечтали о путешествиях, исследованиях Африки, раскопках в Греции и Палестине. Некоторые хотели учиться музыке, но не бренчать на инструменте у себя дома, а сочинять оперы, симфонии, квартеты. Другие жаждали рисовать не увитые плющом коттеджи, а обнаженные тела. На протяжении огромного количества времени, сознательно или подсознательно, все они чего-то хотели, но каким бы словом обозначить многообразие этих стремлений и дел? Термины Жозефины Батлер — Справедливость, Равенство, Свобода — прекрасны, но это всего лишь бирки, к которым в наш век бесконечных разноцветных ярлыков мы стали настороженно относиться, ибо они ограничивают и губят нас. Не годится и старое слово «вольность», потому что женщины не искали свободы в этом смысле, они хотели, подобно Антигоне, не нарушить закон, а изучить его{118}. Какими бы невеждами мы ни были в вопросах человеческой мотивации и сколько бы слов ни знали, давайте признаем, что ни

одно из них не выражает силу, которая в XIX веке противопоставила себя силе отцов. Уверенно мы можем заявить лишь то, что это была колоссальная сила. Она буквально распахнула двери частного дома, открыла Бонд-стрит и Пикадилли, крикетные и футбольные площадки, она состарила пышные юбки и корсеты, сделав, таким образом, древнейшую из профессий (но Уитакер не приводит этих цифр), убыточной. Короче говоря, за пятьдесят лет эта сила сделала жизнь графини Лавлейс и Гертруды Белл немыслимой и практически невозможной. Отцам, некогда побеждавших мощнейшие эмоции сильных мужчин, пришлось отступить.

Будь это финалом всей истории, хлопаньем двери напоследок, мы могли бы сразу же обратиться к вашему письму, сэр, и к форме, которую вы просили заполнить. Но это был не конец, а лишь начало. Несмотря на использование прошлого, вскоре мы обнаружим и настоящее время в своих словах. В частной жизни отцы действительно уступали, но в гражданском обществе их многое связывало, в том числе и профессии, и они еще больше были подвержены судьбоносному недугу, чем поодиночке. Болезнь, имевшая в основе мотив, соединилась с правом, с концепцией, сделавшей ее еще опаснее вне дома, нежели внутри него. Желание обеспечивать жену и детей — есть ли мотив более сильный и столь же традиционный? Ведь он был связан с самой мужественностью, а человек, который не мог содержать семью, считал себя неполноценным. И не сидела ли эта концепция так же глубоко в нем, как и представление о женственности своей дочери? Именно эти мотивы, права и концепции поставлены теперь под сомнение. Дабы защитить их и от женщин, возникало и возникает, можете не сомневаться, хоть, вероятно, и бессознательное, но предельно агрессивное чувство. Как только посягают на право священника заниматься своей профессией, инфантильная фиксация развивается в обостренную эмоцию, к которой научно применяют название сексуального табу. Возьмем два примера: один частный, другой публичный. Ученому пришлось *«выразить свое неодобрение поступлением женщин в университет, где он преподавал, отказом переступать порог любимого колледжа или студенческого городка»*[119]. Больнице пришлось отклонить предложение о предоставлении стипендий, поскольку оно было сделано женщиной от имени женщин[120]. Можем ли мы сомневаться в том, что оба действия вызваны тем чувством стыда, которое, как говорит профессор Гренстед, *«нельзя классифицировать никак иначе, как иррациональное сексуальное табу»*? Но поскольку сама эмоция усилилась, то возникла и необходимость прибегнуть к помощи

более сильных союзников, дабы оправдать и скрыть ее. Обратились к самой Природе, всеведущей и, как утверждалось, неизменной, которая сделала мозг женщины неправильной формы или размера. *«Всем,* — пишет Бертран Рассел[277], — *кто хочет развлечься, можно посоветовать взглянуть на уловки выдающихся краниологов*[278] *и попытки доказать посредством измерений головного мозга, что женщины глупее мужчин»*{121}. Наука, кажется, не бесполое существо, она, подобно мужчине или отцу, тоже заражена. Такая инфицированная наука производила измерения на заказ: мозг был слишком мал для исследований. Многие годы были потрачены на ожидание перед священными вратами университетов и больниц, разрешения изучить мозг, который, по словам профессоров, природа сделала неспособным к сдаче экзаменов. Длинный и унылый список этих бесплодных, если хотите, побед лежит, по-видимому, вместе с другими старыми записями{122} в архивах колледжа, куда измученные директрисы по-прежнему обращаются, как говорят, когда хотят получить официальное подтверждение их безупречной посредственности. Природа, однако, не сдавалась. Мозг, который смог сдать экзамены, оказался не творческим, а способным нести ответственность и получать более высокую зарплату. То был утилитарный мозг, мелочный и приспособленный для рутинной работы под руководством начальника. И, поскольку эти профессии были недоступны, дочери, разумеется, не правили империями, не командовали флотами и не вели армии к победе; лишь несколько мелких книг свидетельствовали об их профессиональных способностях, ведь литература была единственной открытой для них областью. Кроме того, на что бы ни был способен мозг, дай ему доступ хоть ко всем профессиям, оставалось еще и тело. Природа, говорили священники, в своей бесконечной мудрости установила непреложный закон, что мужчина — творец. Он наслаждается, а она лишь пассивно терпит. Боль была полезнее удовольствия для тела, которое терпит. *«Взгляды врачей на беременность, роды и кормление грудью до недавнего времени,* — пишет Бертран Рассел, — *былипропитаны садизмом. Например, чтобы убедить их в возможности применения анестетиков при родах, потребовалось больше доказательств, чем для того, чтобы убедить их в обратном».* Так наука спорила и так соглашались профессора. И тогда, наконец, дочери вмешались: *«Но разве тренировки не развивают мозг и тело? Разве дикий кролик не отличается от кролика в клетке? Разве мы не должны менятьэту неизменную природу? И разве мы уже не меняем ее? Мороз сопротивляется поднесенному огню спички; смертельный приговор Природы отсрочен. А яйцо на завтрак, настаивали они,*

тоже лишь заслуга петуха? Без желтка и белка насколько ваши завтраки, о священники и профессора, были бы питательны?» На что священники и профессора в торжественном унисоне произнесли: *«Но сами по себе роды — это исключительно женское бремя»*. Они не могли ни отрицать этого, ни отречься. И все же они заявляли, сверяясь со статистикой из книг, что время, которое женщины проводят в родах в современных условиях, а сейчас, напомним, XX век, составляет лишь малую долю{123}. Но разве не она лишила нас возможности работать в Уайтхолле, на полях и фабриках, когда наша страна была в опасности? На что отцы ответили: *«Война окончена; мы теперь в Англии»*.

И если, сэр, остановившись сейчас в Англии, мы включим новости по радио, то услышим, как отвечают на эти вопросы отцы, зараженные в наше время инфантильной фиксацией. *«Дом — истинное место женщины… Пусть они возвращаются домой… Правительство должно дать работу мужчинам… Министерство труда обязано выразить решительный протест… Женщины не должны управлять мужчинами… Есть два мира: один для женщин, другой для мужчин… Пусть учатся готовить нам обед… Женщины потерпели неудачу… Они провалились… Они провалились»*.

Даже здесь и сейчас шумиха, производимая инфантильной фиксацией, настолько сильна, что мы едва слышим сами себя; она вырывает слова из наших уст и заставляет говорить то, о чем мы всегда молчали. Прислушиваясь к голосам, мы, кажется, слышим детский плач в ночи, в беспроглядном мраке, покрывшем Европу, в нем нет слов, лишь возглас: «Ай-яй-яй…» Но это не новый, а очень древний крик. Давайте выключим радио и прислушаемся к прошлому. Теперь мы в Греции, Иисус еще не родился, как и святой Павел. Но послушайте: *«Кого начальником поставил, того и волю исполняй — и в малом, и в справедливом деле, и в ином… А безначалье — худшее из зол… Храни же свято стяг законной власти, не подчиняя женщине ума… Пусть там сидят по-женски, под запором… Стража, домой их уведите*[279]*»*. Это голос диктатора Креонта. На что Антигона, его дочь, говорила: *«Не Зевс закон мне объявил, не Правда, живущая с подземными богами»*. Но у нее не было ни капитала, ни власти. И Креонт ответил: *«Ушлю туда, где людям не пройти, живую спрячу в каменной пещере…»* И запер он ее не в Холлоуэй[280] и не в концлагере, а в склепе. Согласно тексту, сам Креонт привел город к разорению и усеял землю трупами. Прислушиваясь к голосам прошлого, сэр, кажется, будто мы вновь смотрим на фотографии мертвых тел и разрушенных зданий, которые испанское правительство присылает нам почти каждую неделю. Похоже, все повторяется. Картины и голоса сегодня такие же, как и 2000 лет назад.

Таково заключение, к которому привело нас изучение природы страха, препятствующего свободе в частном доме. Он мал и незначителен, но связан с другим вполне реальным страхом, который и заставил вас просить о помощи в предотвращении войны. В противном случае мы бы не стали вновь обращаться к фотографиям. Но это уже не тот снимок, который вызвал в начале этого письма у нас обоих сходные чувства *«ужаса и отвращения»*. По мере работы над ним и добавления все новых фактов на первый план вышел совсем другой объект. Это фигура мужчины; одни утверждают, а другие отрицают, что он есть Мужчина{124}, квинтэссенция мужественности, идеальный вид, остальные представители которого — лишь незаконченные эскизы. Он, разумеется, мужчина. Его глаза остекленели, они сверкают. Его тело, застывшее в неестественной позе, плотно обтянуто мундиром. На груди нашито несколько медалей и других мистических символов. А рука сжимает меч. Немцы зовут его Фюрером[281], итальянцы — Дуче[282]; мы же говорим Тиран или Диктатор. Позади него разрушенные дома и трупы мужчин, женщин и детей. Но мы представили вам данную картину не с целью повторно вызвать бесплодное чувство ненависти. Напротив — дабы высвободить и другие эмоции, которые эта фигура, даже столь грубо изображенная на цветном снимке, пробуждает в нас, людях. Фотография показывает чрезвычайно важную связь между общественным и частным мирами, неотделимыми друг от друга в своей тирании и рабстве. Но фигура человека даже на фотографии наводит на мысль и о других, более сложных эмоциях. Она предполагает, что мы не можем отделить себя от этой фигуры: мы и есть эта фигура. Таким образом, мы не пассивные зрители, обреченные на безропотное подчинение, но своими мыслями и действиями мы можем сами изменить эту фигуру. Нас объединяет общий интерес, один мир, совместная жизнь. Насколько же важно понять, что единство доказывают мертвые тела и разрушенные здания. Ибо такова будет наша судьба и гибель, если вы в необъятности своего общественного абстрагирования забудете частное лицо или если мы в интенсивности наших частных эмоций забудем про гражданский мир. Оба дома будут разрушены, общественный и частный, материальный и духовный, поскольку они неразрывно связаны. Но ваше письмо дает нам надежду. Ибо, прося нашей помощи, вы осознаете эту связь, а, читая ваши слова, мы вспоминаем и о других связях, лежащих гораздо глубже, нежели те, о которых свидетельствуют поверхностные факты. Даже здесь и сейчас ваше послание искушает прислушиваться не к этим мелким,

тривиальным деталям, не к выстрелам оружий и реву граммофона, а к голосам поэтов, ведущих беседы и уверяющих нас в единстве, стирающем барьеры, как если бы они были всего лишь меловыми линиями; оно побуждает нас к обсуждению с вами способности человеческого духа преодолевать препятствия и находить единство в многообразии. Но это означало бы мечтать или видеть бесконечно повторяющий сон, преследующий разум человека с начала времен, — грезы о мире и свободе. Однако вы не просили нас мечтать на фоне залпов орудий. Вы не спрашивали нас, что есть мир, а искали помощи в предотвращении войны. Оставим тогда поэтам право говорить нам о мечте и вновь сосредоточимся на фотографии, на фактах. Каковы бы ни были приговоры других людей человеку в мундире, как бы ни отличались взгляды, вот ваше письмо, доказывающее, что для вас это снимок зла. И хотя мы смотрим на него с разных сторон, наши выводы совпадают: это зло. Мы оба полны решимости сделать все возможное для его уничтожения, каждый — своими методами. В силу различий между нами и помощь должна быть различной. Мы попытались показать вам свои возможности, несомненно, несовершенные и поверхностные{125}. Но в результате ответ на ваш вопрос должен заключаться в том, что мы можем наилучшим образом помочь вам предотвратить войну, лишь не вторя вашим словам и методам, а находя новые пути. Лучшей помощью будет не вступать в ваше общество, а остаться снаружи, но действовать сообразно его цели. А цель у нас общая и всего одна. Она заключается в отстаивании *«прав всех мужчин и женщин на уважение своей личности и великие принципы Справедливости, Равенства и Свободы».* Нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности, поскольку мы абсолютно уверены, что вы понимаете эти слова точно так же. И оправдания излишни, ибо мы уверены, что вы простите все недостатки, которые мы предсказывали и которые в изобилии продемонстрировало это письмо.

Возвращаясь к форме, которую вы прислали с просьбой заполнить, по вышеуказанным причинам мы оставим ее пустой. Но, дабы полностью доказать общность наших целей, мы отправляем вам свою гинею, безвозмездный дар, отданный добровольно и без каких-либо условий, кроме тех, что вы сами решите на себя взять. Это третья из наших гиней, но все они, заметьте, хоть и посланы разным казначеям, отданы по одним и тем же причинам, провести грань между которыми невозможно.

А теперь, поскольку у вас мало времени, позвольте мне закончить, трижды извинившись перед вами тремя: во-первых, за длину этого послания, во-вторых, за скромность вклада и, в-

третьих, за сам текст. Однако вина за это лежит на вас, ибо данное письмо никогда бы не было написано, не проси вы ответа на свой вопрос.

Примечания и ссылки

{1} Стивен Гвинн[283], «Жизнь Мэри Кингсли», с. 15. Сложно узнать точные суммы денег, потраченные на образование дочерей образованных мужчин. 20 или 30 фунтов с лихвой, по-видимому, покрыли все расходы на обучение Мэри Кингсли. В качестве усредненной величины для XIX и даже начала XX века можно выбрать сумму в 100 фунтов. Женщины, обученные за эти деньги, зачастую испытывали острую нужду в образовании. *«Наиболее сильно я чувствую пробелы в своих знаниях, когда выхожу из дома»*, — писала Анна Дж. Клаф[284] — первая директриса Ньюнем-колледжа[285] (Б. И. Клаф[286], «Жизнь Анны Дж. Клаф», с. 60). Элизабет Холдейн[287], родившаяся, подобно мисс Клаф, в ученой семье и имевшая схожее образование, повзрослев, сказала: *«Поначалу мне казалось, что я вообще не получила образования, и думала о том, как это исправить. Мне бы наверняка понравилось ходить в колледж, но в то время он был практически недоступен для девушек. Идею о женском образовании совсем не поддерживали, да и стоило оно больших денег. Единственная в семье дочь и думать не смела оставить овдовевшую мать ради колледжа. В те дни особенно популярным становилось заочное обучение…»* (Элизабет Холдейн, «Испокон веков», с. 73). Попытки необразованных женщин скрыть свое невежество зачастую были отважны, но не всегда успешны. *«Они мило поддерживали любую беседу и старались избегать спорных тем. Что поразило меня, так это их невежество и безразличие ко всему — за пределами их кругозора… как, например, мать одного из спикеров[288] Палаты общин[289], считавшая, что Калифорния является частью Британской империи»* (Г. Э. Вэчелл[290], «Дальние земли», с. 109). В XIX веке женщины нередко симулировали подобное невежество, думая, что образованным мужчинам это нравится. Хотя Томас Гизбэн[291] в своей поучительной работе «Обязанности женщин» (с. 278) рьяно упрекает тех, кто советует дамам *«аккуратно избегать того, чтобы мужья знали обо всех талантах и знаниях своих жен. Это не просто осторожность — это целое искусство. Притворство, тщательно спланированное жульничество, которые довольно быстро раскрываются»*.

Однако в XIX веке дочь образованного мужчины была куда более невежественна в бытовых вопросах, нежели в литературе. Одна из причин этого подразумевается в данной цитате: *«Считалось, будто большинство мужчин столь „недобродетельны“, что почти все они способны докучать и досаждать (или того хуже) молодым девушкам без*

сопровождения» (Мэри, графиня Лавлейс[292], «Общество и светское время», из сборника «50 лет. Контраст воспоминаний. Общая картина периода 1882–1932», с. 37). Поэтому женщина была ограничена узким кругом общения, а ее *«невежество и безразличие»* ко всему за его пределом простительны. Связь между этим невежеством и концепцией мужественности XIX века, согласно которой, пример тому Викторианский[293] герой, *«целомудрие»* и возмужалость несовместимы, очевидна. В известном изречении Теккерей[294] сетует на ограничения, которые накладывали целомудрие и возмужалость на все его творчество[295].

{2} Наше мировоззрение по-прежнему столь косное и антропоцентричное[296], что было совершенно необходимо выдумать этот неуклюжий термин, дочь образованного мужчины, дабы описать целый класс женщин, чьи отцы получили образование в государственных школах и университетах. Очевидно, что если термин *«буржуа»* подходит для ее брата, то абсолютно неправильно использовать его в отношении того, кто так сильно отличается от него по двум основным критериям буржуазии — деньгам и окружению.

{3} Количество животных, истребленных в Англии за прошлый век ради спорта, не поддается исчислению. 1212 — такое среднее число приводится при описании одного дня стрельбы в Чатсуорте[297] 1909 года (Герцог Портлендский[298], «Мужчины, Женщины и их Положение», с. 251). Лишь небольшое упоминание о женской охоте можно встретить в спортивных мемуарах; само появление дам на стрельбище служило поводом для едких замечаний. «Скиттлз»[299], знаменитая наездница XIX века, слыла женщиной легкого поведения. Вероятнее всего, в то время предполагалась некая взаимосвязь между спортом и распущенностью женщин.

{4} Джон Бакен[300], «Фрэнсис[301] и Риверсдейл[302] Гренфеллы», с. 189, 205.

{5} Граф Литтонский[303], «Энтони[304] (Виконт Ньюбворф)», с. 355.

{6} «Поэмы Уилфреда Оуэна» под редакцией Эдмунда Бландена[305], с. 25, 41.

{7} Тост Хьюворта[306] *«за Англию»* на банкете общества Св. Георга в Кардиффе[307].

{8},{9} «Daily Telegraph[308]» от 5 февраля, 1937 г. [В. Вулф верно цитирует епископа Лондона, однако слов епископа Бирмингема нет в указанной газете того дня. Вместо этого в статье приводятся слова Хью Ричарда Лори Шеппарда (1880–1937) — известного пацифиста и священника собора Святого

Павла: *«Война есть олицетворение человеческой слабости и пустоты, обязанность христиан — не иметь с ней ничего общего»*].

{10} Есть, конечно, и у образованных женщин один неотъемлемый козырь — дети; и способ помочь предотвращению войны — отказаться рожать. Подобного мнения, например, придерживалась госпожа Хелена Нормантон[309], говоря: *«Единственное, что могут сделать женщины любой страны для предотвращения войны — отказаться производить „пушечное мясо“»* (Протокол Ежегодного Совета Равных Граждан, «Daily Telegraph» от 5 марта, 1937 г.). Письма в газетах зачастую поддерживают такую точку зрения. *«Я объясню мистеру Гарри Кэмпбеллу[310], почему женщины сегодня отказываются заводить детей. Научившись управлять страной, мужчины должны вести дела так, чтобы война ударяла по тем, кто разжигает конфликт, а не выбивала из строя мирных людей — тогда, быть может, женщины снова захотят иметь большую семью. Зачем ей рожать в той обстановке, что творится сейчас?»* (Эдит Мачурин-Порч, «Daily Telegraph» от 6 сентября, 1937 г.). Снижение рождаемости среди интеллигенции, по-видимому, свидетельствует о том, что образованные женщины вняли словам миссис Нормантон. При схожих обстоятельствах около двух тысяч лет назад Лисистрата[311] давала такой же совет.

{11} Разумеется, есть бесчисленное количество видов воздействия помимо тех, что приведены в тексте. Все они отличаются от весьма простого, описанного способа влияния, схожего с тем, которое леди Макбет[312] оказывала на своего мужа: *«Три года спустя… мы обнаружили, что она пишет ему, члену совета министров, письмо от имени излюбленного священника Короны[313]…»* (Леди Лондондерри[314], «Мемуары Генри Чаплина[315]», с. 57). Где-то неподалеку можно обнаружить влияние, описанное Д. Х. Лоуренсом[316]: *«Мне бесполезно пытаться делать что-либо без женщины за спиной… я не рискнул бы и жить на этом свете без нее … но та, которую я люблю, отчасти поддерживает мою непосредственную связь с той неизвестностью, в которой я бы без нее запутался»* (Письма Д. Х. Лоуренса, с. 93, 94). Несмотря на необычную расстановку слов, с этими строками можно сравнить знаменитые и крайне похожие слова, сказанные бывшим королем Эдуардом VIII во время отречения от престола[317]. Внешнеполитическая обстановка сейчас кажется благоприятной для повторного использования власти в корыстных целях. Например: *«История, служащая наглядным примером степени влияния женщин в Вене. Прошлой осенью был разработан план дальнейшего уменьшения карьерных возможностей женщин. Их протесты, жалобы и письма*

не принесли пользы. Наконец отчаявшиеся дамы города… собрались вместе и придумали свой план. На протяжении двух последующих недель по нескольку часов в день они звонили министрам, которых знали лично, и якобы приглашали к себе на обед. Со всем очарованием, присущим венским дамам, они держали собеседников на линии, спрашивая о том о сем, и наконец переходили к вопросу, который их так беспокоил. Когда министров обзвонили несколько женщин — всех, кого они не хотели обидеть, и отвлекли тем самым от важных государственных дел, те решили пойти на компромисс — именно так план министров против карьерного роста женщин был отложен» (Хилари Ньюитт[318], «Женщины должны голосовать», с. 129). Подобный способ влияния зачастую умышленно использовали в ходе борьбы за право участвовать в выборах. Но говорят, что право голоса лишь ослабляет женское влияние. Так, Маршал фон Биберштейн[319] считал, что *«женщины всегда сопровождают мужчин, но лично он не хочет, чтобы те голосовали»* (Элизабет Холдейн, «Испокон веков», с. 258).

{12} Британских женщин очень сильно критиковали за применение насилия в борьбе за право голоса. Тогда, в 1910 году, суфражистки ударили мистера Биррела[320] по коленкам и разорвали его шляпу. Сэр Эльмерик Фитцрой[321] прокомментировал это следующим образом: *«Подобные нападения банды организованных „янычаров[322]“ на беззащитного, пожилого человека убедят, я надеюсь, многих людей в безумии и анархизме нынешнего движения»* (Мемуары Эльмерика Фитцроя, т. 2, с. 425). Эти высказывания, очевидно, не касались насилия и войны в Европе. Более того, право голоса британские женщины получили благодаря помощи, которую они оказали англичанам, воевавшим в Первую мировую войну. *«14 августа 1916 года мистер Асквит[323] сам сдал позицию сопротивления в пользу женского права голосовать. „Это правда, — говорил он, — что женщины не умеют сражаться с оружием в руках, но… они самым эффективным образом оказали свою поддержку ведению войны“»* (Рэй Стрэйчи[324], «Причина», с. 54). В связи с этим возникает трудный вопрос. Должны ли те, кто не только не развязывал войну, но и всячески способствовал ее окончанию, пользоваться своим правом голоса, которое они имеют главным образом благодаря тем, кто на самом деле *«оказал поддержку ведению войны»?* То, что они падчерицы, а не полноценные дочери, Англии, подтверждается тем, что, становясь замужними, они меняют гражданство. Женщина, оказывала она помощь в борьбе с немцами или нет, выходя замуж за немца, становится немкой. Ее политические взгляды должны измениться, а дочерняя благодарность — сменить адрес.

{13} Роберт Дж. Блэкберн[325], «Сэр Эрнест Уайльд, К. А.», с. 174–175.

{14} Периодически публикуемые Национальным Профсоюзом Обществ Равноправных Граждан[326] факты показывают, что право голосовать отнюдь не является незначительным. *«Публикация под названием „Что натворило право голоса“ изначально представляла собой листовку; однако сейчас, в 1927 году, она превратилась в шестистраничную брошюру и постоянно увеличивается»* (М. Г. Фоссет[327] и Э. М. Тернер[328], «Жозефина Батлер[329]», примечание, с. 101).

{15} Не существует цифр, подтверждающих то огромное влияние, какое оказывают обстоятельства на биологию и психологию полов. Началом столь необходимого, но по каким-то причинам игнорируемого вступления должна стать крупная карта Англии, на которой мелком красного цвета заштрихована земля, принадлежащая мужчинам, а синим — женщинам. Затем необходимо сравнить количества овец и крупного рогатого скота, уничтоженных мужчиной и женщиной, бочек вина и пива, табака, а после чего мы обязаны тщательно изучить их физическую подготовку, навыки работы по дому, возможность сексуальных связей и т. д. Историки обычно интересуются лишь войной и политикой, но время от времени освещают и человеческую натуру. Так, Маколей[330], изучавший джентльменов Англии XVII века, пишет: *«Его жена и дочь мало что умели и вызывали интереса не больше, чем нынешние кухарки и горничные. Они занимались вязанием и шитьем, варили вино из крыжовника, лечились календулой и сушили сухари для пирогов с олениной»*.

И далее: *«Домохозяйки, работа которых была в основном стряпать, удалялись, едва пустели тарелки, оставляя джентльменов наедине с их элем и табаком»* (Маколей, «История Англии», глава третья). Но, пока джентльмены выпивали, женщины отдыхали перед следующей готовкой. *«В молодые годы моей матери, когда та еще не вышла замуж, традиция времен Регентства[331] напиваться по-прежнему была в ходу. В Уоберн-Эбби[332] у старого верного дворецкого имелся своего рода обычай еженощно докладывать моей бабушке в гостиной. „Сегодня джентльмены отлично посидели; молодым леди стоило бы удалиться“, или „господа в этот вечер многое не успели“, — сообщал преданный дворецкий согласно обстоятельствам. Если молодых дам отсылали в комнаты, они любили наблюдать, стоя наверху, у лестничных перил, за громкой и бурной полемикой толпы джентльменов, выходящих из столовой»* (Лорд Ф. Гамильтон[333], «Совсем недавно», с. 322). Оставим эту задачу ученым будущего — поведать нам, как именно повлияли выпивка

и имущество на хромосомы следующих поколений.

{16} Тот факт, что и мужчины и женщины имеют ярко выраженную, хоть и по-разному, страсть к одежде, кажется, избежал внимания сильного пола, в значительной степени благодаря гипнотической силе доминирования. Так, покойный судья Маккарди[334], подводя итоги дела миссис Фрэнко, отметил: *«Нельзя ожидать, что женщины отрекутся от присущей им женственности или справятся с естественным желанием прикрыть какой-нибудь неисправимый физический недостаток … в конце концов, именно платье — главный способ их самовыражения… В вопросах одежды дамы всю жизнь ведут себя как дети, и психологию данного явления не стоит упускать из вида. Но, принимая во внимание вышесказанное, закон постановил, что надо соблюдать меру и не выходить за рамки благоразумия»*. Судья, огласивший это решение, носил ярко-красную мантию, меховую накидку и огромный кучерявый парик. И то, что сам он не наслаждался *«одним из естественных желаний скрыть какой-нибудь неисправимый физический недостаток»* или *«соблюдал меру и не вышел за рамки благоразумия»*, надо поставить под сомнение. Однако *«психологию данного явления не стоит упускать из вида»*; и тот факт, что сходство его внешнего вида с адмиралами, генералами, герольдами[335], лейб-гвардией[336], пэрами[337], бифитерами[338] и т. д. было настолько незаметным для него, что он позволил себе читать дамам нотации без всякого осознания и солидарности в отношении ее слабости, поднимает два вопроса. Как долго нужно совершать действие, прежде чем оно станет традицией; и — какой уровень социального престижа вызывает слепоту к великолепию собственной одежды? Необычный наряд, который не ассоциируется с какой-либо должностью и работой, редко избегает насмешек.

{17} Согласно Новогоднему Списку Почестей[339] за 1937 год, 147 мужчин получили звания и титулы — и всего 7 женщин. Очевидно, что такую статистику нельзя использовать для соизмерения их страсти к подобным достижениям. Но женщине, бесспорно, гораздо легче отказаться от славы. Интеллект, грубо говоря, является важнейшим профессиональным достижением мужчины, а звезды и ленты на его одежде — основным способом демонстрации этих достижений; главным же показателем профессиональных достижений женщины служит красота. По этой причине настолько же неразумно просить Его отказаться от Рыцарства, как и Ее — от нарядов. Суммы, выплачиваемой в 1901 году за Рыцарство, хватило бы для оплаты весьма внушительных потребностей женщины в одежде. *«21 апреля (воскресенье) — встретил Мэйнелла*[340]*, который, как всегда, сплетничал.*

Оказывается, долги Короля неофициально гасятся за счет его друзей, у одного из которых одолжили 100 тысяч фунтов, за что он взял себе четверть суммы в виде процентов плюс деньги за Рыцарство» (Уилфред Скоуэн Блант[341], «Мои дневники», ч. 2, с. 8).

{18} Обычному человеку сложно узнать точные цифры. Но существенность этих доходов предположительно следует из восхитительного очерка, опубликованного несколько лет назад мистером Дж. М. Кейнсом[342] в «The Nation[343]» об истории Клэр-колледжа[344] Кембриджа. Говорят, *«публикация книги стоила 6тысяч фунтов»*. Ходят также слухи, что группа студентов, возвращавшихся рано утром на кампус после очередного праздника, заметила в небе облако, по форме напоминавшее, как им показалось, женщину, вымаливающую знак свыше; она стояла в потоке лучистого света и произносила одно только слово *«Крысы!»*. Это было воспринято как подтверждение слов из вышеупомянутого номера «The Nation» о том, что студентки одного женского колледжа неимоверно страдают от *«холодных скрипучих полов в спальнях на нижнем этаже, который кишит грызунами»*. Видение, таким образом, как бы подчеркнуло, что если джентльмены из Клэр-колледжа хотят оказать ей честь, то лучше выписать чек в 6000 фунтов на имя директрисы, чем издавать книгу *«пусть даже на самой дорогой бумаге и в лучшем льняном переплете…»*. И нет ни грамма вымысла в других словах из вышеупомянутого номера «The Nation» о том, что в прошлом году из юбилейной премии и частных пожертвований *«Самервилл-колледжу*[345] *перепала лишь жалкая сумма в 7000фунтов»*.

{19} Один известный историк описал происхождение и сущность университетов, в одном из которых он получил образование, следующим образом: *«Оксфорд и Кембридж были основаны в темные времена*[346] *ложной и варварской науки, и они до сих пор не избавились от пережитков старины… Правовое объединение этих учреждений в корпорацию, дарованное хартиями патриархов и королей, обеспечило им монополию на государственное образование. Но на деле эти монополисты ограничены, ленивы и деспотичны: их низкая производительность труда оплачивается выше, чем работа независимых директоров; а нововведения, связанные со страстной борьбой за свободу, принимаются в этих учреждениях, построенных на страхе конкуренции и непризнании собственных ошибок, крайне медленно и неохотно. С трудом можно ожидать, что какие-либо реформы будут приняты ими добровольно; они так сильно увязли в обычаях и предрассудках, что даже всесильный Парламент не справляется с положением дел и злоупотреблением властью в обоих*

университетах» (Эдвард Гиббон[347], «Мемуары и письма»). Однако в середине XIX века *«всесильный Парламент»* добрался-таки до *«положения дел Оксфорда, его дисциплин, исследований и доходов. Но от колледжей исходило столько пассивного сопротивления, что последняя попытка изучить их дела полностью провалилась. Но было установлено, что из 542 братств колледжей Оксфорда лишь 22 действительно открыты для вступления без каких-либо ограничительных условий, вроде наличия покровителей, свободных мест или родственных связей. Члены комиссии… пришли к выводу, что обвинения Гиббона небеспочвенны…»* (Лори Магнус[348], «Герберт Уоррен[349] из Модлин-колледжа[350]», с. 47–49). Тем не менее престиж университетского образования по-прежнему остается высоким, а братства — чрезвычайно привлекательными для вступления. Когда Пьюзи[351] поступил в Ориэлл[352], *«колокола приходской церкви выразили свое почтение его отцу и семье»*. Когда Ньюмен[353] вступил в братство, *«его семья позаботилась, чтобы колокола всех трех главных башен об этом трезвонили»* (Джеффри Фейбер[354] «Оксфордские Апостолы», с. 69, 131). Кроме того, Пьюзи и Ньюмен считались высоко духовными людьми.

{20} Мэри Баттс[355], «Хрустальный зал», с. 138. Полная цитата: *«Так много свобод и невинных удовольствий было отнято у людей во имя Господа, дабы сообщить тем самым и мне, что стремление женщин получить образование идет вразрез с Его волей»*. Это примечание делает образование настолько привлекательным, что нам следует обзавестись биографией, написанной дочерью образованного мужчины, того Божества, во имя которого свершались подобные злодеяния. Так или иначе, влияние религии на женское образование едва ли можно преувеличить. *«К примеру*, — говорит Томас Гизбэн, — *если назначение музыки в церкви понятно, это не значит, что стоит упускать из вида ее влияние на усиление набожности человека. Если предметом обсуждения является картина, нужно учить студенток просто обдумывать в своих письменных работах вопросы происхождения силы, мудрости и добродетели художника»* (Томас Гизбэн, «Обязанности женщин», с. 85). Тот факт, что мистер Гизбэн и ему подобные — большая группа людей — базируют свои теории образования на учениях апостола Павла, наводит на мысль о том, что женщины должны обучаться простому *«обдумыванию в своих письменных работах вопросов происхождения силы, мудрости и добродетели»* не столько того Божества, сколько самого мистера Гизбэна. На наших глазах биография Господа превращается в церковный биографический словарь.

{21} Флоренс М. Смит[356], «Мэри Эстел». *«К сожалению, противодействие подобному нововведению, как женский колледж, было сильнее заинтересованности в нем и исходило не только от сатириков тех лет, которые во все времена считали прогрессивную женщину предметом насмешек и сделали Мэри Эстел героиней заезженных шуток в стиле „Наученных женщин“*[357]*, но и священников, узревших попытку вернуть папство*[358]*. Сильнейшим оппонентом идеи женского образования был один епископ, который, как утверждает Бэлларда*[359]*, помешал известной женщине получить 10тысяч фунтов на организацию колледжа. Элизабет Эльстоб*[360] *выдала имя этого епископа Бэлларду в ответ на его запрос. „Согласно Элизабет Эльстоб, это был епископ Бернет, предотвративший тот замечательный план разубеждением Той леди от его реализации“»* (с. 21–22 цитируемого произведения). *«Той леди»* могла быть принцесса Анна или леди Элизабет Гастингс[361], но обстоятельства заставляют думать в пользу первой. То, что церковь проглотила деньги, лишь допущение, которое, однако, находит свое подтверждение в истории церкви.

{22} Ода Музыке, исполненная в Доме Сената[362], 1 июля 1769 г.

{23} *«Уверяю вас, я не противник женщин. Я очень благосклонно отношусь к их материнству или занятию какой-либо другой низкооплачиваемой деятельностью. Однако у меня есть некоторые сомнения по поводу их успешности в бизнесе. Я уверен, что нервы большинства женщин сдадут под натиском страха, а многим из них не хватит дисциплинированного молчания, столь необходимого для любого сотрудничества. Может, две тысячи лет назад вы все это и могли изменить, но нынешние женщины лишь флиртуют с мужчинами и ссорятся между собой».* Выдержка из письма Уолтера Бэджета[363] к Эмили Дэвис[364], которая просила у него помощи в строительстве Гертон-колледжа.

{24} Сэр Дж. Дж. Томпсон, «Воспоминания и мысли», с. 86–88, 296–297.

{25} *«Кембридж до сих пор не принимает женщин на равных правах; он жалует им только номинальные степени, вследствие чего они и не участвуют в управлении университетом»* (Филиппа Стрэйчи[365], «Меморандум о Положении Английских Женщин по Отношению к Английским Мужчинам», 1935 г., с. 26). Тем не менее правительство выделяет Кембриджу *«щедрые гранты»* из государственных денег.

{26} *«Общее число студенток привилегированных институтов высшего образования для женщин, обучающихся или работающих в лабораториях и музеях университета, ни при каких условиях не должно превышать пятисот»* (Справочник студента Кембриджа,

1934–1935, с. 616). Уитакер[366] сообщает нам, что число студентов мужского пола, проживавших в Кембридже в октябре 1935 года, составляло 5328. Для них, похоже, подобных ограничений нет.

{27} Мужской список стипендиатов Кембриджа, напечатанный в «Times» от 20 декабря 1937 года, составляет примерно 31 дюйм[367] в длину, подобный женский список — лишь 5 дюймов. Существует, однако, 17 колледжей для мужчин, а указанный выше список включает лишь 11 из них, таким образом, величина в 31 дюйм должна быть увеличена. Женских же колледжей всего два, и оба они учтены в списке стипендиатов.

{28} При жизни леди Стенли из Элдерли[368] в Гертоне не было часовни. *«Она возражала против ее постройки, утверждая, что все доступные средства должны быть потрачены на образование. „Пока я жива, не будет часовен на территории Гертона“, — слышал я ее слова. Нынешнюю часовню построили сразу после ее смерти»* (Патриция[369] и Бертран Рассел[370], «Записки Эмберли»[371], т. 1, с. 17). Вот бы ее дух обладал таким же влиянием как тело! Но, как говорится, у призраков нет чековых книжек.

{29} *«Кроме того, мне кажется, что школы для девочек были, в целом, рады перенять основные принципы обучения от давно существующих, традиционных институтов образования людей моего собственного, более слабого пола. Я считаю, что все проблемы от современных гениев с их оригинальными идеями…»* (К. А. Элингтон[372], «Вещи древние и современные», с. 216, 217). Едва ли требуется современный и оригинальный гений, дабы понять, что, во-первых, *«принципы»* должны стоить дешевле. А, во-вторых, интересно, какой смысл вложен в слова *«более слабый»* в данном контексте. Поскольку доктор[373] Элингтон был директором Итона, ему следовало бы знать, что люди его пола не только получили, но и сохранили внушительные доходы этой старинной организации, что, очевидно, свидетельствует не о слабости мужского пола, а о его силе. О том, что Итон не *«слабый»,* по крайней мере с материальной стороны, говорит следующая цитата Элингтона: *«Следуя предложению одного из комитетов премьер-министра по вопросам образования, ректор и его коллеги в мое время постановили, что все стипендии в Итоне должны иметь фиксированное значение, которое при необходимости можно было щедро увеличить. И прибавка эта была настолько хорошей, что родители некоторых мальчиков не платили ни за жилье, ни за образование своих детей».* Одним из благодетелей являлся покойный лорд Розбери[374]. *«Он был великодушным благотворителем колледжа,* — сообщает нам

Элингтон, — *и обеспечивал Итон стипендией, с которой связан один интересный эпизод. Он спросил меня, достаточен ли его взнос, и я намекнул, что дополнительные 200фунтов обеспечат премию экзаменатора. Он же прислал чек на 2000фунтов. У него имелось свое мнение на этот счет, я же сохранил его ответ, в котором говорилось, что круглая сумма выглядит солидней»* (цитируемое издание, с. 163, 186). Сумма, израсходованная в 1854 году на зарплаты штатных и временных учителей женской части колледжа Челтнем[375], составила 1300 фунтов; *«а в декабре на их счету обнаружился дефицит в 400фунтов»* (Элизабет Рейкс[376], «Доротея Бил[377] из Челтнема», с. 91).

{30} Эти слова требуют подтверждения. Никто и не говорит, что все лекторы и лекции *«тщеславны и порочны»*; многим вещам можно научить лишь с помощью наглядных занятий и диаграмм. *«Тщеславными и порочными»* в тексте названы, скорее, сыновья и дочери образованных мужчин, которые читают своим братьям и сестрам лекции по английской литературе, ведь, во-первых, эта устаревшая традиция тянется со средневековья, когда не хватало книг, а ее живучесть обусловлена денежными соображениями и отчасти любопытством; во-вторых, публикация этих лекций в виде книги является достаточным доказательством дурного влияния публики на интеллект лектора; а высота кафедры, с которой он выступает, с точки зрения психологии поощряет его тщеславие и чувство собственной важности. Кроме того, сведение изучения литературы к сдаче экзамена должно вызвать недоверие всех, кто не понаслышке знаком с трудностями самого предмета и чрезвычайно поверхностными суждениями о нем экзаменаторов; и глубочайшее огорчение у тех, кто хочет по крайней мере один вид искусства уберечь, насколько это вообще возможно, от посредников и любой ассоциации с соперничеством и наживой денег. А жестокость, с которой одна литературная школа выступает нынче против другой, и скорость того, как одни вкусы сменяют другие, можно не без оснований приписать силе, с помощью которой взрослый человек, читающий лекции, заражает незрелые умы студентов твердыми, но поверхностными суждениями и собственной предвзятостью. Не говоря уже о появлении стандартов написания критических и творческих работ. Печальным доказательством психологической манипуляции лекторов молодыми умами является неуклонное увеличение спроса на лекции по английской литературе (спросите любого писателя) именно со стороны тех, кто чтению должен был научиться дома — образованных людей. А если порой литературные общества колледжей нуждаются не в знании английской литературы, а в знакомствах с писателями, то для

этого устраивают вечера с коктейлями и хересом, которые лучше не смешивать с Прустом[378]. Конечно, ничего из вышесказанного не относится к тем, в чьих домах всегда недоставало книг. Если рабочий класс считает, что легче усваивать английскую литературу, передавая ее из уст в уста, очевидно, он имеет полное право просить у образованного класса помощи в этом. Но для сыновей и дочерей интеллигенции потягивание английской литературы через соломинку после восемнадцати лет становится привычкой — *«тщеславной и порочной»;* а тех, кто им потворствует, эти заслуженные слова характеризуют еще точнее.

{31} Трудно узнать, какие именно суммы выделяли дочерям образованных мужчин на содержание до замужества. София Джекс-Блэйк[379] ежегодно получала от 30 до 40 фунтов; а отец ее принадлежал к средней буржуазии. Леди Ласселс[380], чей отец был графом[381], в 1860 году получила, кажется, около 100 фунтов; мистер Барретт[382], преуспевающий торговец, выдавал своей дочери Элизабет[383] *«от 40 до 45фунтов за вычетом подоходного налога… раз в три месяца»*. И, судя по всему, это скорее прибыль от 8 тысячи фунтов (*«или около того… спрашивать о деньгах вообще непросто»*), лежавших *«на ее счетах»«под разные процентные ставки»*, которыми владела Элизабет, а распоряжался, очевидно, ее отец. Но то были незамужние женщины. Замужним не разрешалось иметь какую-либо собственность до Закона об Имуществе Замужних Женщин 1870 года[384]. Леди Элье[385] написала, что, поскольку ее брачный договор был составлен в соответствии со старым законом, *«все имеющиеся деньги переданы мужу*[386]*, и не предназначалось ни единого фунта на мои личные расходы… не было ни чековой книжки, ни возможности получить наличные, кроме как попросить их у супруга. Он был добрым и щедрым, но молча все-таки соглашался с тем, что собственность женщины целиком принадлежит мужу… он оплачивал все мои счета, хранил у себя мою банковскую книжку и выдавал небольшие суммы на карманные расходы»* (Леди Элье, «Воспоминания за пятьдесят лет», с. 341). К сожалению, она не указывает точные цифры, но суммы, отпускаемые сыновьям образованных мужчин, были значительно больше. В 1880 году 200 фунтов считались минимально необходимой суммой для студента Баллиол-колледжа[387], *«хранившего традиции экономности»*. Таких денег *«не хватало на охоту или азартные игры… Но бережливость и поддержка родителей на каникулах позволяла заниматься и этим»* (из книги «Энтони Хоуп[388] и его записи» под редакцией сэра Ч. Маллета[389], с. 38). В наше время сумма, необходимая студенту, гораздо больше. Джино Уоткинс[390] *«никогда не тратил*

более 400фунтов в год, оплачивая счета в колледже и на каникулах» (Дж. М. Скотт[391], «Джино Уоткинс», с. 59). Таким было положение дел в Кембридже всего несколько лет назад.

{32} Как часто на протяжении XIX века женщин высмеивали за попытки войти в священный мир мужских профессий, знают любители романов, поскольку одни только эти усилия обеспечили нам половину всей имеющейся беллетристики. Но биографии показывают, что это было и остается в наше время естественным для большинства просвещенных мужчин — считать всех женщин прядильщицами[392] в ожидании замужества. Например: *«„О, дорогая! Что с ними происходит?“ — печально спросил он (Голсуорси Лавс Дикинсон[393]) однажды о потоке честолюбивых, но совершенно не вдохновляющих старых дев, наводнивших внутренний дворик Кингз-колледжа[394]; „я не знаю, да и сами они не знают“. И затем еще тише, будто книги на его полках могли подслушать, добавил: „О, Боже! Они точно хотят замуж“»* (Э. М. Форстер[395], «Голсуорси Лавс Дикинсон», с. 106). Что они действительно *«точно хотели»*, так это, чтобы адвокатура, Лондонская фондовая биржа или залы зданий Гиббса[396] имели возможность принять их. Но они не имели, поэтому высказывание мистера Дикинсона было вполне естественным.

{33} *«Сейчас, как и прежде, по крайней мере в больших домах, проводятся официальные, тщательно и заранее спланированные приемы, где господствует один единственный идол — фазан, охота на которого всегда была отдельным развлечением. В такие моменты отец семейства отстаивал свою честь. Если его дом наполнялся гостями до отказа, вина лились рекой и именно его меткий выстрел мог обеспечить главное блюдо на столе, то и ружья он должен был иметь самые лучшие. В какое отчаяние могло повергнуть мать дочерей сообщение о том, что именно тот гость, которого она в тайне хотела пригласить для них, был недопустимо плохим стрелком!»* («Общество и светское время», Мэри, графиня Лавлейс, из сборника «50 лет. Контраст воспоминаний. Общая картина периода 1882–1932», с. 29).

{34} Представления мужчин, по крайней мере в XIX веке, о том, как должны были разговаривать и вести себя их жены, можно почерпнуть из письма Джона Бодлера[397], *«адресованном одной молодой леди, с которой незадолго до ее замужества он имел серьезные отношения». «Перво-наперво, избегайте всего, что имеет хоть малейшее отношение к бестактности или непристойности. Немногие женщины действительно представляют, насколько сильное отвращение испытывают мужчины, сталкиваясь хотя бы с малейшим намеком на указанное поведение любой женщины,*

особенно той, с которой они связаны. Посещая детские сады или навещая больных людей, женщины приобретают привычку разговаривать на подобные темы таким языком, который шокирует тактичных мужчин» (Мемуары Джона Бодлера, с. 123). Однако после замужества даже истинная и неотъемлемая тактичность могла исчезнуть. *«В семидесятые годы прошлого века мисс Джекс-Блэйк и ее коллеги энергично боролись за признание права женщин получать медицинское образование, а доктора еще сильнее противостояли этому, утверждая, что крайне вульгарно и аморально для любой женщины — стать врачом и иметь дело с деликатными и интимными медицинскими случаями. В то время Эрнест Харт*[398]*, редактор Британского Медицинского Журнала*[399]*, сказал мне, что большинство статей, присланных ему на публикацию в журнале, касательно интимных и деликатных медицинских случаев, были написаны женами врачей, которые, очевидно, диктовали им текст. Тогда ведь не было стенографистов и печатных машинок»* (сэр Дж. Кричтон-Брауни[400], «Размышления врача», с. 73–74).

Однако лицемерие в вопросе тактичности наблюдалось и задолго до этого. Так, Мандевиль[401] в своей «Басне о пчелах[402]» пишет: *«Я бы для начала отметил, что Женская Скромность есть результат Традиций и Образования, из-за которых любая Бестактность и грязные Выражения внушают им страх и омерзение, и что, несмотря на это, даже у самой Целомудренной Молодой Женщины, как ни старайся, в воображении часто будут возникать Мысли и разные запутанные Идеи, которые она не раскроет некоторым Людям и в Тысяче Слов».*

{35} Процитируем точные слова одной из подобных просьб: *«Этим письмом мы просим отложить для нас одежду, которая вам больше не нужна… В том числе и чулки, какими бы поношенными они ни были… Комитет считает, что, предлагая подобные вещи по льготной цене… он тем самым оказывает неоценимую помощь женщинам, чья работа требует презентабельного вида и вечерних платьев, которые они себе с трудом могут позволить»* (Фрагмент письма, полученного из Лондонского Национального Общества Помощи Женщинам, 1938 г.).

{36} С. Э. М. Джуд, «Убеждения Джуда», с. 210–211. Поскольку список обществ, так или иначе занимающихся под эгидой англичанок вопросами мира, слишком велик, чтобы его цитировать (см. «Историю декларации разоружения[403]», с. 15, перечень мероприятий, организованных образованными женщинами, представительницами рабочего класса и бизнеса), нет необходимости воспринимать всерьез критику мистера

Джуда, разве что с точки зрения психологии.

{37} Г. Дж. Уэллс, «Опыт автобиографии», с. 486. *«Сопротивление мужчин уничтожению их свободы нацистами и фашистами»* могло бы быть и посущественней. Но факт его успешности точно сомнителен. *«Сейчас нацисты взяли под контроль всю Австрию»* (отчет ежедневной газеты от 12 марта, 1938 г.).

{38} *«Женщины, по моему мнению, не должны сидеть с мужчинами за одним столом; их присутствие мешает разговору, делая его тривиальным и претенциозным, а в лучшем случае — просто изысканным»* (С. Э. М. Джуд, «Под пятым ребром», с. 58). Поразительно честное мнение, и если бы все, кто разделяет чувства мистера Джуда, выражали бы их так же открыто, то дилемма почетного казначея — кого просить о помощи, а кого нет — стала бы куда проще и сохранила ей много сил. Если бы те, кто предпочитает сидеть за столом с лицами лишь своего пола, ввели символику: мужчины, скажем, носили бы красную, а женщины — белую розетку, в то время как остальные, кто выберет разношерстную компанию, носили двухцветные бутоньерки, — это не только бы снизило неудобство и недопонимание, но и, вероятно, уничтожило определенную форму очень распространенного в наше время социального лицемерия. Тем временем искренность мистера Джуда заслуживает самой высокой похвалы, а его пожелания — безоговорочного исполнения.

{39} Согласно миссис Х. М. Суэнвик[404], доход СПСЖ *«за счет пожертвований составил в 1912 году 42тысячи фунтов»* (из ее автобиографии «Я была молодой», с. 189). В том же году доход СНЖ[405] составил 26 тысяч 772 фунта 12 шиллингов и 9 пенсов (Рэй Стрэйчи, «Причина», с. 311). Таким образом, суммарный доход составил 68 тысяч 772 фунта 12 шиллингов и 9 пенсов. Правда оба союза, конечно, соперничали.

{40} *«За некоторым исключением общий рост доходов женщин в целом невелик, и заработок в 250фунтов за год является существенным достижением даже для высококвалифицированной женщины с многолетним стажем»* (Рэй Стрэйчи, «Карьера и перспективы женщин», с. 70). Тем не менее *«число женщин, работающих по профессии, за последние двадцать лет значительно увеличилось и составило в 1931 году около 400тысяч, не считая секретарей на государственной службе»* (с. 44).

{41} Доход Лейбористской партии в 1936 году составил 50 тысяч 153 фунта («Daily Telegraph», сентябрь, 1937 г.).

{42} Уильям А. Робсон, «Британский госслужащий: Общественная Служба», с. 16. Профессор Эрнест Баркер[406]

считает, что для *«мужчин и женщин более высокого уровня»*, которые уже провели несколько лет на общественной и социальной работе, должен быть отдельный Экзамен на Государственную Службу. *«Женщины от этого только выиграют. Ведь мало кто из студенток участвует в нынешнем открытом состязании; и очень немногие одерживают в нем победу. Возможно и весьма вероятно, что в альтернативной системе гораздо большее количество женщин стало бы кандидатами. У них есть и склонность, и талант к социальной работе и службе. Альтернативная форма экзамена дала бы им возможность продемонстрировать эти качества и стимулировала к конкуренции за место на государственной службе, где их таланты и присутствие необходимы»* (Эрнест Баркер, та же книга, с. 41). Но, пока домашние дела остаются столь же обременительными, сложно представить, что способно побудить женщину саму отдать *«свой талант и внимание»* штатской работе, пока государство не примет на себя заботу об ее пожилых родителях; или не наложит на них, независимо от пола, уголовную ответственность за требование к дочери работать по дому.

{43} Слова Мистера Болдуина, выступающего с речью на Даунинг-стрит на митинге от имени Строительного Фонда колледжа Ньюнем, 31 марта, 1936 г.

{44} Именно так характеризует женщину в должности проповедника издание «Женщины и Духовенство: Некоторые Аспекты „Отчета Комиссии Архиепископов о Женщинах и Духовенстве“»[407] (1936), с. 24. *«Мы считаем, что богослужение женщин… снизит духовную атмосферу христианского вероисповедания, чего практически (или даже абсолютно) не наблюдается при богослужении мужчин, по крайней мере, пока приход не будет состоять в основном из женщин. Возможность сделать такое заявление является данью качеству христианской женственности; едва ли можно оспорить тот факт, что в мечтах и мыслях женщин земное легче подчиняется божественному, а плотское — духовному, нежели у мужчин. И, несомненно, богослужение мужчин обычно не будоражит ту сторону женской натуры, которой не следует обнаруживать себя во время поклонения всемогущему Богу. С другой стороны, мы полагаем, что для представителей мужского пола среднестатистической англиканской конгрегации было бы невозможным присутствовать на богослужении, где процессом руководит женщина, не становясь при этом заложниками чрезмерного ощущения ее половой принадлежности».*

Согласно уполномоченным по делам Церкви, однако, факт того, что христианские женщины гораздо более духовны, нежели

мужчины, является необычной, но, без сомнения, достаточной причиной недопущения их к церковной службе.

{45} «Daily Telegraph» от 20 января, 1936 г.

{46} «Daily Telegraph», 1936 г.

{47} «Daily Telegraph» от 22 января, 1936 г.

{48} *«Насколько мне известно, в данном вопросе (сексуальных отношений между госслужащими) общих правил нет; но государственные и муниципальные служащие, безусловно, должны придерживаться общепринятых норм и избегать поведения, которое может быть освещено прессой как „скандальное“. До недавнего времени сексуальные отношения между мужчиной и женщиной в Министерстве Почт*[408] *карались немедленным увольнением обеих сторон… Избежать публичной огласки в прессе достаточно легко посредством судебного процесса; однако официальные ограничения простираются гораздо дальше, для того чтобы удержать женщин, находящихся на государственной службе (которые, выйдя замуж, обычно увольняются*[409]*) от открытого (публичного) сожительства с мужчиной. В этом случае дело носит другой характер»* (Уильям А. Робсон «Британский госслужащий: Общественная Служба», с. 14–15).

{49} Большинство мужских клубов отводит женщинам специальную комнату или даже пристройку и не допускает в другие помещения, объясняя это их нечистоплотностью, как, например, в Софийском соборе, или же, наоборот, как в Помпеи[410], — чрезмерной чистоплотностью. Есть над чем задуматься.

{50} Способность прессы замять дискуссию на любую неприемлемую тему была и остается чрезвычайно огромной. Для Жозефины Батлер это стало одним из *«серьезных препятствий»*, с которыми ей пришлось столкнуться в ходе кампании против Закона об Инфекционных Заболеваниях[411]. *«В начале 1870 года пресса Лондона начала вести в отношении этого вопроса политику умалчивания, продлившуюся много лет, и вызвала тем самым знаменитый „Протест против Заговора Тишины“ Ассоциации Женщин, подписанный Гарриет Мартино*[412] *и Жозефиной Батлер и содержащий следующие слова: „Разумеется, пока среди журналистов процветает подобный заговор тишины, мы, англичане, особенно подчеркиваем свои намерения, как свободного народа, вести борьбу за независимую прессу и право услышать оба мнения по поводу столь важного вопроса этики и законодательства“»* (Жозефина Батлер, «Личные воспоминания о Крестовом походе», с. 49). В ходе борьбы за право женщин голосовать пресса также эффективно бойкотировала освещение этого вопроса. А совсем недавно, в июле 1937 года, Филиппа

Стрэйчи в своем письме «Заговор тишины», опубликованным (честь для нее) в журнале «Spectator»[413], практически повторяет слова миссис Батлер: *«Огромное число мужчин и женщин приняли участие в попытке заставить Правительство отказаться в своей новой Пенсионной схеме*[414] *для белых воротничков*[415] *от положения, которое впервые устанавливает различный доходный лимит для служащих мужского и женского пола… В прошлом месяце Пенсионная схема была представлена Палате лордов, где указанное положение было встречено сильным и решительным неприятием со стороны всех ее членов… События такого рода, кажется, должны представлять первостепенный интерес для ежедневной прессы. Но все издания, от „Times“ до „Daily Gerald*[416]*“, обошли вниманием этот вопрос… Дифференцированный подход к лицам разного пола в этой Пенсионной Схеме вызвал чувство негодования, не возникавшее со времен получения женщинами права голоса… Как объяснить, что все это было полностью сокрыто прессой?»*

{51} Битва за Вестминстер, конечно, без телесных ран не обошлась. Да и борьба за право голоса, безусловно, была гораздо более жестокой, нежели о ней вспоминают сейчас. Так, Флора Драммонд[417] говорит: *«Добились ли мы права голоса, благодаря нашим агитациям, как считаю я, или же получили его по каким-либо иным причинам, как поговаривают другие, я думаю, что многим людям молодого поколения будет сложно поверить в ожесточенность, с которой мы боролись за права женщин всего тридцать лет назад»* (Флора Драммонд для журнала «Listener[418]» от 25 августа, 1937 г.). Молодое поколение, по-видимому, настолько привыкло к жестокости, сопровождающей свободу, что эмоций для данного конкретного случая у него не осталось. К тому же эта борьба еще не заняла свое место среди всех прочих, превративших Англию в пристанище (а англичан — в защитников) свободы. Борьбу за право голоса все еще называют мерзким протестом: *«… и женщины… затеяли серию поджогов, стачки и уничтожение картин, что, в конце концов, заставило обе Передние Скамьи*[419] *согласиться с их правом голосовать»* (сэр Джон Сквайр[420], «Воспоминания и мысли», с. 10). Тем не менее можно понять молодых людей, которые верят, что в той кампании не было ничего героического и все закончилось лишь несколькими поджогами, парой разбитых окон и колен, а также испорченным (небезнадежно) с помощью ножа портретом Генри Джеймса[421] кисти Сарджента[422]. Вероятно, поджоги, стачки и уничтожение предметов искусства назовут героическими, если их затеют мужчины, причем в большем масштабе и с автоматами наперевес.

{52} Маргарет Тодд[423], «Жизнь Софии Джекс-Блэйк», с. 72.

{53} *«В последнее время много говорят и пишут о том, чем занимался и каких высот достиг сэр Стэнли Болдуин на посту премьер-министра, возможно, даже слишком часто. Позвольте привлечь ваше внимание к достижениям леди Болдуин*[424]*. Когда я впервые вошла в комитет госпиталя в 1929 году, обычным роженицам анальгетики не назначали, теперь же их используют практически в 100 % случаев. И это касается большинства больниц. Значительный прогресс за такой короткий срок является заслугой миссис Стэнли Болдуин, ее вдохновения, мужества и упорных трудов…»* (Письмо в «Times» от К. С. Вентворта-Стэнли, председателя комитета Палаты представителей, Лондонский Родильный дом[425], 1937 г.). Тогда как хлороформ был впервые назначен королеве Виктории, когда она рожала принца Леопольда в апреле 1853 года, *«обычным роженицам»* пришлось 76 лет ждать поддержки жены премьер-министра, дабы получить эту помощь.

{54} Согласно «Debrett[426]» Рыцари и Дамы Высочайшего Ордена Британской Империи[427] носят эмблему, состоящую из *«креста Patonce*[428]*, покрытого жемчужной эмалью и увенчанного золотым медальоном, в центре которого изображена Великобритания, помещенная внутрь красного ободка с девизом „За Бога и Империю“ по кругу»*. Это один из немногих орденов, которым награждают и Дам, чье положение в обществе, однако, подчеркнуто шириной ленты в 2 дюйма с четвертью, тогда как у Рыцарского ордена — 3 дюйма и три четверти. Размеры звезд на мужском и женском орденах также отличаются. А вот девиз, наоборот, один для всех, и, похоже, имеется в виду, что те, кто сами себя пометили этой надписью, видят некоторую связь между Богом и Империей и должны всегда быть готовыми встать на их защиту. О том, что случится, если Великобритании в красном ободке придется противостоять (что вполне вероятно) другому авторитету, место которому не отведено на эмблеме, «Debrett» умалчивает, а Рыцари и Дамы должны будут решить сами.

{55} Роберт Дж. Блэкхэм[429], «Жизнь сэра Эрнеста Уайльда, К. А.», с. 91.

{56} Речь лорда Болдуина, опубликованная в «Times» от 20 апреля, 1936 г.

{57} Г. Л. Прэстидж[430], Д. Б.[431], «Жизнь Чарльза Гора[432]», с. 240–241.

{58} Из книги «Жизнь сэра Уильяма Бродбента[433], Р. К. В. О.[434], Ч. К. В.[435]» под редакцией его дочери, М. Е. Бродбент, с. 242.

{59} Дезмонд Чапмэн-Хастон[436], «Потерянный историк,

мемуары сэра Синди Лоу[437]», с. 198.

{60} Уинстон Черчилль, «Размышления и приключения», с. 57.

{61} Речь лорда Лондондерри в Белфасте[438], «Times» от 11 июля, 1936 г.

{62} Уинстон Черчилль, «Размышления и приключения», с. 279.

{63} «Daily Gerald[439]» от 13 февраля, 1935 г.

{64} И. В. Гете, «Фауст» в пер. с нем. Мелиэн Стоуэлл[440] и Г. Л. Дикинсона.

{65} Из книги «Жизнь Чарльза Томлинсона», написанной его племянницей, Мэри Томлинсон, с. 30.

{66} Из книги «Мисс Уитон. Дневники Гувернантки, 1807–1811» под редакцией Эдварда Холла, с. 14.

{67} Б. А. Клаф, «Мемуары Анны Джемаймы Клаф», с. 32.

{68} Жозефина Батлер, «Личные воспоминания о Крестовом походе», с. 189.

{69} *«Мы-то с вами знаем, что не так уж страшно — быть частью утопленного настила в болоте, поверх которого лежит гать, если это поддерживает конструкцию и обеспечивает движение. И мы не против, если в будущем люди вообще забудут о нас там; на ком-то ведь нужно тренироваться, прежде чем придумают, как построить хороший мост. Мы готовы быть добровольцами, поскольку нам интересна конечная цель, мост, а не то, сколько усилий уйдет на его постройку; и мы верим, что в итоге наша помощь не будет забыта»* (Письмо Октавии Хилл[441] миссис Н. Сениор 20 сентября 1874 г., из книги Ч. Эдмунда Мориса[442] «Жизнь Октавии Хилл», с. 307–308).

Октавия Хилл организовала движение за *«улучшение жилищных условий бедных, а также за сохранение природных мест*[443]*… „Система Октавии Хилл*[444]*“ легла в основу целого плана по расширению [Амстердама]. В январе 1928 года построили не менее 28 тысяч 648 домов»* (Октавия Хилл, из писем под редакцией Эмили С. Морис[445], с. 10–11).

{70} Гувернантки играли очень важную роль в жизни аристократии с незапамятных времен и до 1914 года, когда достопочтенная Моника Гренфелл[446] отправилась ухаживать за ранеными солдатами в сопровождении одной из них (Моника Салмонд, «Блестящая броня», с. 20), что, по-видимому, требует некоторого признания. Обязанности этой гувернантки были странными. Так, например, она должна была провожать свою госпожу до Пикадилли, *«где из окон клубов на нее могли посмотреть несколько джентльменов»*, но не до Уайтчепел[447], где *«преступники, вероятно, скрывались за каждым углом»*. И все-таки труд ее был несомненно тяжелым. О том, какую роль в жизни Элизабет Барретт[448] сыграла Уилсон[449], всем читателям хорошо известно из ее знаменитых писем. В конце XIX века (примерно в 1889–1892 гг.) Гертруда Белл *«ходила вместе с Лиззи, своей гувернанткой, на выставки картин, званые обеды; а однажды пошла посмотреть вместе с ней на поселение в районе Уайтчепел, где работала Мэри Тальбот…»* (Из книги «Ранние письма Гертруды Белл» под редакцией Леди Ричмонд[450]). Нам остается лишь гадать, сколько часов Лиззи провела в гардеробных и сколько миль намотала, таскаясь по всем этим галереям и тротуарам Вест-Энда, но, видимо, это были очень длинные рабочие дни. Будем надеяться, Лиззи утешала себя мыслью о том, что она искренне следует наставлениям апостола Павла из его посланий к Титу и Коринфянам[451] и делает все возможное, чтобы тело ее госпожи оставалось целым и невредимым. При этом, ощущая себя физически и морально слабой, будто в темноте подвала, кишащего насекомыми, мысленно она, должно быть, не раз упрекала и апостола Павла за его целомудрие, и джентльменов с Пикадилли — за их похоть. Ужасно жаль, что в Национальном биографическом словаре[452] не найдется сведений, позволивших бы составить более четкое представление о жизни гувернанток.

{71} «Ранние письма Гертруды Белл» под редакцией Эльзы Ричмонд, с. 217–218.

{72} Вопрос непорочности души и тела представляет невероятную сложность и одновременно интерес. Понятие викторианцев, эдвардианцев[453] и большинства современников короля Георга V о непорочности опирается, если не копать

глубже, на слова апостола Павла. Для того чтобы понять их значение, мы должны проникнуться его психологией и окружающей обстановкой — нелегкая задача, если учесть, что биографических сведений о нем почти нет. Из самих посланий становится ясным, что он был поэтом и пророком, но страдал от нехватки логического мышления и не имел тех психологических знаний, с помощью которых нынешние люди, даже самые далекие от поэзии и предвидения, способны исследовать свои собственные чувства. Таким образом, его заявление о вуалях, на котором, судя по всему, и основана вся теория непорочности женщин, можно раскритиковать со всех сторон. В послании к Коринфянам он говорит: *«И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая*[454]*»*. Тогда мы просто обязаны спросить, а что же постыдного в лысой голове? Но вместо ответа апостол Павел продолжает: *«Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия…»*, — из чего следует, что быть обритым само по себе не очень стыдно, а вот быть при этом еще и женщиной — да. И это кажется несправедливым, поскольку *«…жена есть слава мужа*[455]*»*. Если бы апостол Павел прямо сказал, что ему просто нравятся женщины с длинными волосами, многие из нас согласились и были бы о нем лучшего мнения. Но из его следующих слов ясно, что он предпочел иные доводы: *«Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа; посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов*[456]*»*. Какое им дело до длинных волос, остается лишь догадываться, да и сам апостол Павел, видимо, имел некоторые сомнения, иначе бы не счел нужным приплести сюда еще и природу. *«Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала*[457]*»*. Такой аргумент, как нам кажется, необходимо скорректировать; природа, связанная с финансовой выгодой, редко имеет божественное происхождение; но если сам аргумент звучит весьма расплывчато, то вывод из него непреложен. *«Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит*[458]*»*. Призывая таким образом в помощь своим личным взглядам знакомую, но всегда подозрительную триаду сообщников в виде Ангелов, природы и закона, апостол Павел делает вывод, который невозможно не заметить: *«Если же они хотят чему-то научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви*[459]*»*. Сущность этого *«неприличия»*, столь тесно

ассоциированного с непорочностью, сформулирована в послании весьма неоднозначно и расплывчато. Кажется, что это связано с определенными половыми и личностными предрассудками апостола Павла, который, видимо, был не только холостяком (о его отношениях с Лидией[460] можно прочесть в «Апостоле Павле»[461] у Ренана[462], с. 149. *«Можно ли точно сказать, что Павел не имел с ней более близких отношений, нежели деловые? Мы этого утверждать не можем[463]».*) и, как многие холостяки, подозрительным по отношению к женщинам, но был он также поэтом и, подобно большинству из них, предпочитал пророчить сам, нежели слушать чьи-либо предсказания. Кроме того, он был человеком властного, доминантного типа, столь знакомого современной Германии, для которого расовое и половое превосходство имеет большое значение. Тогда, согласно определению апостола Павла, целомудрие, видимо, представляет собой сложное понятие, основанное на любви к длинным волосам и подчинению, любви иметь публику и диктовать ей свои условия, а также — на бессознательном, но чрезвычайно сильном природном желании, чтобы тело и разум одной женщины целиком и полностью принадлежало только одному мужчине. Подобная концепция, усиленная с помощью ангелов, природы, закона, традиций и Церкви, а также навязанная мужчиной, у которого на то есть свои мотивы и экономические возможности, была вне сомнения убедительной. Влияние этой концепции можно проследить через всю историю от апостола Павла до Гертруды Белл. Понятие непорочности использовали, чтобы запрещать женщине изучать медицину, рисовать обнаженную натуру, читать Шекспира, играть в оркестре и гулять по Бонд-Стрит[464] без сопровождения. В 1848 году считалось *«непростительным поведением»* для дочерей садовода — разъезжать по Риджент-Стрит[465] в кэбе[466] (Вайолет Маркэм[467], «Пакстон[468] и герцог-холостяк[469]», с. 288); а с откинутым верхом — так и вообще преступление, вопрос о тяжести которого отдали бы на суд теологам. В начале нынешнего столетия дочь одного владельца металлургического предприятия[470], будем говорить на чистоту, сэра Хью Белла[471], «*достигла двадцати семи лет и вышла замуж, так ни разу и не прогулявшись в одиночку по Пикадилли… Гертруде, разумеется, такое и не снилось…*». Вест-Энд вообще был запретной зоной. *«По сути, люди собственного класса были для нее табу»* (Из книги «Ранние письма Гетруды Белл» под редакцией Леди Ричмонд, с. 217–218). Понятие чистоты и целомудрия было настолько запутанным и противоречивым, что девушка, обязанная ходить по Пикадилли с покрытой головой, то есть в сопровождении

мужчины или служанки, в то же время могла наведаться в Уайтчепел или Севен Диалс[472], прибежище зла и нечистот, всего лишь с разрешения родителей. Но этот парадокс не исчерпывает всю тему. Так, еще ребенком, Чарльз Кингсли[473] воскликнул однажды: *«… да у девчонок же головы забиты учебой, помощью больным и нуждающимся, детскими пеленками и благотворительными клубами. Черт подери!!! И ведь идут же во все эти омерзительные, наибеднейшие и непристойные места, лишь бы навестить малоимущих да почитать им Библию. Матушка моя говорит, что девицам там не на что смотреть, да и вообще знать о существовании таких мест им не нужно»* (Маргарет Фаррэнд Торп[474], «Чарльз Кингсли», с. 12). Миссис Кингсли[475], однако, была исключением. Большинство дочерей образованных мужчин видели эти *«омерзительные места»* и знали о их существовании. Вполне вероятно, они не распространялись об этом; сейчас уже трудно сказать, как с точки зрения психологии на них повлияло такое умалчивание. Но та непорочность, природная или навязанная, несомненно, была (в хорошем или плохом смысле) их величайшей силой. Даже сегодня женщина, вероятно, должна одержать победу в серьезной психологической борьбе с призраком апостола Павла, прежде чем сможет завязать отношения с мужчиной, не являющимся ее мужем. Мало того, что общество ставило на ней свое клеймо от имени целомудрия, так еще и Закон о внебрачных детях приложил все усилия, дабы навязать это целомудрие при помощи финансового давления. До 1918 года, когда женщины получили право голоса, *«согласно Закону о внебрачных детях 1872 года, максимальная сумма, которую можно было взыскать с отца в качестве алиментов, независимо от его доходов, составляла пять шиллингов в неделю»* (М. Г. Фоссет и Э. М. Тернер, «Жозефина Батлер», примечание, с. 101). Теперь, когда святой Павел и многие из его апостолов разоблачены современной наукой, понятие целомудрия подверглось значительному пересмотру. Кроме того, говорят, что в некоторой степени его пересмотрели для обоих полов, отчасти по экономическим причинам, ведь защита целомудрия горничными — весьма значительная статья расходов для интеллигенции. Психологическое объяснение в пользу целомудрия замечательно формулирует мистер Эптон Синклер[476]: *«В последнее время мы постоянно слышим о психических проблемах, вызванных подавлением сексуальности, но это скорее дань моде. О комплексах, обусловленных сексуальной распущенностью, мы ничего не слышим. Однако, согласно моим наблюдениям, люди, которые потакают всем своим сексуальным желаниям, столь же несчастны, как и те, кто их подавляет.*

Помню, как однажды сказал сокурснику в колледже: „Тебе хоть раз приходило на ум остановиться на минуту и посмотреть на себя? Все, о чем ты думаешь, постоянно сводится к сексу“. Он выглядел настолько удивленным, что было видно, насколько эта идея для него нова. Обдумав ее, он ответил: „Наверно, ты прав“» (Эптон Синклер, «Искренние воспоминания», с. 63). Дополнительную иллюстрацию дает один анекдот: *«В великолепной библиотеке Колумбийского университета*[477] *хранятся уникальные сокровища, роскошные собрания гравюр; и вот как-то раз, следуя тенденциям моды, я отправился туда с твердым намерением изучить за пару недель все, что касается искусства эпохи Возрождения. Но был ошеломлен таким количеством наготы, чувства мои были задеты, и мне пришлось уйти»* (та же книга, с. 62–63).

{73} Здесь используется перевод сэра Ричарда Джебба[478] («Софокл, Пьесы и отрывки», с критическими заметками, комментариями и переложением в английскую прозу[479]). Невозможно судить о книге по ее переводу, даже если «Антигона» при таком прочтении кажется, очевидно, одним из величайших шедевров драматургии. Тем не менее, при необходимости ее, несомненно, можно превратить в пропаганду антифашизма. Саму Антигону можно переделать в миссис Панкхерст[480], разбившую окно и заключенную под стражу в Холлоуэй[481]; или во фрау Поммер, жену прусского чиновника в Эссене[482], которая сказала: *«„Религиозные конфликты достаточно глубоко вонзили в людей шипы своей ненависти, и нынешним мужчинам самое время исчезнуть“. Ее арестовали и будут судить за оскорбления и клевету в адрес государства, а также — за идеи нацизма»* («Times» от 12 августа,1935 г.). Преступление Антигоны и ее наказание за него были очень схожими по смыслу. Ее слова: *«Вот судья мой — и вот преступленье мое: благочестию честь воздала я!.. Но где ж тот бог, чью правду, горемыка, я преступила? Ах, могу ли я взирать с надеждой на богов, искать в них заступников? За благочестья подвиг нечестия я славу обрела!»* — могли быть произнесены как миссис Панкхерст, так и фрау Поммер; они актуальны и по всей день. И опять же слова Креонта, говорившего *«живую душу, дщерь дневного света, в гробницу ты безбожно заключил»* и полагавшего, что *«безначалье — худшее из зол»* и что *«кого народ начальником поставил, того и волю исполняй — и в малом, и в справедливом деле, и в ином»*, — типичны для определенных политиков прошлого, а в настоящем — для господина Гитлера и сеньора Муссолини. И, хотя персонажей античной литературы легко втиснуть в современные платья, удержать их в таком виде не получится. Они дают нам много пищи для размышлений; когда опускается занавес, мы, надо

отметить, сочувствуем даже Креонту. Такой эффект, нежелательный для пропагандиста, может быть связан с тем, что Софокл (даже в переводе) свободно пользуется всеми талантами писателя и поэтому предполагает, что если мы используем искусство для пропаганды политических взглядов, то должны заставить художника урезать и ограничить свой дар, дабы не использовать его в низких преходящих целях. Иначе литература претерпит те же изменения, что и мул[483]; нормальных лошадей просто не останется.

{74} Пять слов Антигоны: *«Делить любовь — удел мой, не вражду»*. На что Креонт отвечает: *«Ступай же к ним и их люби, коль надо; пока я жив, не покорюсь жене!»*[484]

{75} Даже сейчас, во время сильнейшего политического напряжения, поразительно, сколько критики продолжает обрушиваться на женщин. Заголовки типа *«Проницательное, остроумное и провокационное исследование современных женщин»* появляются у издателей в среднем раза три в год. Их автор, зачастую доктор литературы[485], всегда мужчина; а *«простому человеку»*, гласит обложка, *«эта книга откроет глаза»* (см. «Times Literary Supplement[486]» от 12 марта, 1938 г.).

{76} Будем надеяться, что какой-нибудь скрупулезный человек составил сборник различных анкет и манифестов, выпускавшихся в 1936–1937 гг. Частным людям, не имеющим политического образования, предлагали подписать обращения с просьбами к своим собственным и иностранным правительствам изменить их политику, искусствоведам — заполнить бланки, в которых указывалось надлежащее отношение художника к государству, религии и морали; от писателей требовали использовать высокий, грамотный английский язык и избегать вульгарных выражений; а мечтателям советовали анализировать свои сны. Стимулом являлось предложение публиковать результаты в ежедневной или еженедельной прессе. Какое влияние подобная инквизиция оказала на правительства разных стран, судить политикам. В отношении литературы, поскольку выпуск книг не ограничен, подобный эффект остается неясным. Но изучение данного вопроса представляет огромный психологический и социальный интерес. По-видимому, он проистекает из рассуждений Декана Инге[487] (Лекция имени Рикмана Годли[488], опубликовано в «Times» от 23 ноября, 1937 г.): *«Согласно собственным интересам, мы двигались в правильном направлении. Если мы продолжим в том же духе, превзойдет ли нас человек будущего или нет? Проницательные люди начинают понимать, что, прежде чем хвалить себя за быстрое развитие и прогресс, нам нужно иметь некоторое представление о том, куда на самом деле мы*

движемся», — к всеобщей неудовлетворенности собой и желанию *«жить иначе».* Также это косвенно указывает на смерть Сирены[489], той зачастую осмеянной леди высшего общества, которая, пуская в свой дом аристократию, плутократию[490], интеллигенцию, игноранцию и т. д., пыталась предоставить всем классам площадку для разговора, своеобразную когтеточку, где они могли бы с большей конфиденциальностью и, вероятно, тем же успехом оттачивать свой ум, манеры и мораль. Историки считают, что Сирена сыграла немаловажную роль в развитии культуры и интеллектуальной свободы в XVIII веке. Даже в наше время от нее была бы польза. У. Б. Йейтс[491] тому свидетель: *«Как же часто я мечтал о том, чтобы он [Синг[492]] прожил достаточно долго, дабы насладиться тем общением с праздными, очаровательными, образованными женщинами, которых Бальзак[493] в одном из своих посвящений назвал „главным утешением гения“»* («Символы[494]», У. Б. Йейтс, с. 127). Леди Сент-Хельер, которая, будучи Леди Джун[495], хранила традиции XVIII века, сообщает нам, однако, что *«яйца ржанки по 2 шиллинга и 6 пенсов за штуку, тепличная клубника, ранняя спаржа, цыплята… теперь считаются обычной необходимостью любого, кто хочет подать хороший обед»* (1909); и ее замечание о том, что день приема был *«очень утомительным… как я была взволнована в половине восьмого и с какой радостью в восемь ровно я села за мирный тет-а-тет ужин со своим мужем!»* («Мемуары за пятьдесят лет», Леди Сент-Хельер, с. 3, 5, 182), может объяснить, почему подобные дома закрыты, а их хозяйки мертвы, и почему, таким образом, интеллигенция, игноранция, аристократия, бюрократия, буржуазия и т. д. вынуждены (покуда кто-нибудь не возродит то общество) говорить публично. Но, принимая во внимание множество манифестов и анкет, которые сейчас находятся в обороте, было бы глупо предлагать уму и вниманию исследователей что-то иное.

{77} *«Однако 13 мая (1884) он начал читать еженедельные лекции в Квинсе, которые Морис[496] и другие профессора Кингс-колледжа организовали годом ранее, в основном — для обучения и аттестации гувернанток. Кингсли был готов принять участие в этой непопулярной задаче, поскольку верил в высшее образование для женщин»* («Чарльз Кингсли», Маргарет Фаррэнд Торп, с. 65).

{78} Из приведенной цитаты видно, что в вопросе выпуска манифестов французы столь же активны, как и англичане. То, что французам, не позволяющим своим женщинам голосовать и по-прежнему навязывающим им законы, средневековую строгость которых можно изучить в книге Фрэнсис Кларк[497] «Положение женщин в современной Франции», следует обратиться к

англичанкам с просьбой помочь им защитить свободу и культуру, должно вызывать удивление.

{79} Строгая точность, в данном случае слегка противоречащая гармонии и благозвучию, требует термина «портвейн». На снимке из еженедельной прессы «Лидеры в общей гостиной после обеда» (1937) запечатлена *«тележка на колесах, на которой графин с портвейном путешествует по кругу между гостями у камина и никогда не попадает под прямые солнечные лучи»*. На другом снимке изображен пивной бокал в употреблении. *«Согласно старому оксфордскому обычаю, упоминание определенных предметов Зала карается, и нарушитель должен выпить три пинты пива залпом…»* Этих примеров достаточно, чтобы понять, насколько трудно женщине описать жизнь в мужском колледже, не совершив какого-нибудь непростительного солецизма[498]. Однако джентльмены, обычаи которых, чего следует опасаться, зачастую пародируют, проявят снисходительность, когда задумаются о том, что писательница-романистка, какими бы благоговейными ни были ее намерения, работает в условиях серьезных физических ограничений. Захоти она, например, описать Банкет в Тринити-колледже Кембриджа, ей бы пришлось *«подслушивать ведущиеся там беседы через замочную скважину в комнате миссис Батлер (жены директора)»*. Наблюдение мисс Холдейн датируется 1907 годом, когда она осознала, что *«все окружающее кажется ей средневековым»* («Испокон веков», Элизабет Холдейн, с. 235).

{80} Согласно Уитакеру, существует, по-видимому, Королевское Литературное Общество и Британская академия, поскольку есть упоминания об офисах, служащих и официальных представителях, о полномочиях которых говорить невозможно, поскольку без Уитакера об их существовании никто бы и не подозревал.

{81} Женщинам, по-видимому, отменили доступ в читальный зал Британского музея в XVIII веке. Так, например: *«Мисс Чадли*[499] *просит разрешения пройти в читальный зал. Единственной студенткой, оказавшей нам такую честь, до сих пор была лишь миссис Маколей*[500]*, и ваша светлость, вероятно, вспомнит, какое неприятное событие оскорбило тонкость ее натуры»* (Дэниел Рэй[501] лорду Хардвику[502], 22 октября, 1768 г. Из книги Джона Николса[503] «Литературные истории восемнадцатого века», т. 1, с. 137). В примечании редактор добавляет: *«Это намек на нескромное поведение джентльмена в присутствии миссис Маколей, подробности которого невозможно повторить»*.

{82} Автобиография и письма миссис М. О. У. Олифант,

составленные и отредактированные миссис Гарри Когхилл[504]. Миссис Олифант (1825–1899) *«жила в постоянной нужде, поскольку вдобавок к двум собственным сыновьям занималась также образованием и содержанием детей своего овдовевшего брата…»* (Национальный биографический словарь[505]).

{83} Т. Б. Маколей, «История Англии», т. 3, с. 278 (стандартное издание).

{84} Мистер Литтлвуд, до недавнего времени театральный критик «Morning Post[506]», описал нынешнее состояние журналистики на недавнем обеде, устроенном в его честь 6 декабря 1937 года. Мистер Литтлвуд сказал, что *«он всегда и вечно боролся за увеличение количества статей о театре в ежедневных газетах. Именно на Флит-стрит[507] между одиннадцатью и половиной первого пополудни, не говоря уже о до и после, систематически уничтожались тысячи прекрасных мыслей и слов. По меньшей мере два десятка лет из своего сорокалетнего стажа ему приходилось возвращаться на эту бойню каждый вечер с неизбежной перспективой услышать, что газета полна важных новостей и уж точно не о театре. Ему повезло, что, просыпаясь на следующее утро, он обнаруживал себя ответственным за искореженные останки того, что когда-то было хорошей статьей… В этом не было вины работников офиса. Некоторые из них со слезами на глазах стачивали свои голубые карандаши[508]. Истинным виновником была та огромная аудитория, которая ничего не знала и знать не хотела о театре»* («Times», 6 декабря, 1937 г.).

Мистер Дуглас Джеррольд[509] описывает отношение прессы к политике. *«В те несколько лет [между 1928 и 1933] истина бежала с Флит-стрит. Вы никогда не могли сказать всю правду целиком. И никогда не сможете этого сделать. Но раньше вы, по крайней мере, могли говорить правду о других странах. В 1933 году вы сделали это на свой страх и риск. В 1928 году прямого политического давления со стороны рекламодателей еще не было. Сегодня оно не только прямое, но и весьма действенное».*

Литературная критика, по-видимому, пребывает в том же положении и по той же причине: *«Нет критиков, которым публика бы доверяла сильнее. Она верит, если вообще верит, различным книжным клубам и подборкам отдельных газет, и те мудры… Книжное общество[510] — откровенные книготорговцы, а великие национальные газеты не могут позволить себе озадачивать своих читателей. Все они должны выбирать те книги, которые потенциально соответствуют вкусу большинства и, следовательно, имеют шансы на высокие продажи»* (Дуглас Джеррольд, «Георгианское путешествие», с. 282, 283, 298).

{85} Хотя очевидно, что в условиях современной журналистики литературная критика должна быть неудовлетворительной, также очевидно и то, что никакие изменения невозможны без перемен в экономике общества и психологии художника. С экономической точки зрения необходимо, чтобы рецензент оповещал о публикации новой книги криком городского глашатая: *«О да, о да, о да, была издана такая-то книга, по такой-то или сякой теме»*. Психологически же тщеславие и стремление к славе все еще настолько сильны среди деятелей искусства, что лишать рекламы и отказывать им в регулярной, хотя и контрастной встряске похвалой и порицанием было столь же опрометчиво, как и ввозить кроликов в Австралию, например: равновесие природы нарушится с катастрофическими последствиями. Предложение заключается не в том, чтобы ликвидировать общественную критику, а в том, чтобы дополнить ее новой услугой, основанной на примере медицинской профессии. Консилиум критиков из рецензентов (многие из которых являются потенциальными владельцами истинного вкуса и знаний) будут работать, подобно врачам, и при этом в условиях полной конфиденциальности. Если убрать публичность, то большинство отвлекающих факторов и искажений, неизбежно делающих современную критику бесполезной для писателей, исчезнет, а всякие побуждения хвалить что-либо или ругать по субъективным причинам будут уничтожены; ни продажи, ни тщеславие при этом не пострадают; автор сможет заниматься критикой без учета ее влияния на публику или друзей; он сможет критиковать, не принимая во внимание синий карандаш редактора и вкусы аудитории. Поскольку критика чрезвычайно востребована живыми людьми, что подтверждается постоянным спросом на нее, а новые книги все так же необходимы уму критика, как и свежее мясо — его телу, все стороны только выиграют, а литературе это и вовсе может пойти на пользу. Преимущества нынешней системы публичной критики в основном экономические; пагубные последствия психологически показаны в двух знаменитых ежеквартальных обзорах Китса[511] и Теннисона[512]. Китс был глубоко ранен, а *«воздействие… на самого Теннисона — пронизывающим и продолжительным. Его первым действием было сразу же изъять из печати „Историю любовника“… Мы обнаруживаем его за мыслями вообще покинуть Англию и жить за границей»* (Гарольд Николсон[513], «Теннисон»[514], с. 118). Влияние мистера Чартона Коллинза[515] на сэра Эдмунда Госса[516] было таким же: «*Его уверенность в себе была подорвана, а личность унижена… Не все ли, наблюдавшие за этой борьбой, считали его обреченным? Его собственный отчет о*

своих ощущениях гласил, что с него будто заживо содрали кожу» (Эван Чартерис[517], «Жизнь и письма сэра Эдмунда Госса», с. 196).

{86} «Проказник-что-звонит-в-дверь-и-убегает». Это выражение придумано для описания тех, кто использует слова с целью причинить боль, но в тоже время избежать гласности. В переходном периоде, когда ценность многих качеств меняется, новые выражения для новых ценностей крайне необходимы. Тщеславие, например, которое, по-видимому, приводит к серьезным последствиям в виде жестокости и тирании, судя по свидетельствам из-за рубежа, все еще маскируется словом с тривиальными ассоциациями. См. приложение к Оксфордскому словарю английского языка.

{87} Б. А. Клаф, «Мемуары Анны Джемаймы Клаф», с. 38, 67.

{88} Уильям Вордсворт, «Гнездо воробья».

{89} В XIX веке дочери образованных мужчин единственным доступным для них способом добились чрезвычайно важного прогресса для рабочего класса. Однако теперь, когда по крайней мере некоторые из них получили дорогостоящее образование, нет сомнений, что они могут работать гораздо эффективнее, оставаясь внутри своего класса и используя его средства для улучшения того класса, который крайне в этом нуждается. С другой стороны, если образованные люди (как это часто бывает) отрекаются от тех самых качеств и свойств, которыми должно было наградить их образование — разум, терпимость, знания — и лишь изображают принадлежность к рабочему классу и его целям, они попросту выставляют на посмешище эти самые цели перед образованным классом и не делают ничего для развития своего собственного. Но количество книг, написанных образованными людьми о рабочих, по-видимому, свидетельствует о том, что очарование рабочего класса и эмоциональное облегчение, вызываемое принятием его целей и дел, сегодня столь же притягательны для среднего класса, как и очарование аристократии лет двадцать назад (см. «В поисках утраченного времени[518]»). Между тем было бы интересно узнать, что именно думают истинные представители рабочего класса об имитаторах из образованного класса, которые занимаются их делами, не жертвуя при этом капиталом среднего класса и не разделяя опыт рабочего. *«Среднестатистическая домохозяйка»*, по словам миссис Мерфи, начальницы по обслуживанию домашних хозяйств Британской ассоциации коммерческого газа, «*ежегодно отмывала акр грязной посуды, милю стекла и три мили одежды, а также пять миль полов»* («Daily Telegraph» от 29 сентября, 1937 г.). Более подробный отчет о жизни рабочего класса см. в книге «Жизнь,

какой ее знаем мы», написанной кооперативом рабочих женщин под редакцией Маргарет Ллевелин Дэвис[519]. «Жизнь Джозефа Райта[520]» также дает замечательное представление о жизни рабочего класса, как говорится, из первых уст, а не через пролетарские очки.

{90} *«Вчера в Военном Ведомстве[521] заявили, что Военный Совет не намерен рекрутировать женщин»* («Times» от 22 октября, 1937 г.). Вот оно — главное различие двух полов. Женщинам навязывают пацифизм, тогда как мужчинам по-прежнему предоставлена свобода выбора.

{91} Следующая цитата, однако, показывает, что поощрение способствует стремительному развитию боевого инстинкта. *«Глубоко посаженные глаза, острые черты лица, ноги в стременах, всадница во главе своего эскадрона[522] держится очень прямо… Пять английских парламентариев смотрят на эту женщину с почтительным и немного беспокойным восхищением, которое испытываешь к „хищнику“ неизвестного вида…*

— Подойди ближе, Амалия, — приказывает командир. Она подталкивает свою лошадь к нам и приветствует своего вождя мечем. — Сержант Амалия Бонилла, — продолжает командир эскадрона, — сколько тебе лет?

— Тридцать шесть.

— Где ты родилась?

— В Гранаде[523].

— Зачем ты вступила в армию?

— Обе мои дочери были ополченками. Младшую убили в Альто-дель-Леоне[524]. Я думала, что должна заменить ее и отомстить.

— И сколько врагов ты убила за нее?

— Вы же знаете, командир, — пять. За шестого не ручаюсь.

— Верно, но ты забрала его лошадь.

Всадница Амалия и в самом деле была верхом на великолепном сером „в яблоках[525]“ коне с блестящей гривой, точно для парада… Эта женщина, убившая пятерых мужчин, но не уверенная в шестом, была для эмиссаров[526] Палаты общин отличным проводником Испанской войны[527]» (Луи Делапре[528], «Мученичество Мадрида, неопубликованные свидетельства», с. 34–36. Мадрид, 1937 г.).

{92} В качестве доказательства можно попытаться выяснить причины, по которым различные члены кабинета министров в различных парламентах примерно с 1870 по 1918 г. выступали против законопроекта об избирательных правах женщин. Миссис Оливер Стрэйчи[529] приложила немало усилий, дабы это выяснить (см. главу «Обман в политике» ее книги «Причина»).

{93} *«Гражданский и политический статус перед Лигой[530] у*

нас, как женщин, появился только в 1935 году». В докладах относительно положения женщины как жены, матери и хозяйки дома *«обнаружился печальный факт ее нестабильного экономического состояния во многих странах (включая Великобританию). Она не имеет права ни на жалованье, ни на заработную плату, и у нее есть определенные обязанности, которые нужно выполнять. В Англии, например, несмотря на то что она, может, и посвятила всю свою жизнь мужу и детям, супруг, каким бы богатым он ни был, имеет право оставить ее без средств к существованию после своей смерти, и никакой юридической защиты у женщины нет. Мы обязаны законодательно это изменить»* (Линда П. Литтлджон[531], опубликовано в «Listener», 10 ноября, 1937 г.).

{94} Данное определение женской обязанности взято не из итальянского, а из немецкого источника. Существует так много разных версий, и все они настолько похожи, что проверять каждую в отдельности не имеет смысла. Однако любопытно узнать, насколько легко их можно найти и в английских источниках. Мистер Джерхарди[532], например, пишет: *«Никогда еще я не совершал ошибку, посчитав всерьез женщин-писательниц коллегами. Я скорее ценю их как духовных помощников, которые, будучи наделенными тонкой способностью к благодарности, могут помочь немногим из нас, страдающим гениальностью, нести крест с особым милосердием. Поэтому их истинная роль заключается скорее в том, чтобы протягивать нам мокрую губку и охлаждать ей лоб, пока мы истекаем кровью. Ежели их сочувственное понимание можно использовать и в более романтических целях, как же мы их за это ценим!»* (Уильям Джерхарди, «Мемуары полиглота», с. 320–321). Такая концепция роли женщины практически полностью совпадает с приведенной выше.

{95} Точнее говоря, *«большая серебряная табличка в виде орла рейха*[533]*… была создана Гиндербургом*[534] *для ученых и других выдающихся гражданских лиц… Ее нельзя носить. Обычно ее кладут лауреату на стол»* (Ежедневная газета от 21 апреля, 1936 г.).

{96} *«Обычное дело — видеть, как деловитая девушка довольствуется булочкой или сэндвичем на обед; и, хотя есть предположение о том, что это ее выбор… на самом деле зачастую они просто не могут позволить себе нормально питаться»* (Рэй Стрэйчи, «Карьера и перспективы женщин», с. 74). Сравните со словами мисс Э. Тернер[535]: *«… многие офисы задавались вопросом, почему они не могут выполнять свою работу столь же слаженно, как раньше. Выяснилось, что младшие машинистки были измотаны ко второй половине дня, поскольку могли позволить себе*

на обед лишь яблоко или бутерброд. Работодателям следует покрыть возросшую стоимость жизни за счет увеличения заработных плат» («Times» от 28 марта, 1938 г.).

{97} Выступление на ярмарке жены мэра Вулиджа (миссис Кэтлин Рэнс), опубликованное в «Evening Standard[536]» от 20 декабря, 1937 г.

{98} Слова мисс Э. Р. Кларк, опубликованные в «Times» от 24 сентября, 1937 г.

{99} Опубликовано в «Daily Gerald» от 15 августа, 1936 г.

{100} Слова каноника Ф. Р. Барри, выступающего на конференции, организованной англиканской группой в Оксфорде. Опубликовано в «Times» 10 января, 1933 г.

{101} Доклад Комиссии Архиепископов по вопросу Женского Богослужения. VII. Средние школы и университеты, с. 65.

{102} *«Мисс Д. Каррутерс, директриса Зеленой школы[537] в Айлворте, сказала, что среди старшеклассниц было „серьезное недовольство“ институциональной религией. „По-видимому, церкви каким-то образом оказались не в состоянии удовлетворить духовные потребности молодых людей“, — сказала она. „Кажется, эта ошибка свойственна всем церквям“»* (Опубликовано в «Sunday Times[538]» от 21 ноября, 1937 г.).

{103} Г. Л. Прэстидж, Д. Б., «Жизнь Чарльза Гора», с. 353.

{104} Доклад Комиссии Архиепископов по вопросу Женского Богослужения.

{105} Независимо от того, были ли дар пророчества и дар поэзии изначально одним и тем же, различия между ними проводились на протяжении многих веков. Однако тот факт, что Песнь песней Соломона[539], творение поэта, включено в священные книги, а миссионерские стихи и романы, творения пророков, причислены к мирским, указывает на некоторую путаницу. Любители английской литературы вряд ли могут быть чересчур благодарны за то, что Шекспир жил слишком поздно, дабы быть канонизированным Церковью. Причисли его пьесы к священным книгам, и с ними, вероятно, поступили бы точно так же, как с Ветхим и Новым Заветами; священники выдавали бы их нам отрывками по воскресеньям; то монолог из «Гамлета», то искаженный пересказ из-под пера какого-нибудь зевающего репортера; то непристойная песня, то полстраницы из «Антония и Клеопатры[540]». Как Ветхий и Новый Заветы были нарезаны и перемешаны с церковным песнопением на службах в Англиканской церкви, так и Шекспир бы стал нечитабельным, подобно Библии. И все же те, кого в детстве не заставляли слушать ее в расчлененном виде, утверждают, что Библия — невероятно интересное произведение, полное красоты и

глубокого смысла.

{106} Богослужение женщин, Приложение I: «Некоторые психологические и физиологические соображения», Л. У. Гренстед, с. 79–87.

{107} *«В настоящее время женатый священникспособен выполнить требования богослужения, „оставить и отложить в сторону все мирские заботы и дела“ главным образом потому, что его жена может взять на себя заботу о домашнем хозяйстве и семье…»* (Богослужение женщин, с. 32).

Здесь уполномоченные заявляют и одобряют принцип, который часто поддерживают и диктаторы. Господин Гитлер и синьор Муссолини очень схожим образом заявляют, что *«в жизни нации есть два мира — мир мужчин и мир женщин»,* и во многом исходят из одного и того же определения обязанностей. Влияние, которое это разделение оказало на женщину: мелочный характер ее интересов, очевидную неспособность к поэтическому и авантюрному — на все, что легло в основу множества романов и стало мишенью сатиры, убедило множество теоретиков в том, что женщина от природы менее духовна. И нет более нужды разбрасываться словами, доказывая, что женщина, вольно или невольно, выполнила свою долю обязанностей. Однако до сих пор очень мало внимания уделялось интеллектуальному и духовному воздействию этого разделения обязанностей на тех, кто благодаря ему *«откладывает в сторону все мирские заботы и дела»*. Тем не менее, не может быть никаких сомнений в том, что мы обязаны этой сегрегации грандиозной разработкой современных инструментов и методов войны, удивительной запутанностью теологии, огромным количеством заметок к греческим, латинским и даже английским текстам, многочисленной гравировкой, резьбой и ненужными украшениями нашей общей мебели и посуды, несметным количеством различий Дебретта и Берка и всеми теми бессмысленными, но в высшей степени изобретательными выкрутасами интеллекта, избавляющегося от *«забот о домашнем хозяйстве и семье»*. Акцент, который и священники, и диктаторы делают на потребности в двух мирах, вполне доказывает ее необходимость для доминирования.

{108} Доказательством сложной природы удовлетворения потребности в доминировании служит следующая цитата: *«Мой муж настаивает, чтобы я называла его „сэр“»*, — сказала вчера одна женщина в полицейском суде[541] Бристоля[542], подавая заявление на алименты. *«Дабы не ссориться, я выполнила его просьбу»*, — добавила она. *«Также я должна чистить его обувь, подносить бритву и немедленно отвечать на вопросы»*. В этом же номере газеты сообщается, что сэр Э. Ф. Флетчер *«призвал Палату*

общин противостоять диктаторам» («Daily Gerald» от 1 августа, 1926 г.). Это, видимо, свидетельствует о том, что общее сознание, включающее мужа, жену и Палату общин, одновременно испытывает желание доминировать, потребность в подчинении, дабы сохранить мир, и необходимость управлять своим желанием доминировать — психологический конфликт, объясняющий все то, что кажется непоследовательным и неспокойным с точки зрения современности. Удовольствие от доминирования, конечно, еще более осложняется тем, что у людей образованного класса оно по-прежнему тесно связано с наслаждением от богатства, социального и профессионального престижа. Его отделение от сравнительно простых удовольствий, например от наслаждения загородной прогулкой, подтверждается страхом перед насмешками, который великие психологи, такие как Софокл, обнаруживают у властителя, к тому же особенно восприимчивого к насмешкам или неповиновению со стороны женщин. Таким образом, важнейшим элементом этого удовольствия, по-видимому, является не само чувство, а отражение чувств других людей, из чего следует, что на него может повлиять изменение этих чувств. Вероятно, смех и есть противоядие от доминирования.

{109} Э. Гаскелл, «Жизнь Шарлотты Бронте».

{110} Маргарет Тодд, «Жизнь Софии Джекс-Блэйк», с. 67–72.

{111} Внешнее наблюдение показало бы, что мужчина до сих пор считает особым оскорблением насмешки женщины над его трусостью, равно как и женщина — насмешки мужчин над ее нецеломудрием. Следующая цитата подтверждает эту точку зрения. Мистер Бернард Шоу[543] пишет: *«Я помню то удовольствие, которым война подпитывает инстинкт драчливости и восхищение мужеством, столь сильно развитые у женщин… В Англии, когда начинается война, молодые женщины прямо-таки бросаются раздавать белые перья всем мужчинам, не надевшим мундиры. Это,* — продолжает он, — *как и прочие дикие пережитки, вполне естественно»,* — и указывает, что *«в былые времена жизнь женщины и ее детей зависела от мужества супруга и его способности убивать»*. Поскольку огромное количество юношей на протяжении всей войны выполняли свою работу в офисах без каких-либо форменных украшений, а число *«цивилизованных молодых женщин»*, втыкавших перья в пальто, было бесконечно малым по сравнению с теми, кто ничего подобного не делал, преувеличение мистера Шоу является достаточным доказательством огромного психологического впечатления, которое все еще могут произвести пятьдесят или шестьдесят перьев (фактическая статистика отсутствует). Это, по-

видимому, свидетельствует о том, что мужчина по-прежнему аномально восприимчив к подобным насмешкам; следовательно, храбрость и драчливость до сих пор являются главными атрибутами мужественности, и он, обладая этими качествами, все еще ждет восхищения; следовательно, и любое их высмеивание будет иметь соответствующий эффект. Весьма вероятно, что *«ощущение мужественности»* связано и с экономической независимостью. *«Мы никогда не встречали мужчину, который бы тайно или открыто не гордился тем, что может содержать женщин, будь то его сестры или любовницы. Мы никогда не встречали женщин, которые бы не считали переход от экономической независимости и работодателя к экономической зависимости от мужчины почетным достижением. Что хорошего в том, что мужчины и женщины лгут друг другу об этих вещах? Не мы ли их создали?»* (Филипп Мере[544], «А. Р. Орадж[545]: мемуары») — интересное утверждение, приписываемое Г. К. Честертоном[546] А. Р. Ораджу.

{112} По словам мисс Холдейн, сестры Р. Б. Холдейна[547], до начала 1880-х ни одна леди не могла работать. *«Мне, конечно, хотелось выучиться и получить профессию, но это было невообразимо для человека, не находящегося в печальном положении и вынужденного „зарабатывать себе на хлеб“. Даже мой брат написал об этом унылом факте и положении дел после того, как побывал на выступлении миссис Лэнгтри*[548]. *„Она была леди и вела себя как леди, но как же печально, что ей приходилось это делать“»* (Элизабет Холдейн, «Испокон веков», с. 73–74). Гарриет Мартино в начале XVIII века была в восторге, когда ее семья потеряла свои деньги, именно так она лишилась своего *«благородства»* и ей разрешили работать.

{113} Маргарет Тодд, «Жизнь Софии Джекс-Блэйк», с. 69–70.

{114} Чтобы узнать о мистере Ли Смите, см. «Жизнь Эмили Дэвис[549]» Барбары Стивен[550]. Барбара Ли Смит стала Мадам Бодишон.

{115} Насколько номинальным было это открытие, показывает следующий отчет о фактических условиях школ Королевской Академии (К. А.) около 1900 года, где работали женщины. *«Трудно понять, почему самке этого вида никогда не нужно предоставлять те же преимущества, что и самцу. В школах К. А. женщинам приходилось соревноваться с мужчинами за все ежегодные призы и медали, при этом нам давали около половины необходимых знаний и еще меньше — возможностей… Ни одной модели не разрешалось позировать женщинам обнаженной в кабинетах рисования… Студенты мужского пола не только работали с обнаженными моделями любого пола в течение дня, но им также давали и*

вечерние занятия, на которых они могли заниматься под руководством приезжего академика». Студентки считали это *«действительно очень несправедливым».* У мисс Коллье[551] хватило смелости и социального положения, чтобы сначала встретиться с мистером Франклином Дикси[552], утверждавшим, что, поскольку девушки выходят замуж, деньги, уходящие на их обучение, тратятся впустую; затем — с лордом Лейтоном[553]; и, наконец, по крайней мере обнаженная натура была разрешена. *«Но преимущества вечерних занятий нам так и не удалось оценить…»* Поэтому студентки собрались и сняли студию на Бейкер-стрит. *«Деньги, которые нам пришлось на это собрать, сократили обеды до почти голодной диеты»* (Маргарет Коллье, «Жизнь художника», с. 19–82). То же правило действовало и в Ноттингемской[554] художественной школе в двадцатом веке. *«Женщинам не разрешалось рисовать с обнаженной натуры. Если с живой натурой работали мужчины, мне нужно было уходить в Антикварную Комнату… Ненависть к гипсовым образцам осталась во мне и по сей день»* (Дама Лаура Найт[555], «Масляные и жирные краски», с. 47). Но профессия художника — не единственная, доступная вот так номинально. Медицина *«открыта»*, но *«…почти все школы, прикрепленные к лондонским госпиталям, недоступны для студенток, обучение которых в основном ведется в Лондонской медицинской школе»* (Филиппа Стрэйчи, «Меморандум о положении английских женщин по отношению к английским мужчинам», 1935 г., с. 26). *«Некоторые девушки-„медики“ из Кембриджа объединились в общество, дабы снизить градус недовольства» (*опубликовано в «Evening News[556]» от 25 марта, 1937 г.). В 1922 году студентки были приняты в Королевский Ветеринарный Колледж[557] Камден-Тауна[558]*; «… именно тогда эта профессия привлекла такое количество женщин, что их число среди учащихся ограничили до 50»* (опубликовано в «Daily Telegraph» от 1 октября, 1937 г.).

{116},{117} Стивен Гвинн, «Жизнь Мэри Кингсли», с. 18, 26. В своем письме Мэри Кингсли пишет: *«Временами я бываю полезной, но и только, — очень полезной несколько месяцев назад, навещая подругу, когда она попросила меня подняться в спальню и посмотреть ее новую шляпку — ошеломительное предложение, учитывая, что я знаю ее мнение о моем в подобных вопросах». «В письме,* — говорит мистер Гвинн, — *нет окончания этой авантюры с незваным женихом, но я уверен, что она сняла его с крыши и получила огромное удовольствие от такого приключения».*

{118} Согласно Антигоне, есть два вида законов, писаные и неписаные, и миссис Драммонд[559] утверждает, что для улучшения первого иногда требуется его нарушить. Однако

многочисленные и разнообразные действия дочерей образованных мужчин в XIX веке явно не были направлены исключительно на нарушение законов. Напротив, это были попытки экспериментально выяснить, каковы неписаные, негласные законы, призванные регулировать определенные инстинкты, страсти, умственные и физические желания. То, что такие законы существуют и соблюдаются цивилизованными людьми, довольно общепризнанно, но некоторые начинают соглашаться, что они не были установлены ни Богом, которого в настоящее время считают концепцией патриархального происхождения, актуальной лишь для некоторых рас и на определенных этапах развития, ни природой, которая, как теперь известно, сильно варьируется в своих повелениях и в значительной степени находится под контролем, а должны быть открыты последующими поколениями, в основном усилиями их собственного разума и воображения. Однако, поскольку разум и воображение в какой-то степени являются производными наших тел, а существует два их вида, мужское и женское, и за последние несколько лет было доказано, что эти тела принципиально различаются, ясно, что законы, которые они воспринимают и уважают, должно быть и интерпретируются по-разному. Так, профессор Джулиан Хаксли[560] говорит: *«…с момента оплодотворения мужчина и женщины отличаются друг от друга каждой клеткой, благодаря набору хромосом, которые, хоть и не весь мир еще знает, являются носителями наследственности и, согласно работам последнего десятилетия, определяют наши характера и качества»*. Таким образом, несмотря на то, что *«надстройка интеллектуальной и бытовой жизни потенциально одинакова для всех»* и что *«в недавнем докладе Министерства образования о создании комитета по дифференциации учебных программ для мальчиков и девочек в средних школах* (Лондон, 1923 г.) *установлено, что интеллектуальные различия между полами гораздо меньше, нежели принято считать»* (Джулиан Хаксли, «Научно-популярные очерки», с. 62–63), ясно, что два пола различаются и всегда будут различаться. Если бы каждый пол мог не только установить подходящие для него законы и уважать правила другого, но также делиться результатами открытий, оба они смогли бы разносторонне развиваться и совершенствоваться, не отказываясь от своих особых характеристик. Тогда концепция, согласно которой один пол должен *«доминировать»* над другим, стала бы не только устаревшей, но и настолько отвратительной, что в случае необходимости доминирующей власти для решения практических вопросов отвратительную работу по принуждению и

доминированию делегировали бы низшему и тайному обществу, подобно тому, как порка и казнь преступников в наши дни осуществляется замаскированными существами в глубокой темноте и неизвестности. Этого и следует ожидать.

{119} Из некролога Г. У. Грина[561], члена Магдален-колледжа[562] Оксфорда, фамильярно прозванного «Груггер[563]», от 6 февраля, 1933 г.

{120} *«В 1847 году квартальный суд[564] (больницы Мидлсекса[565]) решил отделить несколько кроватей для лежачих больных в соответствии с правилами, которые запрещали женщине быть акушеркой. Недопуск женщин остается традиционным подходом. В 1861 году мисс Гарретт[566], впоследствии доктор Гарретт Андерсон, получила разрешение посещать занятия… ей также позволили присутствовать на обходе с ординаторами, но студенты возмутились, и руководство больницы уступило. Правление отклонило ее предложение выделить стипендию для студенток»* (опубликовано в «Times» от 17 мая, 1935 г.).

{121} *«В современном мире существует огромное количество подтвержденных научных фактов… но как только вмешивается какая-либо сильная страсть, дабы исказить суждение эксперта, он становится ненадежным, каким бы оборудованием он при этом ни обладал»* (Бертран Рассел, «Научное мировоззрение», с. 17).

{122} Один из рекордсменов, однако, привел причину установления рекордов, вызывающую уважение: *«Кроме того, я был убежден, что время от времени женщины должны делать для себя то, что уже сделали мужчины, а иногда и то, чего они еще не добились, тем самым утверждая себя как личность и, возможно, вдохновляя других женщин к большей независимости мысли и действий… Их неудача должна быть вызовом для других»* (Амелия Эрхарт[567], «Последний полет», с. 21, 65).

{123} *«Фактически этот процесс (роды) выводит женщину из строя лишь на очень малую долю времени, даже имея шестерых детей, она находится на обязательном больничном лишь в течении 12 месяцев своей жизни»* (Рэй Стрэйчи, «Карьера и перспективы женщин», с. 47–48). Однако в настоящее время она занята гораздо дольше. Было выдвинуто смелое предположение о том, что хлопоты материнства не являются исключительно женским делом, а могут быть разделены обоими родителями для достижения общего блага.

{124} Природе мужественности и женственности часто дают определение как итальянские, так и немецкие диктаторы. Оба они постоянно настаивают на том, что борьба есть сущность мужчины и основа мужественности. Гитлер, например, проводит

различие между *«пацифистами и мужчинами»*. Оба диктатора постоянно настаивают на том, что назначение женщины — залечивать раны бойцов. Тем не менее, происходит очень сильное движение в сторону освобождения мужчины от *«естественного и вечного закона»*, согласно которому он от природы является бойцом; посмотрите на рост пацифизма среди мужчин сегодня. Сравните заявление лорда Ньюбворфа о том, что «*если однажды будет достигнут мир, то флот и армия прекратят свое существование, а мужские качества, воспитанные войной, станут не нужны»,* со следующим заявлением, сделанным несколько месяцев назад, одного молодого человека из той же социальной касты: *«… неправильно говорить, что каждый мальчик в глубине души жаждет войны. Лишь другие люди учат нас этому, давая играть с мечами и оружием, солдатиками и военной формой»* (принц Хуберт Левенштайн[568], «Завоевания прошлого», с. 215). Вполне возможно, что фашистские государства, раскрывая молодому поколению по крайней мере необходимость эмансипации от старой концепции мужественности, делают для мужчин то, что Крымская[569] и Европейская[570] войны сделали для их сестер. Профессор Хаксли, однако, предупреждает нас, что *«любое значительное изменение наследственной конституции — это дело тысячелетий, а не десятилетий».* С другой стороны, поскольку наука также уверяет нас, что жизнь на земле существует *«тысячелетия, а не десятилетия»*, возможно, стоит попытаться внести некоторые изменения в наследственную конституцию.

{125} Кольридж[571], однако, достаточно точно выражает взгляды и цели аутсайдеров в следующем отрывке: *«Человек должен быть свободным, а иначе для чего он был создан Духом Разума, а не Машиной Инстинкта? Человек должен подчиняться, а иначе зачем ему совесть? Силы, создающие эту трудность, также содержат и ее решение, ибо служение им — совершенная свобода. И какие бы то ни было законы или системы законов принуждают к любой другой службе, унижают нашу природу, объединяются с животным началом против богоподобного, убивают в нас сам принцип радостного благоденствия и борются против человечества… Поэтому, если общество должно следовать законной конституции правления, которое может налагать на разумных Существ истинные и моральные обязательства подчиняться ему, оно должно быть построено на таких принципах, чтобы каждый индивид следовал своему собственному Разуму, подчиняясь законам конституции, и исполнял волю государства, подчиняясь диктату своего собственного Разума. Именно это и утверждает Руссо[572], формулирующий проблему совершенной*

конституции правительства в следующих словах: „Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде[573]*“»* (С. Т. Кольридж, «Друг», т. 1, с. 334–335). К этому можно добавить и слова Уолта Уитмена[574]:

> «О равенстве — как если бы оно вредило мне, давая другим такие же шансы
> и права, как и мне, — как если бы оно не было обязательным условием
> для моих собственных прав, которыми все другие владеют, как я».

И, наконец, стоит задуматься над словами полузабытой писательницы Жорж Санд:

«Все существа связаны друг с другом, и любой человек, представляющий себя изолированным, не связанным со своими собратьями, уму непостижим… эта индивидуальность сама по себе не имеет никакого значения. Она обретает некий смысл, лишь становясь сюжетом общей жизни, сливаясь с индивидуальностью каждого из собратьев и, таким образом, превращаясь в историю» (Жорж Санд, «История моей жизни», с. 240–241).

notes

Примечания

1

Земельная мера, применяемая в ряде стран, использующих английскую систему мер. Один акр составляет чуть более четырех тысяч квадратных метров.

2

Графство на востоке Англии.

3

Мэри Генриетта Кингсли (1862–1900) — английская писательница и исследовательница, оказавшая существенное влияние на представление европейцев об Африке.

4

Роман английского писателя-сатирика Уильяма Теккерея.

5

Королевский Адвокат — в некоторых странах Содружества адвокаты, назначаемые короной.

6

Итонский колледж — старинная частная британская школа для мальчиков, основанная в 1440 году.

7

Одна из известнейших и старейших британских публичных школ для мальчиков.

8

Старинное неформальное название учебных заведений (университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование), как организаций, питающих духовно. В современной лексике образно означает учебное заведение, в котором учится или учился упоминаемый человек.

9

Университет, расположенный в городе Оксфорд. Занимает второе место в списке самых старых университетов мира, старейший англоязычный университет в мире, а также первый университет в Великобритании.

10

По времени основания второй университет в Великобритании после Оксфордского и четвертый в мире.

11

Вид городского общественного транспорта, характерный для второй половины XIX века, представляет собой многоместную повозку на конной тяге.

12

Имеется в виду, что в 1918 году, после окончания Первой мировой войны, парламент принял закон, согласно которому женщины старше 30 лет получили право голосовать.

13

Международная организация, основанная в 1919 году. Ее цели включали в себя разоружение, предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путем дипломатических переговоров и т. д. Прекратила свое существование в 1946 году.

14

Государственная идеология, направленная на оправдание политики постоянного наращивания военной мощи и, одновременно с этим, допустимости использования военной силы при решении конфликтов.

15

Уилфред Эдвард Солтер Оуэн (1893–1918) — английский поэт, чье творчество в сильнейшей степени повлияло на поэзию 1930-х годов. Убит при прорыве британскими солдатами немецких позиций на канале Самбра-Уаза 4 ноября 1918 года — ровно за неделю до окончания войны.

16

Английский город на берегу Северного моря в графстве Северный Йоркшир.

17

Город в графстве Дорсет на берегу Ла-Манша. В Скарборо и Борнмуте традиционно проводятся съезды политических партий и различные конференции.

18

Судебная должность в Великобритании, глава судебной власти Англии и Уэльса.

19

Артур Фоли Уиннингтон-Инграм (1858–1946) — епископ Лондона с 1901 по 1939 г. Рыцарь Королевского Викторианского ордена, член Тайного Совета Великобритании.

20

Город в Англии, выделенный в отдельный район в центре графства Уэст-Мидлендс.

21

Речь о газетных фотографиях, опубликованных зимой 1936–1937 гг.

22

Английская золотая монета, имевшая хождение с 1663 по 1813 г.

23

Имеются в виду Британские экспедиционные войска (солдаты, отправленные воевать в другую страну), принимавшие участие во Фландрском сражении Первой мировой войны в 1914 году.

24

Интересен тот факт, что в 1939 году Британские экспедиционные войска вновь отправились во Францию, всего-навсего годом позже, чем было опубликовано данное эссе.

25

Одна из самых крупных и старых бирж Европы, основана в 1801 году.

26

Джорджиана Кавендиш (1757–1806), первая жена Уильяма Кавендиша, 5-го герцога Девонширского, собравшая большой круг литературного и политического бомонда. Она была активным политическим деятелем в период, когда до предоставления женщинам избирательных прав оставалось еще более ста лет.

27

Эмили Лэмб (1787–1869) — жена лорда премьер-министра Палмерстона.

28

Элизабет Лэмб (1751–1818) — жена политика партии вигов Пенистона Лэмба, 2-го виконта Мельбурн.

29

Дарья Христофоровна Ливен, урожденная Доротея фон Бенкендорф (1785–1857) — «светская львица» первой половины XIX века. Была влиятельной фигурой в дипломатических, политических и общественных кругах, нисколько не уступавшей супругу.

30

Элизабет Вассалл-Фокс, баронесса Холланд (1771–1845) — жена политика партии вигов Генри Вассалл-Фокса, 3-го барона Холланд. Устраивала в своем доме политические и литературные вечера.

31

Одна из жен лорда Ашбартона (Уильяма Бинхэма Бэринга, 2-го барона Ашбартон) — известного предпринимателя и члена политической партии вигов, позднее присоединившегося к консерваторам.

32

Уильям Питт, 1-й граф Четэм (1708–1778) — британский государственный деятель из партии вигов, который, в качестве военного министра внес неоценимый вклад в становление Британии, как мировой колониальной империи, и смог значительно прирастить заморские владения короны. Его сын Уильям Питт Младший (1759–1806), который на протяжении почти 20 лет был премьер-министром Великобритании.

33

Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806) — английский парламентарий и политический деятель, убежденный оппонент короля Георга III, идеолог британского либерализма, вождь радикального крыла партии вигов.

34

Эдмунд Берк (1729–1797) — английский парламентарий, политический деятель, публицист эпохи Просвещения, идейный родоначальник британского консерватизма.

35

Ричард Бринсли Шеридан (1806–1888) — английский политик, член партии вигов.

36

Джонатан Пиль (1799–1879) — солдат британской армии, политик-консерватор.

37

Вероятно, имеется в виду Джордж Каннинг (1770–1827) — английский политический деятель, представитель либерального крыла партии тори.

38

Генри Джон Темпл, лорд Палмерстон (1784–1865) — виконт, знаменитый английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, а затем внешней политикой.

39

Бенджамин Дизраэли (1804–1881) — государственный деятель консервативной партии Великобритании.

40

Уильям Юарт Гладстон (1809–1898) — английский государственный деятель и писатель, четырежды премьер-министр Великобритании.

41

Лондонская резиденция герцогов Девонширских на улице Пикадилли.

42

Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) — британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи.

43

Лондонский дворец с парком, ставший в начале XIX века главным местом встреч политических деятелей и писателей, сторонников вигов.

44

Мэтью Арнольд (1822–1888) — английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода.

45

Здание к юго-западу от Беркли-Сквер в Лондоне, служившее резиденцией маркизов Ланздаун.

46

Томас Карлайл (1795–1881) — британский писатель, историк и философ шотландского происхождения.

47

Джейн Остин (1775–1817) — английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе.

48

Шарлотта Бронте (1816–1855) — английская поэтесса и романистка.

49

Джордж Элиот (1819–1880) — английская писательница.

50

Джейн Уэлш Карлайл (1801–1866) — жена эссеиста Томаса Карлайла, считается, что именно благодаря ей он добился славы и успеха. Наиболее известна как автор большого количества писем.

51

Сэр Эрнест Уайльд, К. А. (1869–1934) — юрист, судья и политик Консервативной партии Великобритании.

52

Пикадилли-серкус — площадь и транспортная развязка в центральном Лондоне, известное место сбора проституток во времена В. Вулф

Имеется в виду упразднение Акта о дисквалификации по половому признаку.

1/42 гинеи. Такую сумму платили начинающему юристу, символ начала финансовой автономии у В. Вулф.

55

В греческой мифологии сирены — морские существа, олицетворявшие собой обманчивую, но очаровательную морскую поверхность, под которой скрываются острые утесы. Они приманивали моряков своим пением. Так В. Вулф называла домохозяек из высшего общества XVIII века, использовавших собственное очарование и харизму для развития культуры и интеллектуальной свободы.

56

Англиканский собор, посвященный апостолу Павлу. Находится в верхней части Ладгейт Хилл, самой высокой точке Лондона, и является резиденцией епископа Лондона. В. Вулф одновременно имеет в виду и сам собор, и мировоззрение апостола, влияющие на положение женщин, которое будет далее раскрыто.

57

Банк Англии первоначально организован в 1694 году как частный банк и лишь после национализации в 1946 году стал публичной организацией, полностью принадлежащей королевству. Выполняет функции центрального банка Соединенного Королевства.

58

Официальная резиденция лорд-мэра Лондонского Сити (административно-территориальное образование со статусом «Сити», церемониальное графство в центре Большого Лондона — исторического ядра города).

59

Главное здание судебных учреждений в центральной части Лондона.

60

Готическая церковь в Лондоне, к западу от Вестминстерского дворца. Традиционное место коронации монархов Великобритании и захоронений монархов Англии.

61

Имеется в виду Лондонский мост через Темзу.

62

Западная часть Лондона, в которой сосредоточена театральная и концертная жизнь, правительственные учреждения, университеты и колледжи, а также элитная недвижимость и фешенебельные магазины.

63

Особый металлический или матерчатый знак на головном уборе.

Имеется в виду жезлоносец на религиозных церемониях.

65

Глава судебного ведомства и верховный судья Англии, председатель Палаты лордов и одного из отделений Верховного суда.

66

Одна из высших наград, присуждаемая монархом за выдающиеся заслуги в разных областях; орден учрежден королем Эдуардом VII в 1902 году.

Работающие на общественных началах, без оплаты.

68

Главный герой романа Уильяма Теккерея «История Пенденниса». В тексте В. Вулф приведены фрагменты этой песни (в пер. с англ. Э. Линецкой с небольшими правками).

69

Уинчестер-колледж — одна из старейших престижных мужских школ, основанная в 1382 году.

70

Одна из старейших престижных мужских частных средних школ, основанная в 1567 году.

71

Мэри Эстел (1666–1731) — английская писательница-феминистка и оратор. Из-за активной пропаганды идеи уравнивания прав женщин в вопросах образования ее стали называть «первой феминисткой».

72

Анна Стюарт (1665–1714) — королева Англии, Шотландии и Ирландии с 1702 года.

73

Гилберт Бернет (1643–1715) — шотландский теолог, историк и епископ Солсбери.

74

Томас Грей (1716–1771) — английский поэт-сентименталист XVIII века, предшественник романтизма, историк литературы.

75

Мария де Шатильон, графиня Пембрук (1303–1377) — жена Эмера де Валенс, 2-го графа Пембрук.

76

Колледж Оксфордского университета, основанный в 1347 году.

77

Элизабет де Клэр (1295–1360) — младшая из трех дочерей Гилберта де Клэра, 6-го графа Хатфорда, и Джоанны Аркской (дочери короля Эдуарда I).

78

Маргарита Анжуйская (1430–1482) — супруга короля Англии Генриха VI.

79

Один из старейших и крупнейших колледжей Кембриджского университета, основанный в 1448 году.

80

Маргарет Бофорт (1443–1509) — мать короля Генриха VII, была одной из ключевых фигур войны Алой и Белой розы, а также влиятельным матриархом семейства Тюдоров.

81

Колледж Святого Иоанна Кембриджского университета.

Колледж Христа Кембриджского университета.

83

Титул главы некоторых колледжей в Оксфордском и Кембриджском университетах.

84

Сэр Джозеф Джон Томсон (1856–1940) — английский физик, открывший электрон, лауреат Нобелевской премии по физике (1906) «за исследования прохождения электричества через газы».

85

Орден Заслуг — отличительный знак членов общества, учрежденного в 1902 году Эдуардом VII. Орден не дает рыцарства или другого статуса, но члены ордена могут использовать буквы О. З. после своего имени.

Награжденный Министр, Член Королевского общества.

Бакалавр Искусств (или бакалавр гуманитарных наук).

88

Ньюнем(-колледж) — известный женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1871 году.

89

Гертон(-колледж) — известный женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1869 году.

90

Анна Джемайма Клаф (1820–1892) — одна из первых суфражисток Англии, сторонница идеи высшего образования для женщин.

91

Под провостом может пониматься ректор некоторых английских колледжей, а также настоятель кафедрального собора (пробст) — высокое лицо в церковной иерархии.

92

Британская компания, открытая преимущественно с целью изготовления спичек.

93

Настоятель (декан) — титул духовного лица в англиканской церкви.

94

Даремский собор Христа, Девы Марии и святого Катберта — первый в Великобритании памятник, внесенный в число объектов Всемирного наследия.

Члены Парламента.

96

Мэри Каролина Мильбанк, графиня Лавлейс (1848–1941) — вторая жена 2-го графа Лавлейс.

97

Сирил Эдвин Митчинсон Джуд (1891–1953) — известный английский философ и радиоведущий.

98

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) — английский писатель и публицист. Представитель критического реализма.

Социально-политический Союз Женщин.

100

Ежегодно издающийся в Соединенном Королевстве справочник. Назван по имени первого издателя Джозефа Уитакера (1820–1895).

101

Вероятно, подразумевается некая игра слов с «Иглой Клеопатры» (Cleopatra’s Needle) — древнеегипетским обелиском, установленным в Лондоне, на набережной Темзы.

102

В оригинале «Government and Public Offices'»

103

В оригинале «The Air Ministry».

104

В оригинале «Ministry of Agriculture».

105

В оригинале «British Broadcasting Corporation».

106

В оригинале «The Colonial Office».

107

В оригинале «Charity Commissioners».

108

В оригинале «The Development Commission».

109

В оригинале «The Ecclesiastical Commissioners» — орган управления финансами англиканской церкви.

110

В оригинале «The Board of Education».

111

В оригинале «The Ministry of Fisheries».

112

В оригинале «The Foreign Office».

113

В оригинале «The Friendly Societies».

В оригинале «Fine Arts».

115

Высшая должность государственной гражданской службы в министерстве; координирует повседневную работу; в отличие от министров не сменяется при смене правительства; как правило, имеет рыцарский титул.

116

Член правительства, является заместителем министра по связи с парламентом в министерствах.

117

В оригинале «The Admiralty» — военно-морское министерство.

118

В оригинале «The Board of Works».

119

Улица в Лондоне, по которой расположены все правительственные организации.

120

Уильям Александр Робсон (1895–1980) — британский учений, преподаватель государственного управления в Лондонской школе экономики.

121

Стэнли Болдуин (1867–1947) — британский политик, член Консервативной партии Великобритании, трижды премьер-министр Великобритании.

122

После того как мистер Болдуин сказал это, он был смещен с поста премьер-министра и стал графом.

123

Один из крупных аристократических колледжей Оксфордского университета. Основан в 1525 году.

124

Речь идет о Гитлере и Муссолини.

125

Из речи Гитлера перед Национал-социалистической женской организацией.

126

Один из старейших английских клубов для джентльменов.

127

Наиболее старый и престижный английский клуб Лондона для джентльменов.

128

Старейший из расположенных на Пэлл-Мэлл (центральная улица квартала Сент-Джеймс в Вестминстере) английских клубов для джентльменов.

129

Английский клуб на южной стороне Пэлл-Мэлл, членами которого являются высшие государственные чиновники, политические деятели, видные журналисты.

130

Английский клуб преимущественно для ученых и писателей.

131

В оригинале «Here we go round the mulberry tree», соответствующее известному детскому стишку «Here we go round the mulberry bush». Имеется в виду порочный круг, инфантильность, из-за которой история раз за разом повторяется. Эта цитата созвучна с образом «полых людей» Т. С. Элиота, танцующих вокруг кактуса (Here we go round the prickly pear), в то время как рушится мир.

132

Верхняя палата британского парламента.

133

Официальный отчет о заседаниях британского парламента.

134

Австралийский штат, расположенный на одноименном острове к югу от материка Австралии и отделенный от него проливом Басса.

135

Перекресток между Трафальгарской площадью и улицей Уайтхолл, принятый за центр Лондона при отсчете расстояний.

136

Отсылка к Образовательному Фонду Артура.

137

Лев и единорог — эмблематическая пара, встречающаяся в геральдике, литературе, архитектуре и изобразительном искусстве, является также символом Великобритании.

138

Пышная процессия в честь вступления в должность, ежегодно проходящая во вторую субботу ноября.

139

Надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила. В Лондоне — это памятник Неизвестному Солдату (т. е. погибшим в Первой мировой войне).

140

Улица в Лондоне, получившая свою известность в XIX веке благодаря множеству обосновавшихся там специалистов различных областей медицины.

141

Наиболее влиятельная и авторитетная ассоциация художников Великобритании.

142

Принцип равной оплаты труда за одинаковые трудовые обязанности.

143

София Луиза Джекс-Блэйк (1840–1912) — врач, учитель и феминистка. Одна из первых женщин-врачей Великобритании и Ирландии. Предводитель движения за право женщин на медицинское образование, она участвовала в организации двух женских медицинских колледжей, в Лондоне и Эдинбурге, где открыла также и женский госпиталь.

144

Коллегия юристов по гражданским делам в Лондоне была создана в 1509 и распущена в 1858 году.

145

Томас Уильям Джекс-Блэйк (1832–1915) — родной брат Софии, директор Школы Рагби с 1884 по 1887 г.

146

Одно из старейших учебных заведений Англии, основанное в 1505 году королем Джеймсом IV.

147

Питер Дэвид Хэндисайд (1808–1881) — шотландский хирург и анатом. Был президентом Королевского Медицинского Общества в 1828 году, а также — Медико-Хирургического Общества Эдинбурга в 1871 году.

Вероятно, имеется в виду ученая степень.

149

Адвокат, имеющий право выступать в высших судах.

150

Джон Пирпонт Морган I (1837–1913) — американский предприниматель, банкир и финансист.

151

Джон Дэвисон Рокфеллер (1839–1937) — американский предприниматель, филантроп, первый долларовый миллиардер в истории человечества.

152

Имеется в виду сигнал опасности, предупреждение.

153

Девиз Превосходнейшего Ордена Британской Империи.

154

Вустершир — церемониальное неметропольное графство на западе Англии.

155

Ранг следующего по старшинству после епископа духовного лица в католической и англиканской церкви.

156

Кирилл Аргентин Элингтон (1872–1955) — английский педагог-теоретик, ученый, священнослужитель и писатель, директор Шрусбери-Скул и Итон-колледжа. Кроме того, он служил капелланом королю Георгу V и являлся деканом Даремского собора.

157

Уильям Ральф Индж (1860–1954) — английский автор, священник англиканской церкви, профессор богословия в Кембридже, декан собора Святого Павла.

158

Элиза Харпин (1839–1907) — жена Уильяма Бродбента, слова которого приводятся в тексте.

159

Уильям Бродбент и Элиза Харпин имели шесть общих детей: три сына и три дочери.

160

Ежедневная британская газета, издающаяся с 1827 года. В наши дни называется «Evening Standard».

161

Официальная газета Либеральной партии Великобритании,

162

Британская общественная библиотека «Shoe Lane Library».

163

Законопроект, позволяющий мужчине жениться на сестре своей скончавшейся жены.

164

Чарльз Стюарт Генри Вейн-Темпест-Стюарт, 7-й маркиз Лондондерри (1878–1949).

165

Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874–1965) — государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг., военнослужащий запаса, журналист, писатель, художник, почетный член Британской академии и лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

166

Неизвестный человек, по-видимому, обычный читатель газеты.

167

Один из районов Лондона.

168

Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832) — немецкий писатель, мыслитель, философ, естествоиспытатель и государственный деятель.

169

Финальная строфа «Фауста» в пер. Н. А. Холодковского.

170

Очередная отсылка к детскому стишку «Here we go round the mulberry bush», буквально означает «ходить по кругу» или «топтаться на одном месте».

171

В переводе с латыни означает «Смерть — это врата жизни».

172

Чарльз Томлинсон (1808–1897) — британский ученый XIX века.

173

Награжденный Министр, Член Королевского общества.

174

Член Общества Химиков (позднее Общество Химиков Лондона). Было организовано в 1841 году в связи с возросшим интересом к научным достижениям.

175

Артур Хью Клаф (1819–1861) — английский поэт, любимый ученик Томаса Арнольда в Регби.

176

Доктор Томас Арнольд (1795–1842) — английский специалист по античности и реформатор образовательной системы, прадед известного писателя Олдоса Хаксли.

177

Анна Джемайма Клаф (1820–1892) — одна из первых суфражисток Англии, сторонница идеи высшего образования для женщин.

178

Речь идет о детской проституции.

179

Гертруда Белл (1868–1926) — британская писательница, путешественница, разведчик, сотрудник по политическим вопросам, администратор и археолог. Она занималась ближневосточными исследованиями.

180

Поль Бурже (1852–1935) — французский романист, который с консервативных позиций католицизма и монархизма возглавил, по выражению Чехова, «претенциозный поход против материалистического направления». Его наиболее известное произведение «Ученик» — психологический роман, написанный с христианских позиций, — раскрывает тщету философии науки и ее представлений об относительности морали.

181

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

182

Первая мировая война (1914–1918).

183

Имеется в виду работа по сбору урожая.

184

Эмили Джейн Бронте (1818–1848) — английская писательница и поэтесса, средняя из трех сестер. Автор романа «Грозовой перевал», а также ряда стихотворений.

185

Кристина Джорджина Россетти (1830–1894) — английская поэтесса.

186

Софокл (495–406 до н. э.) — афинский драматург. Его трагедия «Антигона» вскрывает один из конфликтов современного автору общества — конфликт между родовыми неписаными и государственными законами.

187

Креонт — персонаж древнегреческой мифологии, царь Фив.

188

Имеется в виду, что в оригинале на греческом языке фраза Антигоны состоит из пяти слов. При переводе на большинство языков их обычно больше.

189

Обращение к лордам и некоторым сановникам.

190

Герой пьесы Уильяма Конгрива «Любовь за любовь». По сюжету он предлагает 4000 фунтов своему непутевому старшему сыну Валентину для погашения долгов, если тот подпишет отказ от права наследования в пользу младшего брата Бена.

191

Орден Заслуг — отличительный знак членов общества, учрежденного в 1902 году Эдуардом VII. Орден не дает рыцарства или другого статуса, но члены ордена могут использовать буквы О. З. после своего имени.

192

Рыцарь-Командор Ордена Бани. Почтеннейший орден Бани — британский орден, основанный Георгом I.

193

Доктор права.

Доктор гражданского права.

195

Член тайного совета.

196

Пиндар (522/519–448/438 до н. э.) — один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции. Им особенно восхищался Гораций.

197

Парижский университет — один из старейших в мире, основан в середине XII века.

198

Гейдельбергский университет имени Рупхерта и Карла — старейший и один из наиболее престижных университетов Германии. Основан в 1386 году.

199

Саламанский университет — самый древний университет Испании.

200

Падуанский университет — один из старейших университетов Италии, открыт в Падуе в 1222 году.

201

Римский университет Ла Сапиенца — один из старейших университетов мира, основан в начале XIV века.

202

Устаревшее слово, означающее невежественных и неосведомленных людей.

203

Лондонская Национальная Галерея — музей на Трафальгарской площади, содержащий более 2000 образцов западноевропейской живописи XIII — начала XX века.

204

Национальная Портретная Галерея — первая в мире портретная галерея, основанная в 1856 году с тем, чтобы увековечить образы британцев прошлых столетий — не только портреты маслом, но и миниатюры, рисунки, бюсты и фотографии. С 1896 года занимает здание рядом с Трафальгарской площадью.

205

Главный историко-археологический музей Великобритании.

Пер. с франц. «Только бескорыстная культура может уберечь мир от гибели».

207

«Меры предосторожности при воздушных атаках». Название относится к нескольким организациям Соединенного Королевства, посвященных защите гражданского населения в годы войны. В 1937 году была создана служба рейдовых инспекторов, которая должна была сообщать о бомбардировках. Каждый местный совет отвечал за организацию надзирателей Air Raid Precautions (ARP), курьеров, водителей машин скорой помощи, спасательных отрядов и связи с полицией и пожарными командами.

208

Сухое красное вино типа бордо.

209

В XIX веке данная улица была известна большим количеством бедных писателей, издателей и книготорговцев, начинающих поэтов. В настоящее время такой улицы больше нет (переименована в Милтон-стрит), однако ее историческое название стало нарицательным и уничижительным термином для бедных писателей и произведений с низкой литературной ценностью («grubstreet»).

210

Жорж Санд (настоящее имя Амандина Аврора Люсиль Дюпен) (1804–1876) — французская писательница.

211

Джон Мильтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель и мыслитель, автор политических памфлетов и религиозных трактатов.

212

Мэтью Арнольд (1822–1888) — английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода.

213

Маргарет Олифант Уилсон Олифант (1828–1897) — шотландская писательница, работавшая в жанрах исторического романа и мистики.

214

Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616) — испанский писатель, известен как автор одного из величайших произведений мировой литературы — романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

215

В. Вулф использует глагол «adulterate», происходящий от французского «адюльтер», что означает измена. Однако в английском языке данный глагол чаще используют в значении фальсифицировать, подмешивать, нежели в устаревшем — прелюбодействовать. Автор использует данную игру значениями слова.

216

Бен Джонсон (1572–1637) — английский поэт, драматург и теоретик драмы.

217

Уильям Шекспир (1564–1616) — английский поэт и драматург, считается величайшим англоязычным писателем и одним из лучших драматургов мира.

218

Речь идет о таверне «Русалка» (Mermaid Tavern), где, согласно историку Томасу Фуллеру, происходили словесные перепалки, в которых Шекспир переигрывал более образованного Джонсона.

219

Трагическая история о Гамлете, принце датском — трагедия Шекспира в пяти актах, одна из самых известных в мировой драматургии пьес.

220

Джон Китс (1795–1821) — поэт младшего поколения английских романтиков.

221

Достопочтенный Лорд-мэр Лондона — должность в Британии. Не следует путать с мэром Лондона: полномочия лорда-мэра ограничиваются только районом Сити и являются скорее церемониальными.

222

Традиционный обед Лорда-мэра всегда начинался с черепахового супа.

223

В современной Англии шериф — главный представитель правительства в графстве.

224

Духовный глава Церкви Англии в Соединенном Королевстве, а также духовный лидер Англиканского сообщества во всем мире.

225

Уильям Вордсворт (1770–1850) — английский поэт-романтик.

226

Высший орган управления британской армией с момента его создания в 1904 году. Преобразован в министерство в 1964 году.

227

Человек, нанятый для аплодирования артистам или освистывания их, чтобы создать впечатление успеха или провала спектакля.

228

Белое перо — традиционный символ трусости в странах бывшей Британской империи и, в особенности, в Британской армии. Наиболее известной была практика вручения белых перьев мужчинам, не участвующим в военных кампаниях, как знак обвинения в трусости и социального порицания.

229

Красное перо — сигнал, что пришло время обрести мужество, силу и выносливость, чтобы одержать победу на избранном пути.

230

Город в Англии, местопребывание епископа и главный город графства Сомерсет.

231

Баптизм — одно из направлений протестантского христианства.

232

Район на юго-востоке Лондона, граничащий с восточной частью Вулиджа.

233

Вулидж — район на юго-востоке Лондона, на берегу Темзы, в округе Гринвич.

234

Королевский Вулиджский Арсенал (существовал с 1471 по 1994 г.) — военное учреждение для хранения, учета, выдачи войскам вооружения и боеприпасов, а также для производства работ по их сборке, ремонту и изготовлению некоторых деталей к ним.

235

Жена мэра Вулиджа, Персиваля Рэнса.

236

Традиционно женский вид спорта, разновидность баскетбола, придуман в 1893 году.

237

Город в графстве Нортгемптоншир (Великобритания), административный центр района Уэллингборо.

238

Церемониальное неметропольное графство в центре Англии.

239

Промышленный город в церемониальном графстве Кембриджшир Англии. Имеется в виду стадион «Лондон Роуд», открытый в 1913 году.

240

В католической церкви — священнослужитель, член кафедрального либо коллегиального совета.

241

Фрэнк Рассел Бэрри (1890–1976) — англиканский епископ и писатель.

242

Оксфордская церковь, расположенная на северной стороне Хай-Стрит.

243

Должность священнослужителя, священник, совмещающий сан с какой-либо дополнительной (как правило, светской) должностью.

244

Город, расположенный в районе Хаунслоу Западного Лондона.

245

Диаконисса — женщина, прошедшая определенную процедуру посвящения и выполняющая те или иные церковные обязанности. Не путать с «дьяконицей» — женой дьякона.

246

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) — английский писатель и публицист. Представитель критического реализма.

247

Новый Завет. Гал. 3:28.

248

В контексте всего повествования пророк/пророчица являются синонимами слова «проповедник».

249

Лидия из Фиатир — христианка, проживавшая в городе Филиппы и обращенная апостолом Павлом в ходе его миссионерского путешествия в 51–52 гг.

250

Христианка, упоминаемая апостолом Павлом, впервые — в первом послании Коринфянам (1:11).

251

Эводия и Синтихия — христианки церкви города Филиппы, упоминаемые апостолом Павлом в послании Филиппийцам (4:2–3).

252

Трифена, Трифоса и Персида — христианки, упоминаемые апостолом Павлом в послании к Римлянам (16:12), о которых он пишет: *«Привет Трифене и Трифосе, женщинам, усердно трудящимся для Господа. Привет дорогой Персиде, тоже усердно трудящейся для Господа»*.

253

Женщина, служащая пресвитером или старейшиной раннесредневековых церквей.

254

Имеется в виду церковь до Первого Никейского Собора (325 г.), созванного императором Константином I в городе Никее (ныне территория Турции). На соборе был принят Никейский символ веры, осуждены различные ранние течения христианства и ереси, окончательно провозглашено отделение от иудаизма, выходным днем признано воскресенье вместо субботы, определено время празднования христианской Пасхи, выработано 12 канонов.

255

Новый Завет, первое послание к Тимофею: «Я не позволяю женщине учить или же руководить мужчиной; ей следует молчать».

256

Пер. с англ. Первые строфы стихотворения «No coward soul is mine» (Страх не владеет мной).

257

Лоуренс Уильям Гренстед (1884–1964) — англиканский священник и теолог, доктор богословия (Д. Б.).

258

Особая должность в Ориэлл-колледже Оксфорда.

259

Ключевое понятие психоаналитической теории, введенное Зигмундом Фрейдом, обозначает бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные (любовь и ненависть) чувства к родителю своего пола.

260

Одно из понятий классической психоаналитической теории, тесно связанное с Эдиповым комплексом, обозначает совокупность переживаний ребенка по поводу анатомического различия, обнаруживаемого им в процессе познавательной деятельности. В основе лежит фантазия ребенка об усечении пениса у девочки.

261

Персонаж трагедии Софокла «Антигона», дочь царя Эдипа в древнегреческой мифологии.

262

Речь идет о романе известного английского поэта Роберта Браунинга и поэтессы Элизабет Барретт, чей отец (мистер Барретт) был против их взаимоотношений и свадьбы. События легли в основу пьесы Рудольфа Безье 1930 года «Барретты с Уимпол-Стрит».

263

Улица в центре Лондона.

264

Патрик Бронте (1777–1861) — англиканский священник, учитель и писатель, отец знаменитых йоркширских писательниц — Шарлотты, Эмили и Энн Бронте.

265

Артур Белл Николлс (1819–1906) — священник, муж Шарлотты Бронте.

266

Деревня в Англии, Уэст-Йоркшир, известная, в первую очередь, как родина писательниц Бронте.

267

Шарлотта Бронте вышла замуж в июне 1854 и скончалась в марте 1855 года.

268

Джон Берк (1786–1848) — ирландский специалист по генеалогии.

269

Обе женщины неоднократно упоминаются в биографии Софии Джекс-Блейк, однако другой достоверной информации о них нет.

270

Элизиум или Элизий — в древнегреческой мифологии часть загробного мира, обитель душ блаженных.

271

Элизабет Гаскелл (1810–1865) — английская писательница викторианской эпохи. В данном случае цитируется ее книга «Жизнь Шарлотты Бронте», написанная после смерти подруги. Женщин связывала оживленная переписка и несколько личных встреч.

272

Роберт Браунинг (1812–1889) — английский поэт и драматург, муж Э. Гаскелл.

273

Бенджамин Ли Смит (1783–1860) — британский политик партии вигов.

27 4

Историческое графство Юго-Восточной Англии.

275

Барбара Ли Смит Бодишон (1827–1891) — английская художница, преподаватель и феминистка. Дочь Бенджамина Ли Смита, родственница Флоренс Найтингейл.

Отказ от различного рода социальных зависимостей, в том числе детей от родителей, женщин от мужчин, мужчин от женщин, прекращение действия ограничений.

277

Бертран Артур Уильям Рассел, 3-й граф Рассел (1872–1970) — британский философ, логик, математик и общественный деятель. Известен своими работами в защиту пацифизма, атеизма, а также либерализма и левых политических движений. Лауреат нобелевской премии по литературе (1950).

278

Краниология — комплекс научных дисциплин, изучающих нормальные вариации формы и размеров черепа у человека и животных.

Здесь и далее фрагменты «Антигоны» Софокла в переводах Ф. Ф. Зелинского и С. Шервинского.

280

Тюрьма ее Величества Холлоуэй для взрослых женщин и молодых правонарушителей в лондонском районе Холлоуэй — крупнейшая женская тюрьма в Западной Европе до ее закрытия в 2016 году.

281

Официальный титул председателя Национал-социалистической рабочей партии (с 1921 г.) и главы нацистской Германии (с 1934 г.).

282

Итальянский титул, который носил Бенито Муссолини, глава Национальной фашистской партии.

283

Стивен Люциус Гвинн (1864–1950) — ирландский журналист, биограф, писатель, поэт и политик протестантского национализма. Член парламента в Палате общин. В Первую мировую войну был офицером ирландского полка 16 дивизии.

284

Анна Джемайма Клаф (1820–1892) — одна из первых суфражисток Англии, сторонница идеи высшего образования для женщин.

285

Ньюнем(-колледж) — известный женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1871 году.

286

Бланш Афина Клаф (1861–1960) — племянница Анны Дж. Клаф, преподаватель английской литературы колледжа Ньюнем с 1884 года и секретарь директрисы, своей тети.

287

Элизабет Сандерсон Холдейн (1862–1937) — выдающийся общественный деятель, писатель, биограф, философ, суфражистка, управляющая медсестрами и социальный работник. В 1918 году была награждена Орденом Кавалеров Почета. В 1920 году стала первой женщиной мирового суда в Шотландии.

288

Спикер (англ. Speaker, буквально — оратор) — председатель палаты парламента.

289

Нижняя палата парламента Великобритании.

290

Гораций Эннесли Вэчелл (1861–1955) — английский автор новел, пьес, рассказов, эссе и т. д.

291

Томас Гизбэн (1758–1846) — англиканский священник и поэт.

292

Мэри Каролина Мильбанк, графиня Лавлейс (1848–1941) — вторая жена 2-го графа Лавлейс.

293

Викторианцами называют людей эпохи правления Королевы Виктории (годы правления 1837–1901), имея в виду определенный склад ума и характера. Под викторианцем понимают консервативного, ханжеского и лицемерного в вопросах морали человека.

294

Уильям Мейкпис Теккерей (1811–1863) — английский писатель-сатирик, мастер реалистического романа. Известен произведением «Ярмарка тщеславия».

295

Речь идет о словах Теккерея в предисловии к его роману «Пенденнис»: *«С тех пор как сошел в могилу автор „Тома Джонса“* [Генри Филдинг — английский писать и драматург XVIII века, один из основоположников реалистического романа]*, ни одному из нас, сочинителей, не разрешается в полную меру своих способностей изобразить МУЖЧИНУ. Мы вынуждены стыдливо его драпировать, заставлять его жеманно сюсюкать и улыбаться. Общество не терпит в нашем искусстве ничего натурального»*. (Пер. с англ. М. Лорие).

296

Антропоцентризм — ненаучное идеалистическое воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий.

297

Община в графстве Дербишир, Англия.

298

Уильям Джон Артур Чарльз Джеймс Кавендиш-Бентинк, 6-й герцог Портлендский (1857–1943) — британский землевладелец, придворный подданный и политик-консерватор.

299

Екатерина Уолтерс по прозвищу «Скиттлз» (1839–1920) — законодательница моды и одна из последних куртизанок викторианского Лондона.

300

Джон Бакен, 1-й барон Твидсмур (1875–1940) — британский государственный деятель, издатель и писатель, пятнадцатый генерал-губернатор Канады с 1935 по 1940 г.

301

Фрэнсис Октавиус Гренфелл (1880–1915) — британский военный, обладатель Креста Виктории — высшей военной наградой Великобритании, вручаемой за героизм, проявленный в военной обстановке. Убит в бою 24 августа 1915 года.

302

Брат близнец Фрэнсиса, служивший с ним в одном полку, убит в бою в сентябре 1914 года.

303

Виктор Александр Джордж Роберт Бульвер-Литтон, 2-й граф Литтонский (1876–1947) — британский политический деятель. Оба его сына погибли молодыми: один — при крушении самолета, другой — в ходе Второй мировой войны.

304

Эдвард Энтони Джеймс Бульвер-Литтон, виконт Ньюбворф (1903–1933) — британский летчик и политик-консерватор. Сын 2-го графа Литтонского, разбился насмерть при крушении самолета.

305

Эдмунд Чарльз Бланден (1896–1974) — английский поэт, писатель и критик. Писал в стихах и прозе о своем опыте, приобретенном в Первую мировую войну. Закончил карьеру, будучи преподавателем поэзии Оксфордского университета.

306

Гордон Хьюворт, 1-й виконт Хьюворт (1870–1943) — политический деятель и судья Великобритании.

307

Кардифф — столица Уэльса.

308

Ежедневная газета, основанная в 1855 году. Одна из наиболее популярных газет Великобритании.

309

Хелена Флоренс Нормантон (1882–1957) — первая женщина Соединенного Королевства, практиковавшая адвокатскую деятельность.

310

Возможно, имеется в виду капитан ВМФ сэр Гарольд Кемпбелл (1888–1969) — шталмейстер (букв. начальник конюшни) короля Георга VI, а затем королевы Елизаветы II.

311

Лисистрата — комедия древнегреческого комедиографа Аристофана, созданная около 411 г. до н. э., о женщине, которая смогла остановить войну между Спартой и Афинами хитроумным способом — с помощью всеобщей «сексуальной забастовки» женщин.

312

Героиня известной пьесы Уильяма Шекспира «Макбет».

313

Звание, даруемое монархом.

314

Эдит Вэйн-Тэмпест-Стюарт, маркиза Лондондерри (1878–1959) — известная светская львица и филантроп Соединенного Королевства.

315

Генри Чаплин, 1-й виконт Чаплинский (1840–1923) — британский землевладелец, владелец скаковых лошадей и политик партии консерваторов, заседавший в Палате общин с 1868 по 1916 г.

316

Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) — один из ключевых английских писателей начала XX века.

317

Эдуард VIII (1894–1972) — король Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Отрекся от престола, чтобы вступить в брак с разведенной Уоллис Симпсон, на что правительство страны не давало согласия. При этом он заявил: *«Я нашел невозможным… исполнять обязанности короля без помощи и поддержки женщины, которую я люблю»*.

318

Хилари Ньюитт Браун (1909–2007) — британская женщина, писатель-эссеист, философ, основательница множества обществ по защите прав женщин.

319

Адольф Барон Маршал фон Биберштейн (1842–1912) — немецкий политик и секретарь МИД Германии.

320

Августин Биррел, К. А. (1850–1933) — английский политик, адвокат, писатель и преподаватель.

321

Сэр Уильям Эльмерик Фитцрой (1851–1935) — государственный служащий.

Регулярная пехота Османской империи в 1365–1826 гг.

323

Герберт Генри Асквит, 1-й граф Оксфорда и Асквита (1852–1928) — британский государственный и политический деятель, 52-й премьер-министр Великобритании от Либеральной партии с 1908 по 1916 г.

324

Рэй Стрэйчи (1887–1940) — британская писательница, политик, феминистка. Ее старшая сестра была замужем за младшим братом В. Вулф, Адрианом Стивеном.

325

Роберт Дж. Блэкберн — малоизвестный британский биограф конца XIX — начала XX века.

326

Национальный Союз Обществ по Правам Женщин на Голосование (переименован в 1919 году).

327

Дама Миллисент Гарретт Фоссет (1847–1929) — английская суфражистка и феминистка. В 1925 году была удостоена высшей степени ордена Британской империи — Дама Большого Креста.

328

Этель Мария Тернер (1870–1958) — британская писательница, журналистка, художница.

329

Жозефина Элизабет Батлер (1828–1906) — британская феминистка викторианской эпохи, которая много занималась вопросом социального обеспечения проституток.

330

Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) — британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи.

331

Английское Регентство, или просто Регентство — наименование периода в истории Англии с 1811 по 1820 г. В течение этого времени принц-регент, в будущем король Георг IV, правил государством по причине недееспособности своего отца Георга III. Иногда термин расширяют до 1785–1830 гг., включая время до и после непосредственного правления принца-регента, который вел разгульный и веселый образ жизни. Его личность наложила на эту эпоху не меньший отпечаток, чем личность примерной жены и матери королевы Виктории на викторианскую эпоху.

332

Один из девяти домов-сокровищниц Англии, построенный в середине XVIII века на месте средневекового аббатства Уоберн.

333

Лорд Фредерик Спенсер Гамильтон (1856–1928) — политик-консерватор Соединенного Королевства.

334

Сэр Генри Альфред Маккарди (1869–1933) — противоречивый, склонный к полемике британский судья, член Высокого суда Великобритании.

335

Герольд — глашатай, вестник, церемониймейстер при дворах королей, крупных феодалов; распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах.

336

Придворный кавалерийский полк.

337

Пэрство — система дворянских титулов, существующая в Великобритании, часть Британской системы наград. Термин используется и для всей системы титулов, и для отдельного титула.

338

Бифитер или «мясоед» — прозвище дворцовой стражи или стражников лондонского Тауэра.

339

Часть британской системы наград, когда первый день нового года, 1 января, отмечают назначением новых членов рыцарских орденов и лауреатов других наград.

340

Вероятно, имеется в виду Уилфред Мэйнелл (1852–1948) — британский газетный издатель и редактор, известный также под псевдонимом Джон Олдкасл.

341

Уилфред Скоуэн Блант (1858–1922) — английский поэт и писатель. В основном известен своей поэзией, но также написал несколько заметных политических эссе.

342

Джон Мейнард Кейнс, 1-й барон Кейнс (1883–1946) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории. Кавалер ордена Бани (британский рыцарский орден).

343

Еженедельник, владельцем которого был сам Джон Кейнс.

344

Колледж Кембриджского университета, основанный в 1326 году.

345

Женский колледж Оксфордского университета, основанный в 1879 году.

346

Так называют раннее Средневековье (от второй половины 5 до 10 в.н. э), однако Кембридж и Оксфорд были основаны несколько позже указанного периода.

347

Эдвард Гиббон (1737–1794) — известный британский историк, чья наиболее важная работа «История заката и падения Римской империи» была напечатана в 6 томах. Он также являлся членом парламента.

348

Лори Магнус (1872–1933) — британский писатель и издатель, учившийся в Модлин-колледже Оксфорда.

349

Сэр Томас Герберт Уоррен (1859–1930) — английский академик и руководитель. С 1885 по 1928 г. являлся президентом Модлин-колледжа Оксфорда и преподавателем поэзии.

350

Колледж Оксфордского университета, основанный в 1458 году.

351

Эдвард Бувери Пьюзи (1800–1882) — английский священник, профессор иврита в Крайст-Черч.

352

Колледж Оксфордского университета, основанный в 1326 году.

353

Его Высокопреосвященство кардинал Джон Генри Ньюмен (1801–1890) — английский кардинал, центральная фигура в религиозной жизни Великобритании викторианского периода.

354

Сэр Джеффри Каст Фейбер (1889–1961) — британский академик, издатель и поэт.

355

Мэри Фрэнис Баттс (1890–1937) — британская писательница-модернист.

356

Малоизвестная английская писательница-биограф.

357

Пьеса Мольера в 5 актах, сатирически изображающая ярое стремление женщин получить образование.

358

Реакционное течение, пропагандирующее установление политической власти римского папы.

359

Георг Бэллард (1706–1755) — антиквар и биограф, автор книги «Мемуары британских леди».

360

Элизабет Эльстоб (1683–1756) — считается одной из первых британских женщин-феминисток.

361

Леди Элизабет Гастингс (1682–1739) известна как Леди Бетти, знаменитая благодетельница.

362

Здание Кембриджского университета, используемое для проведения церемоний награждения.

363

Уолтер Бэджет (1826–1877) — британский экономист и политический философ XIX века, представитель манчестерской школы в политической экономии.

364

Сара Эмили Дэвис (1830–1921) — английская феминистка, суфражистка и одна из участниц новаторского движения за право женщин получать образование.

365

Филиппа Стрэйчи (1872–1968) — британская феминистка и руководитель.

366

Ежегодно издающийся в Соединенном Королевстве справочник (альманах). Назван по имени первого издателя Джозефа Уитакера (1820–1895).

367

Единица измерения расстояний. Исторически дюйм равен толщине большого пальца. Сегодня под ним чаще всего понимают английский дюйм, равный 2,54 см.

368

Жена Эдварда Джона Стэнли, 2-го барона Стэнли из Элдерли — известного британского политика.

369

Патриция Рассел (1910–2004) — третья жена Бертрана Рассела, сделавшая огромный вклад в его знаменитую работу «История западной философии».

370

Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970) — английский математик, философ и общественный деятель. В 1950 году получил Нобелевскую премию по литературе «…в знак признания разнообразных и значительных произведений, в которых он отстаивает гуманистические идеалы и свободу мысли».

«Записки Эмберли: Письма и дневники лорда и леди Эмберли». Опубликованы издательством Леонарда и Вирджинии Вулф «Хогарт Пресс».

372

Кирилл Аргентин Элингтон (1872–1955) — английский педагог-теоретик, ученый, священнослужитель и писатель. Был директором Шрусбери-Скул и Итон-колледжа. Кроме того, он служил капелланом королю Георгу V и являлся деканом Даремского собора.

Имеется в виду ученая степень.

374

Арчибальд Филипп Примроуз, граф Розбери (1847–1929) — английский государственный деятель, 48-й премьер-министр Великобритании с 1894 по 1895 г.

375

Привилегированная частная средняя школа, основанная в 1841 году.

376

Малоизвестная английская писательница-биограф XIX века.

377

Доротея Бил (1831–1906) — суфражистка, реформатор образования, писатель и директриса Челтнем.

378

Валентин Луи Жорж Эжен Марсель Пруст (1871–1922) — французский писатель. Один из наиболее значимых писателей XX века.

379

София Луиза Джекс-Блэйк (1840–1912) — врач, учитель и феминистка. Одна из первых женщин-врачей Великобритании и Ирландии. Предводитель движения за право женщин на медицинское образование, она участвовала в организации двух женских медицинских колледжей, в Лондоне и Эдинбурге, где открыла также и женский госпиталь.

380

Имеется в виду одна из дочерей Генри Лассела, 3-го графа Харвуда.

381

Генри Ласселс, 3-й граф Харвуда (1797–1857), известный как виконт Ласселс с 1839 по 1841 г., был британским пэром и членом парламента.

382

Эдвард Молтон Барретт (1785–1857) — землевладелец, чья рабовладельческая семья разбогатела за счет экспорта сахара и рома на Ямайке.

383

Элизабет Барретт Браунинг (Молтон) (1806–1861) — известная английская поэтесса Викторианской эпохи, о собаке которой В. Вулф написала шуточную биографию «Флаш».

384

Закон парламента Великобритании, позволивший женщинам быть полноправными владелицами заработанных денег и наследовать собственность.

385

Сьюзан Джун, баронесса Элье (1845–1931) — являлась членом Совета Лондонского Графства.

386

Фрэнсис Джун Генри, 1-й барон Элье (1845–1905) — известный британский судья.

387

Один из старейших колледжей Оксфорда, основанный в 1263 году.

388

Энтони Хоуп (1863–1933) — английский писатель, придумавший страну Руританию. За пропагандистскую деятельность в годы Первой мировой войны был удостоен рыцарского звания.

389

Сэр Чарльз Эдвард Маллет (1862–1947) — британский историк и политик-либерал.

390

Генри Джордж «Джино» Уоткинс (1907–1932) — британский исследователь Арктики.

391

Джеймс Морис Скотт (1906–1986) — английский писатель, автор нескольких книг о полярных исследователях, получивший образование в Клэр-колледже Кембриджа.

392

Слово «прядильщица» часто используется в качестве эвфемизма выражению «старая дева».

393

Голсуорси Лавс Дикинсон (1862–1932) — британский политолог и философ, имя которого тесно связано с группой Блумсбери (элитарная группа английских интеллектуалов, писателей, художников, выпускников Кембриджа, объединенных сложными семейными, дружескими, творческими отношениями, регулярно собиравшаяся в доме В. Вулф).

394

Королевский колледж — один из крупных колледжей Кембриджского университета; известен своей церковной капеллой, выдающимся памятником архитектуры. Основан в 1441 году.

395

Эдвард Морган Форстер (1879–1970) — английский романист и эссеист, которого занимала неспособность людей различных социальных групп (классовых и этнических) понять и принять друг друга.

396

Джеймс Гиббс (1682–1754) — один из наиболее значимых британских архитекторов.

397

Джон Бодлер (1746–1823) — участник движения за нравственные реформы в Великобритании.

398

Эрнест Абрахам Харт (1835–1898) — британский редактор медицинских журналов.

399

Частично независимый, выступающий в качестве научного эксперта медицинский журнал, печатающийся с 1840 года.

400

Джеймс Кричтон-Брауни (1840–1938) — ведущий физиотерапевт, занимавшийся изучением связи душевных заболеваний с черепно-мозговыми травмами, известен разработкой стандартов общественного здравоохранения в отношении душевнобольных.

401

Бернард де Мандевиль (1670–1733) — английский философ, сатирический писатель и экономист.

402

Басня о пчелах или Частные пороки — общественные выгоды (1714) — произведение английского писателя Бернарда де Мандевиля, в котором доказывается в аллегорической форме, что общество, решившее ради сбережений расстаться с роскошью и сократить вооружения, ждет печальная участь. В русском варианте называется «Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными».

403

Книга британской активистки Эдит Айртон (1879–1945), выпущенная в 1932 году.

404

Хелена Люси Мария Суэнвик (1864–1939) — известная британская феминистка и пацифистка.

405

Союз Независимости Женщин — британская организация, выступавшая за женское избирательное право и сексуальное равенство.

406

Сэр Эрнест Баркер (1874–1960) — английский политолог, директор Кингс-колледжа с 1920 по 1927 г.

407

Здесь фактически упоминается две публикации, выпущенные двумя различными издательствами.

В настоящее время называется Управление Почт. Создано в 1657 г. С 1969 г. — правительственная организация во главе с председателем, который назначается министром промышленности; отвечает за техническое обеспечение почтовой службы.

409

Имеется в виду отставка по причине замужества.

410

Имеется в виду, что в древнеримском городе Помпеи женщин в общественных местах изолировали от мужчин по другим причинам, нежели в Англии XX века. Например, самая верхняя часть Амфитеатра в Помпеях, отделенная от других зон, предназначенная только для женщин, имела отдельные входы и лестницы.

411

Принят парламентом Соединенного Королевства в 1864 году. Закон позволил полицейским арестовывать проституток в определенных портах и военных городах. Эти женщины подвергались принудительным проверкам на наличие венерических заболеваний; при положительном результате их держали в лечебном заведении до полного излечения. Первоначально закон был действителен лишь в некоторых военно-морских портах и армейских городках. Врачи и чиновники считали его самым эффективным методом ограждения мужчин от венерических заболеваний. Поскольку военные длительное время находились вдали от своих жен, а гомосексуальное поведение было преступным, проституцию считали необходимым злом. Однако в законе не были прописаны положения о проверке на наличие соответствующих заболеваний у клиентуры проституток, что стало одним из многих предметов спора в кампании за его аннулирование. Закон наглядно продемонстрировал двойные стандарты викторианского общества в отношении мужского и женского пола и стал первой политической проблемой, заставившей женщин активно вести борьбу за свои права.

412

Гарриет Мартино (1802–1876) — английский экономист и социолог. Ее труды лежат в основе феминистской социологии. В своем труде «Общество в Америке» она рассматривает социальные проблемы через призму феминизма и борьбы женщин за равноправие.

413

Еженедельный журнал консервативного направления, освещающий политику, экономику, литературу и искусство. Основан в 1828 году.

414

Имеется в виду система пенсионного обеспечения, при которой пенсионный фонд формируется не только за счет взносов предпринимателей, но и за счет отчисления из заработка рабочих.

415

В. Вулф использует выражение «black-coated worker», которым в Англии тех лет называли обычных канцелярских или офисных работников.

416

Ежедневная газета лейбористского направления, издавалась с 1912 по 1964 г.

417

Флора МакКиннон Драммонд (1878–1949) — британская суфражистка. Ее прозвали «генералом» за привычку возглавлять марши за права женщин.

418

Еженедельный журнал, основанный в 1929 году, издавался BBC до 1987 г. Затем печатался BBC совместно с Управлением независимого вещания, пока окончательно не закрылся в 1991 году.

419

В парламентах разных стран сторонники политических партий сгруппированы и сидят на противоположны скамьях. В данной случае речь идет о Палате общин — нижней палате парламента Великобритании.

420

Сэр Джон Коллинз Сквайр (1884–1958) — британский поэт, писатель, историк, влиятельный литературный редактор послевоенного (Первая мировая война) периода.

421

Генри Джеймс (1843–1916) — крупный американский писатель, который с тридцати лет жил в Европе, а за год до смерти принял британское подданство. Красной нитью через все его творчество проходит тема непосредственности и наивности представителей Нового Света, которые вынуждены приспосабливаться либо бросать вызов интеллектуальности и коварству клонящегося к упадку Старого Света.

422

Джон Сингер Сарджент (1856–1925) — американский художник, портретист.

423

Маргарет Тодд (1859–1918) — шотландская писательница и врач, которая в 1913 году предложила химику Фредерику Содди термин «изотоп».

424

Люси Болдуин (1869–1945) — жена Стэнли Болдуина, писательница и активистка, занимавшаяся вопросом материнского здоровья.

В настоящее время носит название Госпиталя Уиттингтона.

426

Ежегодный справочник дворянства (назван в честь первого издателя Дж. Дебретта), издается с 1802 года.

427

Рыцарский орден, созданный британским королем Георгом V. Это самый младший орден в британской наградной системе, при этом в нем состоит наибольшее число членов.

428

«Cross Patonce» — геральдический крест, концы которого расширены и состоят из трех долей.

429

Роберт Джеймс Блэкхэм (1868–1951) — британский писатель.

430

Георг Леонард Прэстидж (1889–1955) — член и священник Нью-Колледжа в Оксфорде.

431

Доктор богословия — высокая ученая степень в области богословия. Исторически давала право преподавать в университете христианское богословие и смежные предметы.

432

Чарльз Гор (1853–1932), Д. Б. — известнейший теолог и епископ англиканской церкви. Он способствовал примирению Церкви с некоторыми аспектами критики в ее адрес и научными открытиями.

433

Сэр Уильям Генри Бродбент (1835–1907) — известный английский врач-невролог.

Рыцарь Королевского Викторианского Ордена.

Член Королевского Общества.

436

Уоллесли Уильям Дезмонд Маунтжой Чапмэн-Хастон (1884–1952) — ирландский писатель и публицист.

437

Сэр Синди Джеймс Марк Лоу (1857–1932) — британский журналист, историк и эссеист.

438

Город в Северной Ирландии.

439

Ежедневная британская газета, издававшаяся в Лондоне с 1912 по 1964 г.

440

Флоренс Мелиэн Стоуэлл (1869–1936) — английский филолог-классик.

441

Октавия Хилл (1838–1912) — социальный реформатор Англии; ее основным интересом являлось благосостояние жителей городов, особенно Лондона.

442

Чарльз Эдмунд Морис (1843–1927) — адвокат, преподаватель истории, шурин Октавии Хилл.

443

Октавия Хилл была известным противником вырубки и застройки пригородных лесных массивов.

Речь идет о ее взглядах, в основе которых лежали идеи управления не только зданиями, но и их арендаторами. Она поддерживала близкий контакт со всеми своими арендаторами и была решительно настроена против обезличенных бюрократических организаций и правительственного вмешательства в вопросы жилья.

445

Эмили Саутвуд Морис (урожденная Хилл) (1840–1931) — сестра Октавии Хилл.

446

Моника Маргарет Гренфелл (1893–1973) — вторая жена известного маршала Королевских ВВС Джона Салмонда. После замужества стала Моника Салмонд.

447

Один из беднейших районов Лондона.

448

Элизабет Барретт Браунинг (Молтон) (1806–1861) — известная английская поэтесса Викторианской эпохи, о собаке которой В. Вулф написала шуточную биографию «Флаш».

449

Преданная сиделка Элизабет, ставшая свидетельницей на ее свадьбе с известным английским поэтом Робертом Браунингом и сопровождавшая пару в Италию.

450

Леди Флоренс Эльза Белл Ричмонд (1800–1871) — сводная сестра Гертруды Белл.

451

Книги Нового Завета.

452

Многотомное издание, содержащее сведения об известных деятелях Великобритании. Издается с 1882 г.

453

Имеются в виду люди эпохи Эдуарда VII (годы правления 1901–1910), правление которого характеризовалось отходом от строгой викторианской морали.

Новый Завет. Первое послание к Коринфянам 11:5.

455

Новый Завет. Первое послание к Коринфянам 11:7.

456

Новый Завет. Первое послание к Коринфянам 11:8, 11:9, 11:10.

457

Новый Завет. Первое послание к Коринфянам 11:14, 11:15.

458

Новый Завет. Первое послание к Коринфянам 14:34.

459

Новый Завет. Первое послание к Коринфянам 14:35.

460

Имеется в виду Лидия из Фиатир — женщина-христианка, проживавшая в городе Филиппы и обращенная апостолом Павлом в ходе его миссионерского путешествия.

461

Книга Ж. Э. Ренана из цикла «История происхождения христианства».

462

Жозеф Эрнест Ренан (1823–1892) — французский писатель, историк, филолог.

463

Пер. с франц.

464

С XVIII века улица элитных бутиков и магазинов в лондонском районе Мэйфэйр.

465

Улица в лондонском Вест-Энде, известная в первую очередь своими магазинами, ресторанами и рождественскими иллюминациями, а также одна из важнейших лондонских магистралей.

466

Наемный экипаж на конной тяге, вмещавший, кроме кучера, до четырех пассажиров.

467

Вайолет Роза Маркэм (1872–1959) — английская писательница, социальный реформатор.

468

Джозеф Пакстон (1803–1865) — английский архитектор, садовод и ботаник, дед Вайолет Маркэм.

469

Прозвище 6-го герцога Девонширского.

470

Речь идет о крупном семейном металлургическом заводе «Bell Brothers».

471

Сэр Хью Белл, 2-й баронет (1844–1931) — трижды мэр Мидлсбро (город на северо-востоке Англии).

472

Небольшой, но хорошо известный район Вест-Энда, где сходятся вместе семь дорог. В те годы считался одним из самых криминальных и бедных районов Лондона.

473

Чарльз Кингсли (1819–1875) — английский писатель и проповедник. Один из основоположников христианского социализма.

474

Маргарет Фаррэнд Торп (1891–1970) — малоизвестная английская писательница, работавшая в основном в историческом и биографическом жанрах.

475

Сложно понять, идет ли речь о жене Чарльза Кингсли, Мэри Лукас Кингсли, или о его племяннице Мэри Кингсли, на которую В. Вулф неоднократно ссылается.

476

Эптон Билл Синклер (1878–1968) — американский писатель, выпустивший более 90 книг в различных жанрах, один из столпов разоблачительной журналистики.

477

Известнейший и престижнейший исследовательский университет в США.

478

Ричард Клэйверхауз Джебб (1841–1905) — выдающийся британский ученый в области античного искусства и политик.

Цитаты на русском приведены по книге «Софокл. Драмы.» в пер. Ф. Ф. Зелинского.

480

Эммелин Панкхерст (1858–1928) — общественный и политический деятель, борец за права женщин, лидер британского движения суфражисток, сыграла важную роль в борьбе за избирательные права женщин.

481

Самая большая женская тюрьма Англии (основана в 1883 году).

482

Город в Германии.

483

Животное — результат скрещивания осла и кобылы.

Пер. Ф. Ф. Зелинского.

485

Высшая ученая степень доктора гуманитарных наук.

486

Еженедельное литературное приложение к газете «Times», печатающее литературные обзоры и рецензии на новые книги.

487

Уильям Инге, Рыцарь-командор Викторианского ордена, Член Британской Академии (1860–1954) — английский писатель, священник, профессор теологии Кембриджа и декан собора Святого Павла.

488

Сэр Рикман Джон Годли, 1-й баронет (1849–1925) — английский хирург. В 1884 году он стал одним из первых врачей, хирургически устранившим опухоль мозга, основав современную хирургию мозга. Речь идет о ежегодных лекциях его имени, проводимых в Университетском колледже Лондона.

489

Так В. Вулф называла домохозяек из высшего общества XVIII века, использовавших собственное очарование и харизму для развития культуры и интеллектуальной свободы.

490

Плутократия — политический режим, при котором решения государственных органов определяются волей группировок богатых людей (частный случай олигархии).

491

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — ирландский англоязычный поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1923).

492

Джон Миллингтон Синг (1871–1909) — ирландский драматург, один из крупнейших деятелей национального возрождения Ирландии.

493

Оноре де Бальзак (1799–1850) — французский писатель, один из основоположников реализма в европейской литературе.

494

Dramatis Personae — четвертая часть автобиографии Уильяма Йейтса, опубликованная в 1936 году, описывает события и людей, которые оказали влияние на его становление как поэта.

495

Мэри Джун, баронесса Сент-Хельер (1845–1931) — старейшина Совета Лондонского графства и жена Фрэнсис Джуна, 1-го баронета Сент-Хельера.

496

Чарльз Эдмунд Морис (1843–1927) — адвокат, преподаватель истории, шурин Октавии Хилл.

497

Фрэнсис Ида Кларк — малоизвестная писательница.

498

Синтаксически неправильный оборот речи, не искажающий смысла высказывания.

499

Элизабет Чадли, герцогиня Кингстон (1720–1788) — английская авантюристка XVIII века, фигурантка нескольких громких процессов о двоебрачии.

500

Кэтрин Маколей (1731–1791) — писательница, историк и философ. Первая женщина-историк в Англии.

501

Дэниел Рэй (1701–1783) — английский антиквар и член Королевского общества.

502

Филип Йорк, 2-й лорд Хардвик, Ч. К. О. (1720–1790) — английский политик и писатель.

503

Джон Николс (1745–1826) — английский печатник, автор и антиквар.

504

Имеется в виду Анна Луиза Уокер (1836–1907) — англо-канадская учительница, автор нескольких романов и сборников поэзии. В 1884 году она вышла замуж за Гарри Когхилла, богатого вдовца, сколотившего состояние на производстве химических веществ. Указанная книга была впервые опубликована в 1899 году.

505

Стандартное справочное пособие по известным деятелям британской истории, публикуемое с 1885 года.

506

Ежедневная консервативная газета, издаваемая в Лондоне с 1772 по 1937 г.

507

Улица в лондонском Сити. Начиная с XVI века там стали появляться офисы основных газет, а позднее — и информационных агентств. За этой улицей прочно закрепилась репутация цитадели британской прессы.

508

Карандаш для редакторской правки.

509

Дуглас Френсис Джеррольд (1893–1964) — британский журналист и издатель.

510

В 1929 году в Англии был создал первый ежемесячный клуб по продаже книг по образцу американского.

511

Джон Китс (1795–1821) — поэт младшего поколения английских романтиков.

512

Альфред Теннисон (1809–1892) — английский писатель, любимый поэт королевы Виктории.

513

Гарольд Николсон (1886–1968) — английский дипломат, политик, историк.

514

Полное название «Теннисон: аспекты его жизни, характера и поэзии», книга впервые издана в 1923 году.

515

Джон Чартон Коллинз (1848–1908) — британский литературный критик.

516

Эдмунд Госс (1849–1928) — английский писатель, поэт и критик.

517

Эван Чартерис (1864–1940) — английский биограф и барристер. Близкий друг Эдмунда Госса.

518

Главный труд французского писателя Марселя Пруста (1871–1922), роман из семи частей, сочетающий грандиозность построения с неповторимой тонкостью взгляда на мир и ставший одним из самых известных и значительных явлений искусства XX века.

519

Маргарет Кэролайн Ллевелин Дэвис (1861–1944) — генеральный секретарь Кооперативной женской гильдии с 1899 по 1921 г.

520

Книга английского лингвиста и фольклориста Элизабет Мэри Райт (1863–1958), двухтомная биография мужа, которую она опубликовала после его смерти. Джозеф Райт (1855–1930) — филолог скромного происхождения, который вырос до профессора сравнительной филологии Оксфордского университета.

521

Департамент британского правительства, ответственный за управление британской армией в период с 1857 по 1964 г., когда его функции были переданы вновь созданному Министерству обороны.

522

Тактическая и административная единица, подразделение в кавалерии численностью 120–160 всадников.

523

Город и муниципалитет в Испании, столица провинции Гранада.

524

Горный перевал Гаударрама в Испании.

525

Масть лошади серого цвета, для которой характерно наличие разбросанных по всему телу белых «яблок».

526

Специальный представитель государства, политической организации или спецслужб, направляемый в другую страну для выполнения различных поручений.

527

Гражданская война в Испании (17 июля 1936 — 1 апреля 1939) — конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства Народного фронта (республиканцы, лоялисты) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники), поддержанного фашистами (Италией, Германией) и Португалией, в результате которого была ликвидирована Испанская республика и свергнуто республиканское правительство, пользовавшееся поддержкой СССР, Мексики и, в начале войны, Франции.

528

Луи Делапре (1902–1936) — французский журналист и военный корреспондент в Мадриде, погибший в ходе Гражданской войны в Испании. В качестве репортера его заменил Антуан де Сент-Экзюпери.

529

Имеется в виду жена Оливера Стрэйчи (1874–1960), британского госслужащего Министерства иностранных дел, Рэй Стрэйчи (1887–1940) — британская писательница, политик, феминистка.

530

Вероятно, имеется в виду Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919–1920 гг. Ее целями были разоружение, прекращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности и т. д.

531

Эмма Линда Палмер Литтлджон (1883–1949) — австралийская феминистка и журналистка.

532

Уильям Александр Джерхарди (1895–1977) — английский писатель, родившийся в Петербурге, прославившийся романом «Полиглоты» о Гражданской войне в России, а также монографией о творчестве Чехова.

533

Геральдический (Имперский) орел, один из символов нацистской Германии.

534

Пауль фон Гиндербург (1847–1934) — немецкий военный и политический деятель. Президент Веймарской республики с 1925 по 1934 г. Именно он в 1933 году назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером, президентским декретом поручив ему сформировать правительство.

535

Этель Мария Тернер (1870–1958) — британская писательница, журналистка, художница.

536

Британская ежедневная газета, издающаяся в Лондоне.

537

Средняя (изначально воскресная) школа для девочек в западном районе Лондона, основана в 1796 году.

538

Воскресная широкоформатная газета, издающаяся в Соединенном Королевстве.

539

Книга, входящая в состав еврейской Библии (Танаха) и Ветхого завета. В настоящее время обычно толкуется как сборник свадебных песен без единого сюжета, но может интерпретироваться как история любви царя Соломона и девушки Суламиты.

540

Трагедия Уильяма Шекспира. Действие происходит в 1 веке до н. э. (от начала Парфянской войны до самоубийства Клеопатры). Написана примерно в 1607 году, впервые опубликована в 1623 году.

541

Регистрационный суд, имеющий юрисдикцию в отношении различных незначительных правонарушений, таких как нарушение общественного порядка.

542

Город в Англии, унитарная единица со статусом «сити» и церемониальное графство.

543

Джордж Бернард Шоу (1856–1950) — выдающийся ирландский драматург и романист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1925) и один из наиболее известных ирландских литературных деятелей.

544

Филипп Август Мере (1886–1975) — британский дизайнер, писатель и журналист.

545

Альфред Ричард Орадж (1873–1934) — влиятельная британская фигура в социалистической политике и модернистской культуре. Наиболее известен как редактор журнала «Новый век» до Первой мировой войны.

546

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) — английский поэт, философ, драматург, журналист, оратор, христианский деятель, иллюстратор, биограф и искусствовед.

547

Ричард Бердон Холдейн, 1-й виконт Холдейн (1856–1928) — влиятельный британский либерал, а затем лейбористский политик, юрист и философ.

548

Лилли Лэнгтри (1853–1929) — британская актриса и «светская львица».

549

Сара Эмили Дэвис (1830–1921) — английская феминистка, суфражистка и одна из участниц новаторского движения за право женщин получать образование.

550

Барбара, леди Стивен (1872–1945) — английская писательница-просветитель.

551

Маргарет Колльер (1872–1945) — британская художница, известная картинами животных.

552

Сэр Фрэнсис Бернард Дикси (1853–1928) — английских художник и иллюстратор, известный картинами, изображающим драматические исторические и легендарные сцены.

553

Фредерик Лейтон (1830–1896) — английский художник, яркий представитель викторианского академизма.

554

Ноттингем — город и унитарная единица в Великобритании.

555

Дама Лаура Найт (1877–1970) — английская художница, представительница постимпрессионизма в живописи. Кавалер ордена Британской империи.

556

Вечерняя газета, выходившая в Лондоне с 1881 по 1980 г.

557

Ветеринарная школа, расположенная в Лондоне, основанная в 1791 году.

558

Район на северо-западе Лондона.

559

Флора МакКиннон Драммонд (1878–1949) — британская суфражистка. Ее прозвали «генералом» за привычку возглавлять марши за права женщин.

560

Джулиан Сорелл Хаксли (1887–1975) — английский биолог, эволюционист и гуманист, политик. Один из создателей Синтетической теории эволюции.

561

Герберт Уилсон Грин (1857–1933) — малоизвестный ученый преподаватель.

Колледж Оксфордского университета,

«Ворчун», в пер. с нем.

564

Имеется в виду квартальная сессия — период, в течение которого отправлялось правосудие в судах Англии. Наличие такого периода характерно для всех судов Англии, за исключением мировых. В течение этого периода, который бывал четыре раза в год, суды разбирали подлежащие их ведению дела. Они существовали примерно с 1327 по 1971 г. и были упразднены с передачей полномочий Суду короны.

565

Учебная больница, расположенная в районе Фицровия Лондона и существовавшая с 1745 по 2005 г.

566

Элизабет Гарретт Андерсон (1836–1917) — английская женщина-врач и суфражистка. Первая женщина, получившая в Британии квалификацию врача и хирурга.

567

Амелия Мэри Эрхарт (1897–1937) — пионер авиации и американская писательница. Став первой женщиной-пилотом, перелетевшей через Атлантический океан, была награждена за это Крестом Летных Заслуг. При попытке совершить кругосветный перелет, Эрхарт пропала без вести в центральной части Тихого океана. Загадка ее исчезновения до сих пор не разгадана.

Хуберт, принц Левенштайн-Вертхайм-Фройденбергский (1906–1984) — немецкий историк, который был одним из первых противников Адольфа Гитлера.

569

Крымская война (1853–1856) — война между Российской империей, с одной стороны, и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империей и Сардинского королевства с другой.

Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918).

571

Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) — английский поэт-романтик, критик и философ.

572

Жан-Жак Руссо (1712–1778) — франко-швейцарский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения. Также музыковед, композитор и ботаник. Его называют предтечей Великой французской революции. Проповедовал «возврат к природе» и призывал к установлению полного социального равенства.

Пер. с франц. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова.

574

Уолт Уитмен (1819–1892) — американский поэт и публицист. Новатор свободного стиха.